

Магомедхан Магомедханов

ДАГЕСТАНЦЫ В ТУРЦИИ

Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН

Магомедхан Магомедханов

ДАГЕСТАНЦЫ В ТУРЦИИ

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

Махачкала 1997

Рекомендовано к изданию Ученым советом
Института ИАЭ ДНЦ РАН.

Рецензенты:

Б.М. Алимова, к.и.н., с.н.с.

М.Ш. Ризаханова, к.и.н., с.н.с.

М. Магомедханов. Дагестанцы в Турции. (Этнические последствия Кавказской войны). — Махачкала: ДНЦ РАН, 1997. — 135 с.

ISBN 978-5-905784-53-8

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ЦНЦ РАН

instituteofhistory.ru

© Магомедханов М.М., 1997.

ВВЕДЕНИЕ

Для дагестанцев, где бы они не проживали, судьба своих соотечественников интересна не только как часть их национальной истории. У многих она будоражит и чувства этнической, общедагестанской, общекавказской солидарности, и эмоциональное восприятие исторического прошлого, и неприятие потери родного языка, этнокультурных и этнопсихологических характеристик, ассимиляции, — будь-то в Дагестане или за его пределами. Значение этого субъективного аспекта изучения дагестанской диаспоры важно подчеркнуть еще и потому, что в обыденном сознании дагестанцев исторические, социальные, этнополитические явления воспринимаются и в возвышенных романтических абстракциях, и в земных, реалистичных образах великих предков, в личностном преломлении. И дело, вероятно, не в том, что дагестанцы это всемогущий многомиллионный народ, а в унаследованных ценностных ориентациях, в понимании, что нравственность и мудрость, богобоязненность и совестливость, терпеливость и самоотреченность в защите достоинства личности, тухума, джамагата, Родины, — непреходящи.

Судьба дагестанской диаспоры за рубежом, в частности в Турции, интересна и с той точки зрения, что в ней отразились по существу все исторические, социально-политические и экономические процессы и потрясения, происходившие на протяжении почти полувековой истории турецкого государства.

Определяя задачи настоящего исследования мы невольно задаемся множеством вопросов, поиск ответов на которые представляет не только познавательно-практический, но и теоретический интерес. Изучение дагестанской диаспоры в Турции предполагает сбор информации о том, как живут в этой стране наши соотечественники, каковы их позиции в экономической,

социально-культурной, политической жизни, насколько им удалось сохранить свой язык, свои этнические и этнографические особенности. Накопление такого рода информации имеет прежде всего гуманитарный смысл, служит установлению и упрочению чисто человеческих, восстановлению родственных отношений, культурных связей. Не менее важен и прагматический смысл, особенно в нынешних условиях перехода экономики Дагестана к так называемым рыночным отношениям, расширения международных связей, совершенствования средств массовой коммуникации.

Что касается теоретического интереса к исследованию данной проблемы, то достаточно назвать такие кардинальные для этнологической науки вопросы как роль исторического прошлого в адаптации и интеграции этнической группы в новой среде, возможности сохранения и воспроизводства этнической самобытности и идентификации в условиях резко изменившейся социально-культурной среды, государственной и общественно-политической системы, временные и демографические “резервы” этнического меньшинства в противостоянии всеобщим процессам ассимиляции.

Чтобы найти ответы на обозначенные выше вопросы необходимо, на наш взгляд, принимать во внимание как специфику этнографии Дагестана, так и самой Турции.

Турки полагают, что их происхождение берет начало от сына Ноя Яфета. По преданию, последний был отцом троих детей, первого из которых звали Абуль-Тюрк (в перев. с арабск. “отец тюрков”). Прожил он, как-будто бы, 240 лет и с него началось основание государства Туркестан. Легенда, как говорится, есть легенда. Возможно она не имеет особого отношения к реальной этнической истории турок. Однако, сама ссылка на библейский сюжет в какой-то мере характеризует сколь серьезно и важно оценивают свое этническое происхождение турки. Напомним при этом, что к потомкам Яфета относят себя и северокавказские народы, а их языки, наряду с грузинским, в лингвистической научной традиции, вслед за академиком Н. Я. Марром, принято именовать “яфетическими”.

Здесь нет необходимости вдаваться в вопросы этногенеза и этнической истории турок, тем более что тюркологами, в последние годы и дагестанскими, сделаны в этом направлении весьма значительные дополнения. Отметим лишь, что политические спекуляции вокруг “чистоты тюркской крови” имеют мало общего с происхождением как тюрков вообще, так и собственно турок. Турки — одна из наиболее смешанных в этногенетическом отношении наций мира. В их формировании приняли участие и монголы, и калмыки, и мадьяры, и славяне, и евреи, и даже японцы и корейцы. Что касается арабов, кавказцев, крымских татар, тюркских народов Поволжья и Центральной Азии, — то их роль в этногенезе турецкой нации, особенно в последние три столетия, чрезвычайно велика.

Другой существенный момент заключается в том, что Османская империя, создававшаяся почти шестивековыми завоеваниями, как и всякие бывшие и нынешние империи — являлась страной многонациональной. На территории огромной империи турки-османы (“османлы турк”) лишь в трех, четырех провинциях Малой Азии составляли этническое большинство. В некоторых восточных провинциях собственно турки составляли лишь примерно треть населения; другие две трети составляли армяне, курды, которые подразделялись на ряд этнических и этнографических групп, и др.

В арабских странах, входивших в состав Османской империи турки были представлены в качестве правящего меньшинства.

В европейской части османского государства турки составляли только десятую часть населения. Да и сами турки не представляли собой этнокультурного единства: это и собственно турки-османы, и гаджялы, и турки-тозлуки, герлоевцы, кызылбаши, кочевники-юрюки, турки-караманлы — греки по происхождению, тюрки по языку и христиане по вере, это и турки-сургучи — христиане по религии.

Надо сказать, что опыт упрочения империи путем использования в качестве колонистов других народов, широко применявшийся во времена Александра Македонского, Сасанидс-

кой и другими империями, в Османской империи стал более или менее активно воплощаться только со второй половины прошлого века, и, по всей вероятности, не без влияния огромных масштабов миграции в Анатолию северокавказцев.

Этническая карта завоеванных стран, в период переселения дагестанцев в Турцию, (главным образом с 60-х годов прошлого века), оставалась по большому счету неизменной. Население, подвластное империи, мало подвергалось ассимиляции. Более того, сами турки были вовлечены в этот процесс этническим большинством колоний.

Турция, являлась страной и принимающей, и “поставляющей” беженцев, вынужденных, и, реже, добровольных переселенцев. Причем “традиция” эта, с некоторыми оговорками, сохраняется вплоть до наших дней. Боясь насилия и в поисках лучшей жизни из Анатолии в Европу и Америку бежали армяне, курды, ассирийцы, турецкие политические деятели (особенно после процессов демократизации, начавшихся в Турции в 50-е годы). В тоже время в Турции нашли приют, политическое и религиозное убежище выходцы из других, главным образом азиатских стран. Словом, эмиграция и иммиграция — это особая страница турецкой истории.

Северокавказцы как на своей исторической Родине, так и за рубежом стали жертвой имперской политики царской России, субъектом ее дипломатических торгов с Османской империей и другими державами. Внутренние проблемы Османской империи также решались за счет северокавказцев, лишенных Родины, возможностей социальной самоорганизации, и, в силу этнической разнородности, слабо консолидированных между собой. В обезлюдившей после многочисленных войн Анатолии и в подвластных Порте странах, они нужны были не как этнополитический элемент, а как воины и пахари.

В Турции есть поговорка: “Туркиеде йетмиш ики бучук миллет вар” (“в Турции семьдесят два с половиной народа”). Если в этой шутке и есть доля истины, то она, видимо, заключается в том, что турецкая статистика не содержит точных сведений о распределении населения по этнической принадлежности и язы-

ку. К примеру, в таком насыщенном демографической информацией источнике как “Туркийе Истатисттик Йиллиги. 1951-1965. Анкара 1951-1966”., данных о выходцах из Дагестана нет вообще.

В фундаментальном и в высшей степени насыщенном информацией исследовании “Ethnic groups in the republic of Turkey. 1989. Wiesbaden. Ed. by Peter Alford Andruess.” содержатся сведения практически о всех этнических группах, представленных в структуре населения Турции, в том числе о дагестанцах, которым посвящено четыре страницы (105-107, 201). Надо отметить, что коллектив авторов упомянутой монографии использовал все доступные материалы по этнической статистике и этнографии Турции, в том числе рукописные работы, хранящиеся в библиотеках Турции и Европы, полевые этнографические данные, материалы журнальных статей, и т.д.

Среди исследователей интересующей нас тематики следует выделить Иззета Айдемира, черкеса, автора серии статей о северокавказцах (главным образом о черкесах) в Турции, изданных в журнале: “Кафкасийа дергиси” (Анкара), и монографии “Гёч” (с турецк. “Переселение”). (Izzet Aydemir. Gos. Ankara, 1988.)

Из публикаций имеющих прямое отношение к теме нашей работы следует выделить периодические издания северокавказской диаспоры в Турции: “Кафкасийа дергиси” и “Кузей Кафкасийа”.¹

Среди статей этого журнала представляют интерес: “Эрел С. Акушлар гьаккинда малумат” (Сообщение об акушинцах) в номере 13, 1972 г.; “Шентюрк Ф. Дагьистан койунун тарихчеси” (История селения Дагьистан — имеется в виду населенное лезгинами селение Дагьистан (другое ее название Междийе) в провинции Измир) в номере 7, 1971 г.; “Эгитер А. Йенигази койунун тарихчеси вэ Йеди Килисе эфсанеси” (История селения Йенигази и легенда о Йеди Килисе). В статье повествуется о с. Йенигази провинции Карс, населенном лакцами. Еще одна интересная заметка: “Эрполат А. Уч Тепе койу” в номере 59, 1980 г., посвящена истории села Уч Тепе провинции Сивас.

(Населено оно аварцами, в основном выходцами из хунзахских сел).

Назовем и сочинение Moor Марианы "Studien zum Lezgischen verb. Wiesbaden., 1985 (на немецк. яз.), посвященное изучению лезгинского глагола. Автор собирала материалы для своей работы в селениях "Дагъистан" провинции Измир, "Ортажа" (др. название "Кирне") и "Йайла" (др. название "Дёнберез") — оба в провинции Баликесир. Moor ограничилась только упоминанием этих сел и сведений этнографического характера о них не дает.

В турецкой историографии последних лет появились исследования, освещающие вопросы северокавказского мухаджирства с объективистских позиций. Так, Хайати Биже, автор монографии о кавказских переселенцах в Анатолию, пишет, что "кавказские мухаджирсы сделали предметом межгосударственного торга".² В этой работе содержится превосходный анализ того, каким образом и по каким причинам происходило выселение и переселение горцев Кавказа в Турцию, даны сведения о численности, расселении, социально-культурных и экономических условиях жизни мухаджиров. По мнению Х. Биже, политика Османской империи по отношению к переселенцам из Северного Кавказа сводилась к их туркизации и исламизации.³

Разносторонне освещение проблем северокавказской диаспоры содержится в работах, опубликованных представителями горской интеллигенции за рубежом. Среди них такие авторы как М. Ечерух⁴, Г. Баммат⁵, И. Беркок⁶, К. Пшимахо⁷, Ш. Эрел⁸, Ш. М. Хавжако⁹, Н. Берзедж¹⁰, В. Г. Джабаги¹¹, Т. Рамазан¹², Б. Хабичоглу¹³ и др.

Из фундаментальных исследований общего характера, посвященных истории взаимоотношений между Османской империей и Северным Кавказом следует назвать монографии профессора Стамбульского университета Мехмета Сарая¹⁴, профессора Висконсинского университета (США) Кемаля Карпата¹⁵, турецкого историка Дж. Гёкче¹⁶, этнографа А. Джафероглу¹⁷ и др.

В последние годы исследовательский интерес к северокавказской диаспоре значительно возрос. Из публикаций последних лет, в которых найдла освещение данная тема следует назвать

коллективную монографию "История Северного Кавказа"¹⁸, работы Г. А. Дзидзария¹⁹, А. Х. Касумова²⁰, А. В. Кушхабиева²¹, С. А. Чекменова²² и др.

Серьезным вкладом в разработку этой проблематики явилась книга А. М. Магомедова "Дагестан и дагестанцы в мире" (Махачкала, 1994).

Вопросы истории формирования дагестанской диаспоры в Турции и в странах арабского Востока, социальные, бытовые и этнокультурные характеристики диаспоры, основанные на полевых этнографических экспедициях, нашли разностороннее освещение в находящейся в печати коллективной монографии М. К. Мусаевой, А. М. Магомеддаева, М. — З. Ю. Курбанова.

Дагестанская диаспора в Турции стала предметом филологических изысканий и в диссертациях и публикациях И. А. Халипасовой.

Другие, не упомянутые выше работы, хотя и имеют косвенное отношение к теме нашей работы, позволяют представить своеобразие эпохи, военно-политические события, в контексте которых происходило формирование северокавказской, в том числе и дагестанской диаспоры в Турции. (Ссылки на некоторые из этих работ даются в ходе изложения).

1. Журнал "Кузей Кавкасийа" (Северный Кавказ) издается Фондом Шамиля ("Шамиль эгитим ве культур вакфи") в Стамбуле. Владелец и главный редактор этого журнала Расих Саваш, отставной майор турецкой армии, коммерсант, аварец по происхождению; доводится родственником известному в Дагестане арабисту из с. Аракань Н. Нурмагомедову.)

2. Dr. Hayati Bice. Kafkasiya'dan Anadolu'ya Goeler. Turkiye Diyanet Vakfi. Ankara. 1991., s. 54

3. Там же, С. 55 :Заметим, однако, что туркизация северокавказской диаспоры в этнически разнородной Османской империи, в которой среди собственно турков процесс внутриэтнической культурной интеграции не был завершен (и продолжается по сей день), могла осуществляться разве что в пределах Анатолии, да и то не всегда и не везде. Туркизация, если под этим термином понимать ассимиляцию турками этнических меньшинств, более или менее интенсивно продолжается последние полвека. Прямых свидетельств о насильственной туркизации дагестанской диаспоры в Османской империи нет. Их, по идее, и не могло быть. Ведь Ислам с совершенной ясностью определяет и предписывает то, как должны сосуществовать народы. В Коране об этом сказано в нескольких местах. Мы же ограничимся ссылками на следующие аяты: "Верующие, воистину, не иначе как братья. Посему, установите мир между братьями, и бойтесь Аллаха дабы удостоиться милости"; "О, вы, кото-

рые уверовали. Не допускайте, чтобы один народ осмеивал другой народ..."; "О, люди. Мы создали вас из мужского и женского начал и сделали вас народами и племенами, дабы вы познавали друг друга..." (49. — 11, 12, 14.)

Коль скоро мы коснулись этой проблемы отметим, что за пределами Анатолии туркизация северокавказских мухаджиров не могла быть сколько-нибудь эффективна уже в силу этнодемографических причин. Османской империи для удержания под властью славянского населения на Балканах важно было не то, что северокавказцы сохраняют свои отличительные черты, а то что они мусульмане; важно было усиление их исламизации.

Иной была ситуация в арабских провинциях, где турки, представлявшие правящее меньшинство, сами подвергались как естественной арабизации, так и более глубокой исламизации. Поддержка северокавказской специфики в среде единоверцов-арабов служила своего рода гарантом сохранения целостности Османской империи.

4. Ечерух М. Роль кавказских горцев в политической и общественной жизни Турции. — В журн.: Мусульманин. Париж, 1910, № 6.

5. H. Bammate. La Caucase et la revolution Russe (Aspect politique). — Paris: L'Union Nationale des Emigres de la Republique du Nord, 1929.

6. Ismail Berkok. Tarihte Kafkasya., Istanbul. 1958.

7. Kosok Psimaho. Kuzey Kafkasya. Istanbul., 1960 8. Serafeddin Erel. Dagistan ve Dagistanlilar., Istanbul., 1961.

9. Хаджоко Шаукат Муфти. Герои и императоры в Черкесской истории. (Перев. с арабск. Б. Н. Березгова). Нальчик., 1994.

10. Берзедж Нехад. Тахджир аш-шаракиса. Амман., 1985 (на арабск. яз.)

11. Vassan-Giray Jabagi (Sabagi). Revolution and Civil War in the North Caucasus — End of the 19th-Beginning of the 20th Century. — In: Central Asian Survey. Special North Caucasus Issue. Editor: Marie Bennigsen Broxup. Vol. 10 Number 1/2, 1991. Oxford. Pergamon Press. pp. 119-133.

12. Ramazan Traho. Circassians. — In: Central Asian Survey... Vol. 10 Number 1/2., 1991., pp. 1-64.

13. Bedri Habcoglu. Kafkasyadan Anadoluya Gocler. Istanbul., 1993.

14. Mehmet Saray, Muzaffer Urekli, Sema Isiktan, Ibrahim Yuksel, Ali Arslan, Mustafa Budak, Cezmi Eraslan. Kafkas Arastirmalari-I. Istanbul, 1988. ; Mehmet Saray. Atatürk ve Türk Dünyasi. "Türkiye ve Türkiye haricinde yasayan Türkler". Istanbul. 1988.

15. Kemal H. Karpat. Ottoman Population in 1830-1914. The University of Wisconsin Press. 1984.

16. Cemal Gokce. Kafkasya ve Osmanli Imperatorlugu'nun Kafkasya Siyaseti. Samil Egitim ve Kultur Vakfi Yay., Istanbul., 1979.

17. Ahmed Caferoglu. Turk Kavimleri. Ankara. 1983.

18. История народов Северного Кавказа. Конец XVIII в. — 1917 г. М., "Наука". 1988.

19. Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1982.

20. Касумов А. Х. Разные судьбы. Нальчик, 1967; Он же. Геноцид адыгов. Нальчик, 1992.

21. Кушхабиев А. В. Черкесы в Сирии. Нальчик, 1993.

22. Чекменов С. А. Мухаджирство, переселение, выселение горцев Северного Кавказа в Турцию. — В журн.: Тарих., № 1, Махачкала, 1994.

ИСТОРИЧЕСКИЕ И ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ДАГЕСТАНСКОЙ ДИАСПОРЫ

Прежде всего, что из себя представляла в этнодемографическом отношении Османская империя XIX века, и что представляет собой в этом плане современная Турция? Понятно, что это обширнейший вопрос и мы попытаемся ограничиться самым главным аспектом этого вопроса, т. е. этническим составом.

Надо сказать, что этнические перемещения происходили на протяжении всей истории Османской империи. Так, в 1492 году султан Баязит второй представил убежище от испанской инквизиции евреям-сефардам, которые были расселены по всей империи и остатки которых все еще охранились в Стамбуле и по сей день в качестве родного языка пользуются архаическим диалектом испанского языка.¹

В Османской империи нашли прибежище казаки, воевавшие под предводительством атамана Ивана Мазепы в 1708 году на стороне шведского короля Карла XII против царя Петра I, а также какая-то часть запорожских казаков, осевшая в Западной Анатолии и верховьях Дуная (Болгария), после того как Россия в 1775 году завладела Запорожской Сечью.

В связи с экспансии царской России на черноморское побережье Крыма только с 1790 по 1800 годы число беженцев из крымских татар и ногайцев превысило полмиллиона человек. Из них "не менее 200. 000 погибло в связи с бегством".²

Эмиграция ногайцев в пределы Османской империи продолжалась и в период Крымской войны 1853-1856 гг., и активизация с 1859 г. русской колонизации Чечни и Дагестана.

Первая волна ногайских беженцев осела в Добрудже (историческая провинция в пределах черноморского побережья со-

временной Болгарии и Румынии), вместе с крымскими татарами и в основном была ассимилирована последними. Во время Балканской войны 1877-1878 гг. части ногайцев удалось остаться в Добрудже, другая часть была насильственно изгнана царскими войсками в пределы Анатолии.

Не менее драматична и история заселения в пределах Османской империи лазов, азербайджанцев, среднеазиатской диаспоры -казахов, киргизов и др.

Насильственное выселение и вынуждение к переселению горских народов со своей древней Родины — Кавказа в Османскую империю было крупнейшим преступлением XIX века, которое, как было признано в Постановлении Верховного Совета Кабардино-Балкарской ССР от 20 февраля 1992 г. *“не имеет аналогов в истории нового времени”*.

История эта, тесно сопряженная с историей взаимоотношений Российской и Османской империй, Ирана и Западных держав, с одной стороны, и борьбой народов Северного Кавказа, в которой, кроме них самих, никто не был заинтересован, — с другой, наконец-то получила верную оценку. Это был геноцид.³

Активизация эмиграции с Северного Кавказа в Турцию началась еще до завершения Кавказской войны, с конца 50-х годов прошлого века. Поначалу, до 60-х годов XIX века политика царской России в захваченных ею областях Северного Кавказа сводилась к возможному ограничению выхода горцев за пределы Российской империи. Так, в *“Отзыве главнокомандующего Кавказской Армией г. Министру иностранных дел от 19-го ноября 1859 года за №78- Секретно”*, говорится: *“С давнего времени принято было на Кавказе за правило, по возможности, затруднять увольнение кавказских мусульман в Турцию и Мекку, чтобы устранить то вредное влияние в крае, которое производят возвращающиеся на Кавказ горцы, выносящие из означенных мест дух религиозной нетерпимости и враждебное расположение к России”*.⁴

Подлинный замысел *“демографической”* политики царских стратегов был определен задолго до военного завершения Кав-

казской войны и так или иначе сводился к формуле: *“Кавказ без кавказцев”*.

Колонизаторская политика России на Кавказе отнюдь не ограничивалась реализацией принципа *“разделяй и властвуй”*. Она осуществлялась такими варварскими для просвещенного XIX века приемами и способами, как сожжение сел и полей, изъятие скота и земель, перекрытие торговых путей, *“наказание диких непокорных туземцев-изменников”*, массовые экзекуции и высылки в Сибирь. Цель обречения коренных жителей на вымирание, как явствует из многочисленных документов тех лет, достигалась путем их физического уничтожения, выселения и выживания из Родины, заселения края колонистами. Вот один из таких документов - *“Высочайший рескрипт наказному атаману Кубанского казачьего войска, ген. — адъют. гр. Евдокимову от 24 июня 1861 г.”*, в котором царь Александр II недвусмысленно излагает цивилизаторскую для *“враждебных и неблагоустроенных племен”* роль его державы и казачества от Черного до Каспийского морей: *“Казачье сословие предназначено в государственном быту для того, чтобы оберегать границы Империи, прилегающие к враждебным и неблагоустроенным племенам и заселять отнимаемые у них земли. В продолжении почти целого столетия казачьи Войска, бывшие Черноморское и Кавказское линейное, с помощью Донских и Малороссийских казаков, дружно действовали для покорения враждебных племен, в особенности в последнее время они оказали большие заслуги, постепенно оттесняя неприятеля далее в горы и заселяя оставленные им земли... Ныне, с Божиею помощью, дело полного завоевания близко уже к окончанию. Остается несколько лет настойчивых усилий, чтобы совершенно вытеснить враждебных горцев с занимаемых ими плодородных стран и навсегда дворнуть на сих последних Русское христианское население”*.⁵

Русскими объявлялись земли, на которые ступал сапог солдата. Так, например, в обращении ген.-м.-ра Вельяминова к жителям Казанице от 6 января 1820 г. говорится, что по появлению в селении солдат *“вместо дружного приема, которого*

надеялись от вас они, вы их чуждаетесь, вы оставляете дома свои, вывозите имущество, предпочитаете скитаться в лесах и соседних деревнях... те, которые... будут упорствовать и не возвращаться в дома свои со всем имуществом и семьями, ясно обнаружат непокорность свою и преданность мятежникам, навлекшим бедствия войны на сию землю. Дома их будут сожжены, и никогда они не будут иметь пристанища на землях русских".⁶

Та же "технология" лжи, то же обвинение жертв агрессии в агрессивности и склонности к бандитизму использовалось по всему Северному Кавказу, было своего рода пропогандистским клише царских идеологов, и в их числе историков.

Стратегия и тактика, применявшиеся царским режимом в покорении Кавказа — это предмет специального изучения. Здесь же отметим, что неизменным элементом этой стратегии и тактики были уничтожение сел, строительство укреплений, заселение вокруг них казаков и отставного воинского сословия с их семьями. Так, в 1819 г. была заложена крепость Внезапная, в 1821-ом — Бурная, в 1834-ом — крепость в Темир-Хан-Шуре, в 1857-ом строятся укрепления в Шали, Хунзахе, Кванхидатле, в Салатавии (Старый Буртунай), в Аухе (укрепление Кишень у реки Ярык-су).

С июня по август 1858 года экспедицией ген.-л. барона Вревского были "разорены до основания" почти все аулы Англратля.

Еще более жестокими были действия царских войск и на Северо-Западном Кавказе. Так, в 1858 году отрядом полк. Бабича было истреблено 20 аулов натухасцев, а в январе-феврале 1859 года — 44 бжедуховских аула...

Подлинные деяния и намерения царизма были хорошо известны и осознаваемы на Северном Кавказе.⁷

Как известно, Северный Кавказ, после завоевание Россией Казанского (1552 г.) и Астраханского (1556 г.) ханств оказался заложником имперских устремлений Турции, России, Персии. Завоевание Крымского ханства (1783 г.), дипломатическая нейтрализация Турции (Кучук-Кайнаджирский мир 1774 г.) и Пер-

сии (Гюлистанский договор 1813 г.) развязывало России руки. Северный Кавказ оказался в изоляции, лицом к лицу с воинствующей империей, располагавшей огромной военной силой, постоянно практиковавшейся в завоеваниях.

Имперская воинственность являлась неизменным элементом общественного и бытового сознания России тех лет. Характерная деталь. В Тифлисе 21 октября 1853 года русский театр давал "даровой спектакль", на котором присутствовал ген. Воронцов, "8 эскадронов наследного принца Виртембергского полка и Донская седьмая батарея". Г-жа Яблочника, "любимица Тифлисской публики" пропела:

*"Ах другой-то край у нас,
Наш воинственный Кавказ.
Грозный старец боевой
Он России часовой.
Он не дремлет на часах
Горцам он внушает страх."*

Далее была исполнена ода-симфония "Россия перед врагами" на слова В. А. Соллогуба и Е. А. Вердеревского, в которой, среди прочего, есть и такое:

*"Уж не далеки супостаты
Уж тьмы их видны из-за гор"*

.....
"Дрогнет опять перед нами Вселенная".⁸

Словом, Кавказ "наш", а горцы "супостаты". Казаков же называли "достоинными сынами Кавказа",⁹ сам царь именовал их "кавказскими молодцами"¹⁰, а собственно кавказцы (которым, как можно судить по проектам царских генералов, была уготована судьба американских индейцев) третировалось не иначе как дикарями, бандитами, разбойниками, изменниками и т. п.

Правда, в некоторых проектах нельзя не заметить присутствие великодушия. Сошлемся в этой связи на признание "начальника штаба Кавказской Армии, Свиты Его Величества" ген.-м. Милютин от 29 ноября 1857 года:

“Колонизация европейцев в Америке повело за собой истребление почти всех первобытных там жителей ; но в наш век обязанности к человеческому роду требуют, чтобы мы заблаговременно приняли меры для обеспечения существования даже и враждебных нам племен, которых по государственной надобности, вытесняем из их земель. Таким образом, нам предстоит ныне решить одновременно в общей связи два вопроса: с одной стороны откуда взять ту массу Русских переселенцев, которые должны занять обширные пространства, отнимаемые у враждебных туземцев, с другой — куда переселять сих последних?”¹¹

Оба вопроса, как известно, были решены с предельным цинизмом. Ссылки на религиозные и прочие субъективные мотивы переселения горцев в Турцию нужны были царской администрации для сокрытия или оправдания политики геноцида по отношению к горцам. Тот же ген. — м. Милютин заявлял: *“Следуя неуклонно прежней системе действий в течении нескольких лет, мы доведем, наконец, горцев до крайнего стеснения ; они должны будут для прокормления своего сначала выбегать к нам отдельными семействами в значительном числе, а потом и безусловно покоряться целыми племенами и следовать туда, куда мы укажем”¹²*

Действительно, “система” эта применялась “неуклонно”, с той лишь разницей, что на Северо-Западном Кавказе выселение коренных жителей и “водворение массы русских переселенцев” осуществлялось в первоочередном порядке и интенсивнее, чем на Северо-Восточном Кавказе, и особенно в Дагестане, где природно-географические условия не столь благоприятствовали колонизации. Кроме того, следует иметь в виду и более выгодные для Российской империи геостратегические перспективы укрепления позиций на Черном море.

Заметим, что и война на Северном Кавказе, и колонизация края велись параллельно, во всех частях региона. Поэтому с методологической точки зрения целесообразнее рассматривать эти вопросы в контексте событий и процессов, происходивших во всем регионе.

Перемещения эти происходили на протяжении всего периода Кавказской войны, но, как уже отчасти отмечалось выше, они активизировались после пленения Имама Шамиля в 1859 году.

Анализируя трагические этнодемографические последствия “войн и владычества русских на Кавказе”, невольно задаешься вопросом о том, что же спасло народы Дагестана и Чечни от той ужасной участи, какую постигли адыгские народы, карачаевцы, ногайцы. . . , полностью или в большей степени лишенные исторической Родины, испытавшие на чужбине судьбу народов-изгнанников и оказавшиеся рассеянными по всему миру — не только по Турции, Сирии, Иордании, Ираку, Египту, Саудовской Аравии, но и в Германии, Америке, Израиле, Новой Зеландии, Филиппинах. . . , лишенные возможностей сохранения национальной самобытности?. Ответ, видимо, следует искать в духовных, нравственных началах и традициях горцев, в их не раз отмеченной непокорности. Ведь национально-освободительная борьба северокавказских народов не прекращалась ни после пленения в 1859 году Имама Дагестана и Чечни Шамиля, ни после 1864 года, когда были подавлены вооруженные выступления на Северо-Западном Кавказе, в Чечне, Западном Дагестане, ни после известных восстаний 1877, 1898, 1906 годов. Огромные жертвы и страдания, которые перенесли крымские татары, адыгские народы (кабардинцы, шапсуги, натухаевцы, абадзехи, хатукаи, бжедухи, жане, темиргоевцы, бесленеевцы, махошцы и др., за которыми вместо общего этнонима “Адыгъа” закрепилось название “Черкесы”) их депортация со своей Родины, так или иначе ограничивали возможности царской России для аналогичных действий на Северо-Восточном Кавказе и Дагестане. Что касается суровых горных условий, на которые принято ссылаться как на естественное препятствие на пути заселения русскими Дагестана и Чечни, то это верно лишь относительно высокогорья. Как показала практика колонизации, равнина, особенно приморская, по богатству своему, и по перспективам промышленного освоения вполне устраивала и искавшее здесь счастье состоятельное меньшинство, и люм-

пенствующее большинство, и казачество. Поэтому недостатка в притоке пришлого этнического элемента, как показывают материалы статистики, не было.

Подчеркнем, что отвлечение людских и материальных ресурсов на ведение войны с горцами, на массовое изгнание коренных жителей Северо-Западного Кавказа в Турцию и заселение отнятых у них земель колонистами, а не только суровые природные условия Дагестана и Чечни, позволили избежать дагестанцам и чеченцам участи адыгских народов. При этом цель — «очищение» Северного Кавказа от северокавказцев — и методы колонизации на всем Северном Кавказе были в своей основе идентичными, особенно в 50-х — начале 60-х годов прошлого столетия.

В этой связи нельзя не согласиться с А. М. Магомеддаева, который отмечает, что «с поголовным переселением дагестанцев в Турцию южные фланги границ России оголялись, а турецкое войско пополнялось воинами, закаленными в боях с Россией. . . , Россия лишалась налогоплательщиков. . . позже она пришла к выводу, что дагестанцев лучше оставить у себя на родине, создав из них «буферную зону» между Россией, Турцией и Ираном».¹³

На вопрос о том, каким образом и по каким причинам и мотивам происходила миграция горцев в Турцию, трудно найти однозначный ответ. Тем более, что отношение царской администрации к данному вопросу претерпевало в разные годы изменения. Так «на начальном этапе царская Россия не только поддерживала переселение, но и подстегивала его, обрабатывая шейхов, мулл, распространяя воззвания турецких и дагестанских эмиссаров, призывающих к переселению в Турцию».¹⁴

Чтобы представить то, в какой атмосфере и обстановке происходило переселение в Турцию обратимся к документам тех лет. Так, в «Отзыве главнокомандующего Кавказской Армией г. министру иностранных дел от 19-го ноября 1859 года за №78-Секретно», говорится, что горцы, обольщенные молвой о благах, которые их ждут в Турции и «видя. . . , что многолетняя религиозная борьба на Кавказе приняла решительный оборот в

пользу Русского господства и считая священной обязанностью всякого истинного мусульманина воспользоваться случаем для перехода в подданство правоверного государя, сотни семей устремились за море. Абазины и прикубанские ногайцы первые явились в большом числе просить об увольнении их в Турцию, под предлогом странствия в Мекку, а на самом деле с намерением навсегда переселиться с Кавказа: снаряжаясь в путь, они продавали все свое имущество, часто за бесценок. Примеру их последовали некоторые из магометанских народов Ставропольской губернии, потом кабардинцев и чеченцы, и, наконец, начинают поступать просьбы и от жителей Дагестана».¹⁵

Покровительство и благодетельствование Российской империей вновь завоеванных пределов состояло в данном случае в том, что она не предприняла никаких мер для предотвращения массовой эмиграции горцев в Турцию. Более того, она поощряла этому, усугубляя причины, побуждавшие горцев покинуть Родину. Царские власти на Кавказе предписывали «увольнять желающих беспрепятственно».¹⁶ Лицемерной была и политика по отношению к тем, кто раз переселившись в Турцию и приняв ее подданство возвращался по тем или иным причинам, или даже просто по семейным обстоятельствам, обратно на Родину. По заявлению главнокомандующего Кавказской Армией (1859 г.) «для нас было-бы всего невыгоднее, если бы переселившиеся горцы стали возвращаться обратно на родину».¹⁷ При возвращении переселившихся в Турцию обратно на Родину им предъявлялся иск в преступлении «перехода в подданство иностранной державы», за которым, как правило, следовало наказание в виде ссылки во внутренние губернии Российской империи.

Реальность тех времен состояла в том, что для многих переселенцев в Турцию иллюзии о благополучной жизни в стране единоверцев обернулись разочарованиями и тоской по Родине. Обманутые в своих надеждах, они искали возможности вернуться обратно. И в этом естественном желании своем они сталкивались с барьером лжи. Так, в «Циркуляре начальника Главного Управления наместника Кавказа к гг. начальникам губер-

ний и управляющим отдельными частями Закавказского края, от 20 февраля 1861 года, №1144" говорится: *"В прошлом году магометанские народы Северного Кавказа, прельщенные надеждою на лучшую жизнь и большие выгоды в единоверной стране, обратились с просьбами об увольнении их с семействами в Мекку для богомолья, скрывая под эту религиозную причиной тайную цель — поселиться навсегда в Турции... но вскоре народы эти, обманутые в своих надеждах, изыскивали все способы для возвращения на родину. Ген. — фельдм., при первом известии о таком желании магометан, признал необходимым принять всевозможные меры для воспрепятствования их намерению".* В качестве этих мер российским консульствам на Востоке предписывалось *"безусловно отказывать в помете паспортов уроженцам Кавказского края, перешедших в Турецкое подданство и желающим возвратиться в отечество, чтобы снова стать Русскими подданными".* Тем же, которые *"несмотря на означенное воспреещение, найдут случай возвратиться на родину"*, князь А. И. Барятинский, тогдашний наместник царя на Кавказе, приказал арестовывать и *"немедленно ссылать их во внутрь России на поселение навсегда"*.¹⁸ Даже в том случае, когда они не поменяли русского подданства, отправлялись только лишь для паломничества в Священные Мекку и Медину и просрочили паспорта из-за бюрократической волокиты в российских же консульствах — дорога обратно на Родину была закрыта. Уважительность причин доказывать было негде и некому.

Между тем, на стол царя ложились проекты об обустройстве Российской империи, исполненные в жанре "Моления Даниила Заточника", в жанре, традиции и популярность которого сохраняются и поныне. Иначе говоря, тема "Как нам обустроить Кавказ" была в среде "кавказского начальства" достаточно популярной. Однако в понятиях "Мы", "Наш", "Нам" подразумевались отнюдь не "враждебные туземцы". Их полагалось либо уничтожать, либо выселять, либо держать в положении в более приниженном, чем привычную к покорности и

привычную к крепостным порядкам массу, считать просто "подданными", а не "верноподданными".

Среди отмеченного рода превосходных по цинизму логики проектов, рескриптов, донесений, отношений, докладных записок и т. п., с голосом вопиющего в пустыне можно сравнить записку "бывшего начальника Штаба Отдельного Кавказского Корпуса, ген.-адъют. Коцебу, представленную кн. Барятинскому при частном письме" (1858 г.). В ней Коцебу возражает проектам, изложенным в докладной записке "Свиты Его императорского величества ген. — м. Милютину о средствах к развитию Русского казачьего населения на Кавказе и переселению части туземных племен". Суть содержания записки Милютину сводилась к *"усилению Русского населения северной покатости Кавказского хребта до решительного численного перевеса его над живущими там племенами Азиатского происхождения предполагаемым переселением на Кавказ 7600 семей Донских казаков"*, а в пределы Войска Донского предлагалось *"водворять выходцев из туземных кавказских племен, пленных и вообще всех горцев, которым на Кавказе не будет места"*. Цель *"перемещения значительной массы туземного Кавказского племени"* состояла, по мысли Милютину, в *"очищении мест для водворения на Кавказе Русского казачьего населения"*.

Коцебу по этому поводу сделал следующее, мужественное для верноподданного царского генерала заявление: *"стеснение коренных кавказских жителей в поземельном владении должно иметь предел: опасно отнимать у них самую надежду на получение когда-либо поземельной собственности"*.¹⁹

В соответствии с бюрократическими традициями империи записка Коцебу через Барятинского попала к тому же, против кого она была написана — к Милютину. Последний в пространственных комментариях и возражениях к этой записке среди прочего написал и следующую ложь: *"Кавказские племена не слишком дорожат урочищами, на которых живут"*. По мнению Милютину, *"если численность Азиатского населения уменьшится, а взамен того, усилится Русское население... тогда только этот роскошный край может успокоиться и достигнуть цветуще-*

го состояния... что же касается до тех племен туземных, которые упорно остаются враждебными нам, то нет и причины щадить их, когда государственная надобность требует отнятия у них земель, особенно за Кубанью к берегу Черного моря, где владычество наше не упрочится до тех пор, пока этот край будет заселен исключительно туземными племенами"²⁰.

По философии верноподданных "генералов-державникэв", выселение горцев с Кавказа рассматривалось как цель, ради достижения которой "оправдывались любые средства, в числе которых средством прочного утверждения нашего в крае признано водворение казаков в передовых линиях, чтобы постепенно стеснять неприязненные нам горские племена и лишать их средств к жизни"²¹. Говоря словами одного из великодержавных писмописцев, "земля закубанцев была нужна государству, в них самих не было никакой надобности"²².

Что касается Турции, то она имела на Северном Кавказе свои корыстные интересы, и, по признанию турецкого офицера Османбея "не строила проектов ради прекрасных черкесских свойств, но в видах собственной пользы"²³.

Ко времени пленения Имама Шамиля большинство населения Северо-Западного Кавказа, за исключением ополчений Мухаммед-Амина и Сефер-бея, было формально умиротворено присягой на подданство России и выдачей аманатов. Вскоре после пленения Шамиль обратился к Мухаммед-Амину с письмом, в котором советовал покориться русским.²⁴

20-го ноября 1859 года Мухаммед-Амин вместе с абадзехами присягнул на верность России, получал пенсии и от Российского и от Турецкого правительств и жил в Константинополе. В декабре 1859 года скончался и Сефер-бей.

С этого времени Россия получила возможность реализовать то, что было намечено в планах колонизации.

Как показывает анализ данных о выселении и вынуждении к переселению в Турцию горцев, отличие политики царских властей в этом вопросе на Северо-Западном и Северо-Восточном Кавказе носило скорее частный, тактический характер.

Стратегический замысел этой политики состоял в том, чтобы в этом важном с геополитической и экономической точек зрения регионе добиться максимальной "декоренизации". Как и следовало ожидать, замысел этот держался в тайне. "Сознавая, что преждевременное обнаружение подобного намерения было бы опасно, должно тщательно скрывать эту мысль правительства от горцев, — говорится в документе за 1858 год, — пока не наступит пора для исполнения ее"²⁵.

С 1859 года начинается тотальное переселение горцев Северо-Западного Кавказа с предгорий на плоскость, побережье Кубани и Лабы. По плану кавказского начальства предполагалось сначала переселить "жителей горных мест" на "эти земли и богатые равнины по левому берегу Кубани", а затем перекрыть путь на случай возможного возвращения обратно в горы. Несогласные с таким вынуждением к переселению и прямому покорению царской власти вынуждались отправляться в Турцию. Расчет был прост и бесчеловечен. Он состоял в том, что "перспектива надзора и ведения управления не льстит дикарям, издревле привыкшим к необузданному своеволию, но не следует забывать, что в то-же самое время всем желающим будет предоставлено полное право переселиться в Турцию, чем без сомнения, весьма многие и воспользуются. Таким образом, одно из тех препятствий, —... недостаток земель для переселения горцев — по мере развития казачьего поселения, устранился само собой"²⁶.

Выселение "кавказских мусульман" из "их родины и заселение кавказского края Русскими переселенцами" рассматривались как "важная государственная мера"²⁷.

Уже к концу 1860 года "почти все Горское и Ногайское население между Кубанью и Лабою и большая часть жителей мелких племен между Лабою и Белою переселились в Турцию и оставили свои земли свободными"²⁸.

На 1861 год планировалось "переселить на левые берега Кубани и Лабы жителей, населяющих земли между Белою и Лабою, занять передовую кардонную линией р. Белую от уроч. Каменного моста и начать заселение казаками горной мест-

ности по обеим покатостям Черного хребта и на пердгорьях”.²⁹ Для этой цели по расчетам Барятинского требовалось на территорию “к западу от р. Лабы до моря... водворить 18 т. семей или 90 т. душ”.³⁰

По мере продвижения вглубь гор, воздвижения новых укреплений перемещались и кардонные линии (Адагумская, Нижне-Кубанская, Лабинская, Урупская). Вслед за этими линиями один за другим строились казачьи станицы. В 1862 году их было построено 28, в 1863 г. — 22, в 1864 — 52 станицы.³¹

К началу 60-х годов прошлого века практически все адыгские села были сожжены и разграблены. Количество жертв от голода, холода, прямых военных столкновений исчислялось десятками тысяч. По данным на июль 1861 года “жители северной части Кавказа в весьма значительном числе, как можно предполагать свыше ста тысяч человек покинули свои земли”.³²

К 1861 году вся территория между р. Лаба и р. Белая (совр. Адыгейская республика) была захвачена. Все бесленевцы, большая часть темиргоевцев и кабардинцев было принуждено к переселению в Турцию. В том же году были сожжены все шапсугские села, а их земли заселены казацкими станицами. После кровопролитных боев с 300 тысячной армией шапсуги осенью 1862 года были принуждены до единого человека выселиться в Турцию. Та же участь постигла в ноябре 1863 года и абадзехов. С неимоверной жестокостью было подавлено к 21 мая 1864 года и вооруженное выступление убыхов. Добавим к этому, что ранее в 1859-1860 гг. в Турцию была выселена большинство абазин, живших между р. Кубанью и р. Урупом, а также 30 тыс. ногайцев Прикубанья.

Чтобы более отчетливо представить этнодемографические последствия колонизации обратимся к материалам дореволюционной статистики, касающийся самого начального этапа массового выселения горцев в Турцию.

ТАБЛИЦА I.

ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В 1862 ГОДУ ПО ВЕРОИСПОВЕДАНИЯМ. *

ОБЛАСТИ	численность (в тыс. чел. и в проц.)	
	христиан	мусульман
Ставропольская губ.	272,3 (77,9)	77,1 (22,1)
Кубанская обл.	420,4 (82,0)	92,5 (18,0)
Терская обл.	112,4 (28,6)	280,6 (71,4)
Всего:	865,0 (65,8)	450,2 (34,2)

* Составлена по: И. Стебницкий. VI. Статистические таблицы закавказского края. Число жителей кавказского края по вероисповеданиям в 1862 году. — Кавказский календарь на 1865 г., Тифлис, 1864, С. 122-123. (По тем же данным в Абхазии мусульман насчитывалось 9 тыс. чел., христиан — 5, 7 тыс. чел.).

Как видно из Таблицы I, численность населения северокавказских народов в регионе катастрофически сократилась. От более чем миллионного адыгского народа в Кубанской области осталось, включая 10 тыс. абазин, примерно сто тысяч человек.

Известно, что в периоды социальных потрясений наибольшие страдания выпадают на долю рядовых граждан.³³ Горская элита имела свои интересы в переселении в Турцию. Перспектива, связанная с крестьянской реформой осуществлявшейся в России после отмены крепостного права 1861 года якобы пугала ее.³⁴ Как писал Ад. Берже: “боясь с принятием нашего подданства лишиться своих подвластных, стали уходить в Турцию, увлекая за собой невежественную массу, доверявшую их уму, знанию и опытности. Эти именно лица и должны считаться инициаторами выселения”.³⁵ В этом была лишь малая доля истины.

1. Svanberg Ingvar. Kazak refugees in Turkey: a study of cultural persistence and social change. Uppsala. 1989 p. 61.

2. Svanberg Ingvar. Kazak refugees in Turkey. . p. 65. 3. См. :Касумов А. Х. Гено-

цид адыгов. Нальчик, 1992.

4. Акты Кавказской Археографической Комиссии. т. XII, Тифлис, 1904, С. 51.

5. АКАК, т. XII, Тифлис, 1904. С. 915-916 6. Кавказский сборник. том XXX, Тифлис, 1910, С. 16-17.

7. Об этом свидетельствует "Декларация независимости северокавказских народов ко всем правителям Европы и Азии", опубликованная в 1840 году в Лондоне Эдмундом Спансером. Вот некоторые отрывки из неё: "Иго России неприемлемо для нас, поскольку оно имеет неблагоприятные притязания на обычай, честь и счастье всего народа. Ее генералы действуют вероломно, ее солдаты — жестоко... Мы не сомневаемся, что столь мудрые страны знают, что мы не являемся русскими... Хотя мы не имеем артиллерии, генералов, строгой военной организации, флота и богатства, мы являемся самими собой — людьми чести и миролюбия, и мы ненавидим Россию по справедливости наших причин и постоянно воюем против нее. Для нас большое унижение, когда мы узнали, что на картах изданных в Европе наша страна обозначена как часть России. Соглашения, относительно которых мы ничего не знаем, ... были подписаны между Россией и Турцией... Россия рассказывает Западу, что черкесы являются подвластными ей дикими бандитами, или просто диким народом, который не приемлет доброты, не имеет законного правления. Именем Бога мы протестуем против подобной лжи... Мы имеем свой путь правления и привычны подчиняться закону... Россия каждый раз когда добивалась успеха старалась разделить нашу территорию на части и действовать таким образом, чтобы силой поставить нас в рабские условия. Она вторгалась к нам с множеством войск, желая укрепить себя за счет нашего пота и истощения нашей крови; она заставляла нас воевать в ее войсках и поработать других — даже своих соотечественников и единоверцев... Получилась бы длинная и печальная история, если рассказать о ее ужасных деяниях, преследовании веры, ее лживых обещаниях. Она окружила нашу землю со всех сторон, отрывая нас от необходимых для существования связей с другими правительствами; она отрезала нашу торговлю, она силой подстрекает нас прибегнуть к ножу и взяткам или к уничтожению оставшихся частей наших древних фамилий; она уничтожает целые племена и аулы; она подкупает командиров Порты; она подвергает нас к нищете и недостойным образом пытается обратиться против нас негодованием всего мира; своими обманами она пытается очернить нашу репутацию в глазах христианских народов Европы... Мы потеряли в бою много людей... Но наконец мы все объединены как один... Правда, мы имеем определенное число людей, которых Император претягивает на свою сторону лгая им, и которые предпочитают покровительство Императора, рискуя свободой своей родной земли, но это не пугает нас... мы являемся... независимым народом. Мы воюем и мы побеждаем. Кто имеет силу освободить нас?". (Цит. по: Ramazan Traho. Circassians. In: Central Asian Survey. vol. 10, numb. 1/2, Pergamon press. Oxford, 1991. pp. 35-37.

8. АКАК, т. XI, Тифлис, 1888, С. 903, 905.

9. АКАК, т. XII, Тифлис, 1904. С. 1171

10. Там же.

11. Там же, С. 763.

12. Там же.

13. Магомеддадаев А. М. Дагестанская диаспора. — В журн. "Возрождение", 1995 № 2, с. 24

14. Там же.

15. АКАК, т. XII, Тифлис, 1904, С. 5

16. Там же, С. 52.

17. Там же, С. 53.

18. Там же, С. 68.

19. Там же, С. 760.

20. Там же, С. 761.

21. Там же, С. 768.

22. Фадеев Р. Письма с Кавказа. СПб., 1865, С. 148.

23. (Осман-бей). Воспоминания майора Осман-бея, 1885 г., в: -Кавказский сборник., т. II, С. 171

24. АКАК, т. XII, Тифлис, 1904, С. 827.

25. Там же, С. 769.

26. Там же, С. 665.

27. Там же, С. 759.

28. Там же, С. 665.

29. Там же, С. 165-166.

30. Там же, С. 666.

31. Невская В. П. Присоединение Черкессии к России и его социально-экономические последствия. Черкесск. 1956, С. 86.

32. АКАК, т. XII, Тифлис. 1904, С. 75.

33. Действительно, в социальной структуре черкесов были зависимые сословия, имела место работорговля. Нередким явлением было продажа девиц в турецкие гаремы, унаутов (рабов), шшитлей, огов (зависимых крестьян) — в домашнее рабство. Торговля эта практиковалась с турками и до массового выселения. Однако в 60-е годы прошлого века в Турции среди некоторой части черкесов она приняла такие масштабы, что вызывала негодование и возмущение европейских стран и особенно Великобритании, настойчиво требовавшей от Турции прекратить это постыдное явление. Предмет этот требует специального рассмотрения. Здесь же отметим, что для многих черкесов продажа не только своих подвластных из унаутов, шшитлей и т. п. но и ближайших родственников (сестер, детей, а известны случаи — и жен), было крайним средством выживания от голодной смерти как тех, кого продавали, так и тех, кто продавал.

34. Невская В. П. Указ. соч., С. 88.

35. Берже Ад. П. Выселение горцев с Кавказа. //Русская старина. Т. 33. 1882, С. 346.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ВЫСЕЛЕНИЕ. ВЫНУЖДЕННОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ. ПРИЧИНЫ И МОТИВЫ

Когда не только целые народы, но даже небольшую группу людей насильственно выселяют или депортируют, а тем более подвергают геноциду, говорить, как это делается в некоторых «великодержавных» сочинениях, о причинах и побудительных мотивах, объясняющих такие деяния геополитическими и прочими интересами империи, по меньшей мере кощунственно. Такие варварства как изгнание или геноцид народов не имеют ни объяснения, ни тем более оправдания. Поэтому о причинах и мотивах миграции северокавказцев в Турцию можно говорить тогда, когда речь об их эмиграции или добровольном переселении. Но и в этом случае поиск причин эмиграции горцев только в них самих, в их «военно-демократическом» строе, в «экспансионизме» против русских, в жажде к грабежам и наживе, в их «инициаторах выселения», религиозной агитации, слухах о том, что оставшихся на родине горцев будут записывать в солдаты, крестить и т.д., это не только смешивание таких понятий как причина и следствие, это -извращение истории.¹

Как пишет В. Г. Гаджиев: «... казачество принимало самое активное участие во всех военных действиях царизма, происходивших на Кавказе. Они вынуждены были участвовать в переселении горцев с исторической родины в Турцию».²

Тем же термином «переселение» пользовались А. Г. Дзагуров³, Х. О. Лайпанов⁴, авторы «Истории народов Северного Кавказа»⁵ и др. Обратив внимание на существующие в литературе противоречия в употреблении терминов «мухаджирство», «переселение», «выселение», С. А. Чекменов пишет: «Не следует думать, что речь здесь идет о терминологическом разногласии. Дело обстоит гораздо сложнее. Кажущиеся на первый взгляд малосущественные разногласия, при ближайшем ис-

следовании не оставляют сомнения в том, что проблема в целом нуждается в дальнейшем, более углубленном исследовании. Поскольку эта настоящая трагедия не обошла стороной ни один народ северо-кавказского региона, целесообразнее всего изучать эту проблему истории выселения каждого, отдельно взятого народа».⁶ Сам С. А. Чекменов, судя по содержанию его статьи: «Мухаджирство, переселение, выселение горцев Северного Кавказа в Турцию», придерживается определения «выселение». Напомним, что Ад. Берже, которого в большой ненависти к царскому самодержавию трудно обвинить, назвал свою работу 1882 года: «Выселение горцев с Кавказа в 1858-1865 гг.»

Сошлемся в этой связи на дореволюционный источник, характеризующий атмосферу, в какой происходило выселение: «Привязанность их к родине до того была сильна в этом народе, что они нередко забравшись в какое-нибудь заросшее темное ущелье, там и умирали от холода и голода с винтовкою в руке, чтобы пустить в русского последнюю пулю за свое изгнание. Живых, истощенных и ободранных, преимущественно женского пола и детей, команды забирали и доставляли в ближайшие пункты русских поселений... Для изгнания тех черкесов, которые, не желая покинуть родину, скрывались в горных тундрах и там спокойно ожидали своей смерти, наряжались особые команды».⁷

Надо сказать, что подбор терминов и понятий в исторической науке вещь далеко не индифферентная. Достаточно напомнить о чехарде вокруг определений «включение», «присоединение», «вхождение» Кавказа в состав «России», «Российской империи». Справедливости ради отметим, что большинство исследователей русско-кавказских отношений избегает, в отличие от термина «добровольное», понятия «завоевание».⁸

Применительно к Дагестану термин «выселение» не отражает все коллизии и сложности образования дагестанской диаспоры за рубежом. Понятно, что дагестанцы покидали Родину не от хорошей жизни.⁹ Они вынуждены были искать и находить духовное освобождение спасать и сохранять свою мораль,

свою веру, свою национальность. И уж потом, и то немногие, искали в Турции материальное благосостояние. Дагестанцы, а тем более пассионарии, хлеб насущный умели зарабатывать везде, в том числе и в самой Российской империи. Иначе говоря, эмиграция дагестанцев в Турцию была вынужденной. Она была обусловлена причинами и категориями более сложного порядка, чем прагматизм.

Как уже отмечалось, в Дагестане миграция в Турцию, а точнее в страны Арабского Востока, входившие в состав Османской империи, началась еще до военного завершения Кавказской войны. Надо сказать, что эта миграция, в отличие от Северо-Западного Кавказа, в Дагестане не носила столь ужасающий характер и масштабы. Тем не менее, она нанесла огромный и непоправимый ущерб генофонду, интеллектуальному и демографическому потенциалу дагестанцев.

Среди первых переселенцев на Восток были ученые-алимы, пользовавшиеся в мусульманском мире высокой репутацией, прекрасно знавшие классический арабский язык и занимавшие в иерархии духовенства весьма достойные позиции. Следовали они обычно в Турцию для дальнейшей отправки на жительство с семьями в Шам (Сирию), Миср (Египет), Мекку, Медину или Багдад. Если они и оставались в Турции, то либо в Константинополе (Стамбуле), либо в Карсе и Бурсе — традиционных центрах исламской культуры. Другую часть эмигрантов составляли люди мастеровые — оружейники, кузнецы, ювелиры и т.д. И те и другие часто не имели намерений навсегда осесть на чужбине. Они никогда не теряли надежд на возвращение в отчий край.

После пленения Имама Шамиля большая часть дагестанского общества была охвачена настроениями апатии. Не только ревностные приверженцы шариата, но и рядовые уздени, привычные жить и быть лично свободными, воспринимали завоевание Дагестана, немедленные административные реформы царских властей, появление военных крепостей, гарнизонов, бюрократических и полицейских учреждений, заселение края колонистами, — как угрозу их вере и будущему их семейств.

Все чаще в проповедях и личном общении духовные авторитеты стали указывать на то, что в Дагестане распространяется “купру” (безбожие), что на смену священным шариату и тариату приходит адат и т.д. К тому же среди дагестанцев (не без ведома царских властей) стали распространяться слухи о благости нахождения в подданстве единоверной Турции, о том, что турецкое правительство в лице самого султана покровительствует дагестанцам, обещает переселенцам хорошие земли и большие привилегии. Прошения на имя начальников округов и военного губернатора о переселении в Турцию от отдельных семей стали обычным явлением уже в 1859 году. Определенное влияние здесь оказало и то, что мухаджирством были охвачены и другие народы Северного Кавказа, в частности кабардинцы и чеченцы.

Так, например, в отношении и. д. Дербентского военного губернатора управляющему гражданской частью в Прикаспийском крае ген. — л. кн. Меликову от 19 декабря 1859 года говорится, что поступило “39 прошений от Дербентцев и 19 от жителей Кайтага; по собранным... сведениям оказывается, что движение это происходило в Дербенте через обложение горожан податями; а в Кайтаге и в нижних магалах Даргинского округа умы жителей возбуждены сведениями о переселении в Турцию горцев с центра Кавказской линии”.¹⁰

Надо сказать, что вокруг вопроса о переселении в Турцию были откровенные провокации и авантюры, к которым прибегали лица нечестивые, с неудовлетворенными политическими амбициями и корыстными намерениями. В качестве примера можно сослаться на безудержную агитацию к переселению в Турцию, которую в 1860-ом году вел гвардии корнет, сын генерал-майора Джамов-Бека, управляющий Уркарахским магалом в Кайтаге Ахмед-паша. В документе говорится, что причиной тому явились “личные неприязненные отношения” с поручиком Ахмед-ханом, правителем Верхнего Кайтага, “которые они нередко вмешивали и в служебные дела”.¹¹ Кроме того, Ахмед-паше, как сыну от простой узденки полагалось в случае смерти отца Джамов-Бека от предстоящего дележа наслед-

ственного имущества доля чанки, т. е. половина доли. О сущности этого момента в личной жизни Ахмед-паши можно судить по его заявлению, которое было сделано управляющему гражданской частью в Прикаспийском крае ген. — л. кн. Меликову от 6 июня 1860 года, в котором в качестве причины намерения переселиться в Турцию он *“высказал желание посвятить себя молитвам у гроба Магомета, за грехи отца, который в последние годы предался пьянству и не выполнял обязанности мусульманина”*.¹² (Все бы так, однако подлинная причина агитации других к переселению в Турцию заключалась в намерении воспользоваться их услугами и на чужбине).

Однако анализ частных или личных мотивов переселения в Турцию не обязательно позволяет получить адекватные выводы о сущностных причинах эмиграции. Главная из этих причин, как уже отмечалось, состояла в колонизаторской политике царизма.

Из уже опубликованных турецкими исследователями архивных материалов заслуживает внимания документ, датированный 19-ым октября 1863 г.¹³ Это письмо к правителю Трапезунда от Мухаджирской комиссии, в котором изложено содержание просьбы к указанной комиссии *“родственника Имама Шамля Шейха Хаджи Мехмед Эфенди”* об оказании помощи ему и следующим с ними в Священную Мекку двенадцати семьям в размере тысячи “гуруш” (турецк. денежн. ед.) на дорожные расходы. В документе также говорится, что Шейх Хаджи Мехмед Эфенди и следовавшие с ним семьи были приняты в Трапезунде с почестями, что им было выделено из казны Мухаджирской комиссии три тысячи “гуруш”, куплены билеты до Египта, а египетскому паше поручено позаботиться об их отправлении в Священную Медину.

Другой документ, датированный 6-ым июня 1901 года¹⁴, представляет собой отношение Канцелярии турецкого правительства к Мухаджирской комиссии, чтобы последняя ходатайствовала перед Российскими властями о выдаче 54-ем “мухаджирам кумыкского народа” (кумук кабилесинэ) российских заграничных паспортов. Отметим, что не все мухаджиры доста-

ивались того внимания со стороны оттоманских властей, какое было оказано Шейху Хаджи Мехмед Эфенди. Что касается ходатайства турецкой стороны перед российской на получение переселяющимся в Турцию паспортов, то это было одно из нацеленных на упорядочение миграции горцев в Турцию требований царской администрации.

В период с 1858 по 1868 гг. в Турцию переселялись в основном семьи из Западного Дагестана, из числа салатавских аварцев (селений Чиркей, Хубара, Зубутли и др.), а также из кумыков Темир-Хан-Шуринского округа.

Относительно массовое переселение дагестанцев в Турцию приходится на 1869-1871 гг., 1878 г. и особенно на 1899-1904 и 1910-1912 годы.

---

1. М. Блиев и его коллега по перу В. Дегоев выпустили недавно очередное сочинение о Кавказской войне. (“Кавказская война”. Москва, 1994”) В ней авторы существенно дополнили и уточнили исторические изыскания дореволюционных и советских авторов — апологетов царского самодержавия.

Сегодня, когда возрождается многое, в том числе символы и атрибуты царской власти, белое казачество, формируются организации фашистского толка и т.д., актуальность и практическое значение этого произведения не вызывает сомнения. Вот несколько выдержек из этого сочинения: “Не желая лишаться средств производства и высокого общественного статуса, верхушка тфокотлей в союзе с частью родовой аристократии спровоцировала грандиозную кампанию переселения черкесов в Турцию... Малосознательную массу не без успеха устрасали ужасами русского господства. Для принуждения соплеменников, особенно зависимых сословий, к выезду знать использовала авторитет народного собрания. Именно через этот патриархальный институт протаскивались решения о всеобщей эмиграции. Неподчинившийся ставил себя в положение изгоя, утрачивая право на опеку и защиту со стороны общины. Горцы, пожелавшие остаться в Черкессии, подвергались террору... Сыграли свою роль и наивные представления черкесов... Эти обстоятельства “срабатывали” практически безоглядно благодаря этнопсихологическим особенностям горцев. Их легковерность и увлекательность, способность попадать во власть минутного настроения и призрачной надежды, всра в слова и обещания усиливали колебания во внешнеполитических ориентациях, порождали быстропроходящие, сменяющие друг друга вспышки противоположных чувств. Таким образом, тесное слияние различных факторов вызвало массовый переселенческий прорыв, приобретший характер цепной, неуправляемой реакции. Многие поддались ажиотажу безотчетно, как поддается панике один человек, заражаясь ею от другого. Именно эту атмосферу паники искусственно нагнетала знать, предвещая муки ада под властью русских гяуров. Эмиграционная лавина оказалась настолько мощной, что понесла с собой даже тех, кто был настроен в России благожелательно... Русская администрация не препятствовала эмиграционному движению. Она даже выделила суда для этой цели... Новая родина встретила черкесов неприветливо... они умирали десятками тысяч от

истощения, холода и болезней. Вместо обещанных райских куш многие нашли в Турции лишь последнее пристанище. Больше "повезло" тем, кто вообще не добрался до "земли обетованной", потонув по пути вместе с утлыми турецкими суденышками, непригодными для дальнего плавания". (С. 579-580) Не стану комментировать все эти "антигорские" идеологические трюки. Скажу только, что столь красиво и пинично изреченные лжемудрости лично мне не доводилось читать даже у держимордствующих авторов прошлого века, на которых, для пушей важности, безмерно и с безудержной любовью ссылаются авторы.

2. Гаджиев В. Г. Кавказ и Россия (История и современность) - В журн. : Тарих., Махачкала, 1/1994, С. 9.

3. Дзагуров А. Г. Переселение горцев в Турцию. Ростов н/Д., 1925.

4. Лайпанов Х. О. К истории переселения горцев Сев. Кавказа в Турцию. // Труды Карачаево-Черкесского НИИ., вып. X, Ставрополь, 1966.

5. См. : История народов Северного Кавказа. Конец XVIII -1917 г. М., "Наука", 1988.

6. Чекменев С. А. Мухаджирство, переселение, выселение горцев Северного Кавказа в Турцию. — В журн. : Тарих., Махачкала, 1/1994, С. 14.

7. Короленко И. П. Переселение казаков за Кубань. Русская колонизация на Западном Кавказе. // Кубанский сборник. т. 16., С. 395-396.

8. Исключение составляет однобокий взгляд на Кавказскую войну, тиражируемый М. Блиевым и его соратниками. Последние смотрят на Кавказскую войну в привычном для них ракурсе и видят в ней экспансию горцев, находившихся, по их мнению, на стадии "военной демократии", против "русских гяуров". Для аргументации этой "теории" используются идеи социального детерминизма, высказанные различными авторами применительно к другим, не имеющим никакого отношения к Северному Кавказу странам и народам, по совершенно другому поводу, используются энгельсовские определения "военного коммунизма" и "военной демократии", относящиеся к первобытным стадиям развития человечества, отвергнутые наукой* теоретические построения М. М. Ковалевского, увидевшего в горах чуть ли не ирокезов, и именно в таком свете преподавшего их Ф. Энгельсу. (См. : Блиев М., Дегоев В. Указ. соч., С. 37-109.) *См. : Аглавов М. А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVIII- начале XIX в. М., "Наука", 1988.

9. В Дагестане еще лет 30-40 назад к переселению всей семьей в город, даже в дагестанский, относились с большой тревогой. Таковую семью провожали всем тухумом, всем селом. И сегодня выходцы из многих сёл, живущие в городах хоронят своих родственников, как правило, только на сельских кладбищах. Как гласит аварская поговорка: "Росу тун арав хвезе росулье вачунев" ("Тот, кто покинул село — в село же возвращается умирать"). Очень многие горцы, живущие в городах Дагестана, своим домом считают и "тухумный" дсм в селе. Даже если никто из ближайших родственников и не живет там, продаже такой дом обычно не подлежит, а предложение об этом может быть воспринято как оскорбление. Жилище в городе у многих дагестанцев, чья молодость прошла в селе, не вызывает того особенного "чувства дома", какое они питают к сельскому, отцовскому очагу. При такой фатальной, проявляющейся и сегодня в совершенно неожиданных сферах привязанности к своему тухуму, джамагату, Дагестану, нетрудно представить, какую же человеческую драму переживали наши соотечественники в прошлом, когда и традиции были сильнее, а любовь к родному очагу, к Отечеству, семейно-родственные связи — не слабее.

Чувство Родины — категория и нравственная, и историческая. Формируется

оно веками. Как говорит один профессор-востоковед "У дагестанцев есть такая особенность — они сильно любят Дагестан". Арабы говорят: "Ли кулли инсан ватланугу Багдад" (Для каждого человека своя Родина — Багдад.) Ср. : "Хианчиё бусенги — ватан, хборкьос хлорги — ватан." (Для птицы гнездо — родина, для лягушки лужа — родина.) При всей универсальности любви к своей Родине, у каждого народа и содержание и формы выражения этого природного, сопряженного с историей и культурой народа, чувства -особенны и своеобразны. Примечательно, что у дагестанцев нет соответствующего эквивалента пословице: "Рыба ищет где глубже, человек где лучше." Среди множества пословиц и поговорок, отражающих восприятие горцами своей Родины характерны такие, в которых жизнь на чужбине, пусть даже лучшая, считается несчастьем: "Ватан тун арасе талихI кьоларо." ("Тому, кто покинул Родину не дается счастье."); "Жиндир ракъ — чохьол эбел, чияр ракъ-бесдал эбел." (Своя земля — родная мать, чужая земля -мачеха.); "Нильер бакI — алжан, чияр бакI -жужахI." (Наш край -рай, чужой край — ад.); "Толго дунял свэрана, алжан рокьоб батана." ("Весь мир обошел, рай дома нашел."). Или еще: "Чияр ракъалда чи бецав." (На чужой земле человек слеп.); "Чияр ракъалда ханьтун вукIналдаса нильерго ракъалда озденьтун вукIин льякIаб." ("Чем на чужой земле быть ханом, на нашей земле лучше быть узденем."); "Чияр рольдун чедалдаса нильерго мочол гурга льякIаб." ("Чем чужой пшеничный хлеб, своя ржаная лепешка лучше.") и т.д. Аналогичного содержания пословицы имеются во всех дагестанских языках. — 35-

То, как глубоко наши соотечественники в Турции переживали ностальгические чувства к Родине понимаешь почти после каждого общения с ними. Есть пословица о том, что горцы умеют плакать не проливая слёз. Но слёзы тоски и печали, слёзы любви к Кавказу, к Дагестану, мы часто видели и в женских, и в мужских глазах. Такие слезы прощаются и самым стойким мужчинам.

Дагестанцы везде стараются оставаться дагестанцами, и в Патерсоне (штат Нью Джерси, США) и в Стамбуле, и быть может, в Москве, других столичных городах России. Причем не только мужчины, но и женщины.

Фатъма Йаман, предки которой — выходцы из Верхнего Дженгутая, родилась в с. Гюней-кой. Пенсионерка. Много лет она работала в Стамбуле, в Мармара Университете, а в последние несколько лет в одной из туристических фирм в качестве соучредителя и менеджера. Живет в Стамбуле. Великолепно владеет аварским, английским, французским и, естественно, турецким языками. "Дагестан для меня, — сказала она, — это не только Родина моих предков, это — моя Родина, это — печаль и любовь, без которой жизнь дагестанцев здесь, в Турции, невозможно представить. Я читала почти все, что написано о нас в Дагестане на аварском, и на русском, — переводили мои университетские друзья. Мы ничем не опорочили здесь, в Турции, Дагестан и имя Шамиля. У нас своя печаль, свое несчастье, свои слезы. Зачем надо было писать о нас так плохо? Кого теперь винить в том, что нас, потомков, лишили Родины? Нас самих? наших родителей, которые умерли в молитвах и слезах о Дагестане? Или наших дедов и прадедов, которые уехали из Дагестана?". В 1990-ом году в Стамбуле у Фатъмы Йаман погибла сестра. Все заботы о ее похоронах легли на плечи Фатъмы. И хотя похороны было легче и дешевле организовать в Стамбуле, она повезла усопшую в село, в Гюней-кой, туда, где находятся могилы родных. Среди уроженцев Гюней-койа -это правило. Вообще чувство села, если можно так выразиться, среди наших соотечественников в Турции развито также сильно, как и в Дагестане. Также, как в Дагестане, они не только стараются не продавать свои дома в селе, а наоборот ремонтируют, достраивают, перестраивают старые, строят

новые. Даже когда они давно переехали в город. Такое строительство особенно активно продолжается в Гюней-койе и других дагестанских селах, расположенных в районе Ялова. Этому, помимо традиционных ценностных ориентаций, немало способствует и то, что это один из самых престижных курортных зон на побережье Мраморного моря. Примечательно в этой связи, например, и то, что на традиционные праздники — Ураза-байрам, Курбан-байрам собираются почти все односельчане, где бы они не жили, даже из Германии, Голландии и др. стран. Так же, как и в Дагестане принято выезжать из города в село на соболезнования или на свадьбы.

Еще одна, характеризующая чувства исторической Родины деталь: на кладбище в с. Гюней-койе почти на всех надгробных камнях помимо имени написано откуда родом: “ругъжасса”, “цIадахIарисса”, “къородасса” и т.д.

Старшее поколение дагестанцев в Турции часто выражает недовольство тем, что молодежь, перебравшись в город, начинает пренебрегать отцовскими традициями, связями с селом, беспечно относятся к материнскому языку.

Тоже самое мы наблюдаем и в Дагестане. Как сказал Расул Гамзатов в стихотворении “Я редкий гость в родном ауле”:

“И забывают возвратиться птицы,

И оседают где-то вдалеке... .

А если уж решают возвратиться -

Чирикают на птичьем языке.”

(Перевод Е. Николаевской)

(Гамзатов Р. Г. Полдненный жар: Стихи. Пер. с авар. — М.: Современный писатель, 1993., С. 53.) Эта аллегория, к сожалению, отражает “дагестанскую реальность” и в Дагестане, и в Турции.

10. АКАК, т. XII, Тифлис, 1904, С. 1189.

11. Там же, С. 1191.

12. Там же, С. 1209.

13. Mehmet Saray ve ark. Kafkas Arastirmalari-I. ... s. 342.

14. Там же, С. 342.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ОТНОШЕНИЕ ПОРТЫ К МУХАДЖИРСТВУ

Оно было противоречивым. С одной стороны султан считался халифом всех мусульман, а потому должен был проявлять милосердие к единоверцам и покровительствовать над ними. Это выражалось не только в агитации среди кавказских горцев к переселению в Турцию, но и мерах по оказанию помощи в обустройстве мухаджиров. Речь идет о выделении османскими властями земель, денег для приобретения семян, материалов для строительства жилья, сельхозинвентаря, домашнего скота и т.д. Османская бюрократия довольно скрупулезно фиксировала эти расходы и данные о них отложились в турецких архивах.

Для поощрения переселения горцев Кавказа в Османскую империю были и объективные причины. В середине XIX века ее население составляло 35, 5 миллиона человек, из которых на Анатолию приходилось менее трети (10, 7 млн. человек).¹

Поражение в Крымской войне (1853-1856 гг.), большие людские и материальные потери, кабальный иностранный заем в 3. 000. 000 фунта стерлингов, ставили Турцию в тяжелое и унижительное положение.²

Как писал А. Ф. Миллер, долгое время находившийся на дипломатической службе СССР в Турции, :“заклучив во время Крымской войны 1853-1856 гг. свой первый внешний заем, Турция затем быстро докатилась до банкротства и с 80-х годов XIX в. оказалась не только фактически, но и формально в долговой кабале. Учрежденное иностранными кредиторами и возглавляемое ими Управление Оттоманского государственного долга получило в свое ведение важнейшие источники доходов страны и сделалось “государством — в государстве”. Около 5 тыс. чиновников этого Управления занимались взиманием налогов и сборов непосредственно с населения без всякого учас-

тия или контроля со стороны турецких фискальных органов, располагая при этом еще и содействием турецкой жандармерии и полиции".³

18 февраля 1856 г. султан Абдул-Меджид обнародовал "Хатт-и-Хумайун" ("Высочайший указ"), в котором декларировались равные права всем народам Османской империи. Симптоматично, что сделано это было в Париже. Фактически, как показала последующая история, Указ этот давал возможности Западным державам и России вмешиваться во внутренние дела Порты, под предлогом защиты прав, свобод и интересов христиан, иудеев, армян, курдов, черкесов.

Что могла сделать в этих условиях для своих новых подданных-мухаджиров распадавшаяся Османская империя?

В переселенческой политике оттоманские власти преследовали свои цели, стараясь поселить воинственных горцев поближе к границам Российской империи, с учетом наличия пустующих или слабозаселенных, пригодных для сельского хозяйства земель, а также с целью решения внутренних этнических проблем.

Царизм, с другой стороны, не удовлетворился тем, что захватил и опустошил Северо-Западный, лишил многих северокавказцев Родины. У царских властей до кавказских горцев и в Турции было дело: они и там не давали им покоя.

Россия, как известно, настаивала на том, чтобы турки расселяли кавказцев подальше от провинций, граничащих с Российской империей. В результате дипломатического и военного давления со стороны России Порты была вынуждена основную часть мухаджиров направлять в южные области Анатолии и в Сирию.

В 1876 году в Стамбуле состоялась конференция по поводу заселения Румелии переселенцами с Кавказа. Многие из них, еще не успевшие оправиться от тягот и несчастий, едва обосновавшиеся на новом месте, были насильственно подвергнуты весной 1878 г. новому переселению.

Формально мухаджиры освобождались на 6 лет от воинской повинности, и на 10 лет от всяких налогов. Как уже отме-

чалось, они получали и определенную материальную поддержку от казны на обустройство. Однако в увязшей в финансовых проблемах, взяточничестве и злоупотреблениях властью чиновниками Османской империи, эти льготы когда предоставлялись, когда нет.⁴

1. Подробнее см.: Kemal Karpat. Ottoman population 1830 -1944. Michigan., 1984, p. 65-94. В этой же работе говорится, что 20 % переселенцев с Кавказа скончались "от плохих условий и массовых заболеваний". В 1864 — 1865 гг., отмечает автор, в Самсуне ежедневно погибало 120-150 черкесов, в Трабзоне в 1865 году число погибших превысило 53. 000 человек (С. 67-69). К. Карпат отмечает также, что по различным версиям из Северного Кавказа, Крыма, Поволжья переселилось от одного до трех миллионов мусульман, и что в современной Турции 200. 000 человек считает родным крымско-татарский язык. (С. 65-66)

2. См.: Новичев А. Д. История Турции. IV. Новое время. Л.-д., 1978, С. 78-81.

3. Миллер А. Ф. Турция. Актуальные проблемы новой и новейшей истории. М., 1983, С. 46.

4. Вот что писал по этому поводу академик В. А. Гордлевский: "Обыкновенно мухаджиры пользуются в Турции в течении первых семи лет льготами; но внутренние неурядицы... требовали крайнего финансового напряжения. Не только мухаджирский паек (таин), никогда не выдававшийся полностью, был отобран, но уже на второй год по прибытии с них стали взыскиваться всевозможные налоги, бремя которых, ... невыносимо даже для долготерпеливых мусульман... Тяжесть налогов значительно увеличивался еще потому, что... сбор с зернового хлеба, так называемый ашар (десятина) — хотя на деле взимается одна восьмая, — сдается в каждом вилайете тому, кто больше предложит. Откупщик, затративший большие деньги на подарки чиновникам в присутственных местах, во что бы то ни стало должен вернуть с лихвой капитал и безжалостно выколачивает из населения что только может". (Гордлевский В. А. Избранные сочинения. Т. IV. М., 1968, С. 285-286.)

КАК ПЕРЕСЕЛЯЛИСЬ

В Центральном госархиве Дагестана имеются материалы, характеризующие то, как происходило переселение в Турцию и кто из какого сельского общества отправлялся на чужбину. Порядок получения “билетов” на переселение был следующий. Желающий переселиться, обычно глава семьи, подавал прошение на имя начальника округа. В этом прошении он указывал имена, возраст и родственные отношения тех, кто намеревался отправиться в Турцию вместе с ним. Далее, начальник округа переправлял это прошение, с визой о своем согласии, к начальнику Дагестанской области. Последний, в свою очередь, давал письменный указ казначею своей канцелярии с формулировкой “выписать в расход по имеющейся у Вас книге” столько-то “бланков заграничных паспортов” для таких-то лиц.

Как видим, порядок получения разрешения и билетов (т. е. заграничных паспортов, представлявших собой лист гербовой бумаги с печатью, но без фотографии) был довольно прост.

Надо сказать, что до 1869 года очень многие отправлялись в Турцию на жительство под предлогом паломничества в Мекку и поэтому вести сколько-нибудь полный учет переселявшихся было трудно. Царские власти в Дагестане с указанного времени стали более строго контролировать эмиграцию в Турцию. В частности, намерившимся переселиться необходимо было получить согласие сельского общества, подтвержденное подписями всех мужчин джамагата и заверенное печатью сельского судьи, а также справки от начальника округа, что за ними нет недоимок и что они не находятся под следствием или в розыске. (Иными словами, царская администрация заботилась о безупречности репутации переселенцев в Турцию.) Была также введена квота, по которой число хозяйств, переселяющихся из

Дагестанской области в пределы Османской империи ограничивалось до ста пятидесяти в год.

Позднее, с 1880-х годов, когда стали поступать прошения на переселение в Турцию в массовом порядке, царские власти для удовлетворения этих прошений помимо прочего требовали еще и депеши о согласии турецкой стороны на принятие в турецкое подданство тех, кто намерен переселиться. Добавим к этому, что с самого начала переселенческого движения горцев в Турцию от них требовалась письменная расписка об обязательстве покинуть Родину навсегда и впредь больше никогда не возвращаться в “пределы Российской империи”.

Несмотря на все эти препятствия люди все же покидали Родину. . . , зачастую нелегально.

Чтобы представить атмосферу и обстановку, в какой происходило переселение в Турцию в различные годы, судьбу тех, кого жизнь заставила покинуть Дагестан приведем ряд сведений и примеров.

Дагестанцы обычно переселялись группами. Заранее договаривались с другими семьями о дне отправки в путь. Дорога пролегла или через Владикавказ, военно-грузинскую дорогу, или через Западный Дагестан, Кварели до Кутаиси и, далее, до Батуми. Отправлялись кто пешком, кто на лошадях и арбах, запряженных волами. После недельного пути, на несколько дней, для отдыха, останавливались в Батуми. Там мухаджиры выполняли некоторые формальности, связанные с получением от турецкого консульства разрешения на въезд в страну.

Из Батума переселенцы следовали до Трапезунда (совр. Трабзон). Здесь они попадали в “попечение” турецких чиновников из Мухаджирской Комиссии. Последние определяли переселенцев либо временно в “лагерь для беженцев”, либо, в лучшем случае, сразу разрешали продолжить путь: по морю — до Константинополя (Стамбула), или по суше — до Карса, реже до провинций Токат и Сивас.

Дагестанцы, как правило, избегали морской путь и стали пользоваться им только с конца XIX века (через порты Новороссийска и Севастополя). Для тех, кто следовал по суше ту-

рецкие власти предоставляли подводы для перевозки пожитков. Также от турецкого правительства мухаджирам выплачивалась незначительная сумма денег на неотложные нужды. По прибытию в Карс, Эрзерум, Токат или Сивас их размещали в окрестных селах, или в самих этих городах, где до определения своей дальнейшей судьбы иногда до месяца и больше, они проживали в отведенных в турецких домах комнатах. Селились выходцы из Северного Кавказа в пределах Османской империи отнюдь не по их желанию, а исходя из политических интересов империи. А они состояли, во-первых в том, чтобы в местах расселения нетурок создать в лице северокавказцев своего рода опоры империи, и, во-вторых, селить их так, чтобы они нигде в Анатолии не составляли-бы компактного этнического массива, способного консолидироваться в политическом и этническом отношениях.

Турки также старались селить воинственных северокавказцев на окраинах империи. В этой связи показательно, что на Балканском полуострове было поселено по меньшей мере 50 тысяч семей черкесов.

По другой версии *“40. 000 черкесских семей, (примерно от 150 до 200. 000 человек) было поселено в Болгарии, Румелии и в районах Югославии”*.¹

Только на Косовом поле было 23 черкесских селения.² С целью предотвращения возможной агрессии со стороны Греции, северокавказцы, в том числе дагестанцы, были расселены и на побережье Мраморного моря (причем не только в районе Ялова, но и в Бандырма, Чанаккале), а также на острове Кипр.

Мухаджиры из числа дагестанцев и чеченцев попадали преимущественно в районы провинций Муш и Ван, населенные в большинстве своем курдами и армянами. У российской дипломатии это вызывало беспокойство, так как, наряду с Карсом, провинции эти расположены вблизи границ Российской империи. Кроме того ряд международных ассоциаций, поддерживаемых Россией, проявляли особую заботу об интересах армянского населения Турции. По отмеченным причинам выходцев из Дагестана и Чечни позднее, с 80-х годов XIX в., стали селить и

в провинциях Токат, Сивас, Кахраман-Мараш. То обстоятельство, что среди дагестанцев немалая часть переселялась по религиозным мотивам, а также распространенность среди них арабского языка, ориентация на получение детьми высшего духовного образования, побуждало многих из них искать место жительства в таких исламских культурных центрах как Бурса, Измир, Стамбул, Дамаск, Каир, Священные Мекка и Медина, Мосул, Багдад и др. Очень часто дагестанцы отправлялись в Турцию с намерением следовать далее в арабские страны, тем более что многие мухаджиры блестяще знали арабский классический язык — признак высшей образованности среди тех, кто более или менее знаком с арабоязычной культурой.

Однако турецкие власти имели свои виды на переселенцев. Вообще турецкие власти неохотно шли на разрешение северокавказцам создавать “свой”, моноэтнические поселения. Если и получали горцы такого рода разрешения, то хорошие места для создания сёл уже были заняты местным населением. Поэтому, очень часто, мухаджирам отводились маловодные земли, занятые племенами, ведшими кочевой или полукочевой образ жизни и не имевшими (в традиционном для дагестанцев понимании) понятий о частной собственности на землю. Иными словами, места для возведения сел отводились мухаджирам, за некоторыми исключениями, далеко не из лучших.

“Беспокойных” провинций и сел в Османской империи было достаточно, и, естественно, “нейтрализовать” их можно было за счет мигрантов с Северного Кавказа, в которых, по причинам, о которых говорилось выше, недостатка не было.

Оказавшись в меньшинстве, среди враждебно настроенного как к “чужакам” населения, наши соотечественники не имели другого выбора, кроме как терпеть унижения от властей и аборигенов (чаще всего курдов), или восставать. Нам приходилось слышать от дагестанцев много рассказов о вооруженных стычках между ними и курдами. По одному из них в конце прошлого века в провинции Муш, у села Зренги, рядом с мостом, который называют “Габдурахманил кьо” (мост Абдурахмана) произошло сражение с курдами, в котором, согласно

преданию, было убито 300 дагестанцев. До сих пор, говорили нам, там находят обломки оружия, и до сих пор пожилые верующие дагестанцы ходят туда по четвергам, чтобы читать Ясин.

Как писал А. Берже, один из первых дореволюционных исследователей вопроса выселения северокавказцев в Турцию: *“горцы водворялись везде силой, и так турецкие власти не всегда могли справиться с противодействием жителей, то переселенцам оставалось одно: расправляться с ними самим, но и такая задача совершенно противоречила всем надеждам их на счастливую, безмятежную жизнь в Турции. Поставленные в такое положение, они скоро поняли, как глубоко ошиблись, и недовольство их выразилось прямым сопротивлением всем распоряжениям турецкого правительства”*.³

Дисперсная система расселения мухаджиров, практиковавшаяся в Турции, грозила сохранению переселенцами своих этнических ценностей. Причем осознавалось ими это очень ясно. Сошлемся в этой связи на свидетельство очевидца Ипала Конохова, осетина-дигорца, относящееся к 1860-ому году: *“Из Карса переселенцев разсылали по окрестным селениям, чтобы их селить там. Но так-как дробили переселенцев по два, по три двора отдельно, то это обстоятельство особенно не понравилось переселенцам. Отец мой во все двухнедельное пребывание в Карсе отсутствовал, так как был назначен поверенным от всех переселенцев осмотреть место, где приходилось им селиться, и узнать о доброкачественности и годности этих мест. Отец вернулся обратно и к нему собрались переселенцы. “Места скверные, — сказал он им, — народ собачий... если здесь нас будут селить отдельно по два, три семейства, то мы забудем друг друга и не будем знать, кто умирает из нас и кто живет, и уже из этого собачьего отродья, что вас будет окружать, ни одна душа не прольёт печальную слезу и не проводит ваш прах до последнего вашего жилища — могилы. вспомните об этом и знайте, что на родине хотя кости наши лягут бок-о-бок с костями наших отцов и заплачет там о нас хотя одна душа”. Призадумались старики, слушая отцовские слова. Долго думали, молча, ... Согласившиеся вернуться обратно на ро-*

*дину с отцом, в количестве 90 дворов, решили оставить Карс...”*⁴

Как уже отмечалось, возвращению переселенцев на Родину царские власти поначалу, до 1861 года, препятствовали всячески. А позднее, особенно после 1864 года, они и вовсе были лишены такой возможности. Впрочем, и турки не поощряли это. Российские консульства в Турции были в буквальном смысле слова завалены многочисленными прошениями горцев о возвращении на Родину, но получали они неприменный отказ.

Весьма показателен в этом отношении следующий, курьезный с правовой, но понятный с великодержавной точек зрения пример:

Часть дагестанцев, осевшая в Карсе и Карской области Османской империи после того как в результате русско-турецкой войны 1877-1878 гг. эта территория отошла к России, обратилась к военному губернатору Карской области с просьбой разрешить им вернуться в Дагестан. Губернатор Карса обратился по данному вопросу к своему коллеге в Дагестане. Последний в своем “отношении” к Губернатору Карса отказ мотивировал следующим: *“Возвращение на родину горцев, переселившихся в Турцию, как признанное неудобным, всегда воспрещалось, хотя поселившиеся в Карской области выродцы (*так в документе — М. М.) из Дагестана ныне вновь вошли в состав подданных империи но вредные последствия возвращения их на родину несколько не изменяются, к тому же при переселении их из Дагестана им дозволено было распродавать как движимое так и недвижимое имущество и т. образом в бывших своих селениях они ничего равно не имеют, поэтому каждое возвратившееся семейство должно составлять бремя того сельского общества, которое примет их в среду свою и, кто может поручиться, что со временем не будет в Дагестане через это развит пролетариат, а может случиться, что в числе возвратившихся появятся люди неблагонадежные, которые станут распространять разные ложные слухи...”*⁵

По тем же мотивам власти в Дагестане отказывали жителям селения Йеди-Килисе Карской области Хаджи-Умар-Бутте

(сын Магомеда), его жене Хадижат (дочь Заал), их детям Магомед-Кази и Абдурахману вернуться в селение Куркли Казикумухского округа, в котором проживали сын и мать Хаджи-Умар-Бутта. И только настойчивые ходатайства курклинцев помогли ему вернуться в октябре 1880 г. на Родину. Такое же везение в феврале 1881 года постигло и Хаджи-Рамазана (сын Хаджи-Али-Эфенди) с женой и сыном. Они вернулись в селение Калал Самурского округа.⁶ Вот еще один документ тех лет — Рапорт Управления Темир-Хан-Шурина округа от 11 сентября 1880 года: *“Переселившийся в 1876 г. на жительство в Турцию Чирюртовский житель Курахма Магома Гази оглы умер там и малолетние дети его сын Магома Гази 12 лет и дочь Бикевай — 9 лет, перейдя тайно границу, прибыли на Родину в свое селение и заявили желание остаться там на всегдешнее жительство.”* Общество сел. Чир-юрта согласилось принять их в свою среду в качестве *“наглядного предостережения для мечтающих о переселении в Турцию жителей здешних селений”*.⁷

Однако противоположных примеров было куда больше. Приведем лишь один из них.

В декабре 1891 года в Российское консульство в Константинополе обратился с просьбой о разрешении *“на следование на родину на короткое время для свидания с родственниками и вывоза оттуда семьи”*, Ахмед-Бек-Юсуп из Акуша, 16 лет тому назад поселившийся в г. Хама (Сирия). В Акуша у него оставались жена Айша (дочь Баганда) и три дочери (Патимат, Айшат, Рукият), семеро братьев (Ибрагим-Гаджи, Магомед, Омар, Гаджи-Баганд, Муртузали, Абдулла и Муса) из которых, пока Ахмед-Бек-Юсуп находился на чужбине, двое - Муртуз и Омар умерли. В начале следующего 1892 года Ахмед-Бек-Юсуп получил разрешение на побывку в Дагестане в течении 6-ти месяцев, но вывозить семью в Турцию ему было запрещено. Начальнику Даргинского округа на случай прибытия Ахмед-Бек-Юсупа в Акуша было предписано чтобы *“за его поведением и сношениями с жителями был установлен строжайший секретный административный надзор”*.⁸ 9 марта 1892 г. Ахмед-Бек

Юсуп прибыл в Акуша и сразу же обратился к властям с просьбой оставить его в Дагестане на всегда. Акушинское общество *“состоящее из 1600 джамаатских лиц, имеющих право голоса, на сходе, из коих присутствовало при составлении сего приговора (т. е. согласие джамаата принять Ахмед-Бек-Юсупа в сельское общество и ходатайство об этом военному губернатору - М. М.) 1384 человека скрепили таковой приложением именных печатей и чернильных знаков своих пальцев”* специально собралось на сход по этому поводу. Однако право голоса *“джамаатских лиц”* Акушинского общества и их желание облегчить судьбу своего односельчанина было *“уважено”* тем, что 9 сентября 1892 года начальник Даргинского округа послал Военному губернатору Дагестанской области рапорт-депешу о том, что *“сего числа турецко подданный Ахмед Юсуп оглы из вверенного мне округа выбыл и в бытность свою в се. Акуша вел себя хорошо и за ним ничего предосудительного замечено не было”*.⁹

К сожалению, таких судеб в те годы было немало. Трудно представить, чтобы о них дагестанцы тогда не знали. И тем не менее переселению в Турцию продолжалось. Прощения на сей счет стали поступать в значительном количестве, особенно с 1899 года. Случаев, когда всем селом переселились бы из Дагестана в Турцию, не зафиксировано, хотя попытки такие были. Так, в 1900 году жители села Нита, Датуна, Накитль Батлукского наибства Аварского округа, составлявшие *“118 дымов”* (соотв. 63; 22; 33) *“за бедностью жителей”* из-за невозможности платить одновременно и казенные подати и плату хунзахскому обществу за аренду пастбищ, которые жители указанных сел считали искони принадлежащими им, обратились к высшему начальству в Дагестанской области с просьбой о *“разрешении им, трем обществам, переселиться навсегда в Турцию со своими семействами и со всеми своими хозяйствами, дабы этим путем избавиться от насилия хунзахского общества”*¹⁰ Просьба была отклонена.

Несмотря на препятствия со стороны властей на переселение в Турцию, наиболее настойчивым в своих желаниях все же

удавалось уезжать, зачастую нелегально. Одним из “способов” эмиграции в Турцию, к которому относительно часто прибегали до начала русско-японской войны и Первой русской революции (1905 г.) состоял в том, что намерившиеся на переселение получали “полугодовой” или “годовой паспорт на отлучку”, т. е. на отходничество за границу, в частности Турцию, но при условии, что отходники обязуются вернуться. В качестве своего рода “залога” возвращения, им запрещалось продавать свою недвижимость. Попав таким образом в Турцию, некоторые из дагестанцев, по разным, чаще всего религиозным мотивам, предпочитали не возвращаться.

Некоторые горячие головы в поисках благодатей на чужбине шли и на откровенные авантюры. К примеру, брали у местных властей разрешение на отход в пределы России, чаще всего в Новороссийск, и, далее, договорившись тайком с турецкими судовладельцами за соответствующий “бакшиш”, бежали в Турцию. Один из таких, Ахмад (сын Омар-Гаджи) из сел. Губден после того, как он обосновался в г. Бурсе в 1898 году, в письме к Айдемир-Беку (сыну Магомед-Бека), сообщал: *“Я достиг своей цели без всякого труда... Одна моя надежда и просьба к тебе — пришли мне с кем-нибудь кто будет ехать в Константинополь один хорошенький кинжал и целую плитку Калмыцкого чая”*.¹¹ Письмо было перехвачено царской охранкой и к адресату оно не попало. Надежды Ахмеда на кинжал с калмыцким чаем — рухнули.

Однако у большинства переселившихся в Турцию надежды и просьбы были не столь легкомысленными. В Российское консульство в Константинополе непрерывно поступали прошения о разрешении вернуться на Родину. Отказ в негласных инструкциях мотивировался тем, что *“лица, прожившие в Турции более или менее продолжительное время при возвращении на родину являются распространителями идей о панисламизме и вообще людьми вредными”*.¹²

Пытаясь понять побудительные мотивы дагестанцев на переселению в Турцию невольно приходишь к мысли, что многие находились в состоянии какой-то социальной фрустрации, не-

допонимали или не могли в полной мере осознавать значение такой универсальной ценности, как жизнь и смерть у себя на Родине. И только обреченные жить на чужбине, как говорили наши соотечественники в Турции, “в слезах о Дагестане”, они глубоко переживали то, что ностальгия по Родине не заменяет им Отечества.

Известно, что миграционные процессы имеют свои закономерности и причинно-следственные связи. Главная из причин переселения дагестанцев в Турцию состоялась, как уже отмечалось, в колонизаторской, антиисламской, русификаторской политике царизма. Именно в проекции на эту политику, а не в поисках вины в самих мухаджирах, и следует, на наш взгляд, рассматривать личные, семейные обстоятельства или религиозные, политические и др. мотивы миграции в Турцию. Наряду с тем, миграция, если она продолжается более или менее продолжительное время, имеет, как замечено исследователями, эффект, так сказать, “снежного кома”. В качестве характерного примера, можно сослаться на прошения, поступившие к дагестанскому начальству в 1910 году от 29 человек из селения Кишия Уркарахского участка Кайтаго-Табасаранского округа и 28 семей из Хаджал-Махи. Так, Хаджал-Махинцы в своем прошении причины переселения в Турцию объясняли следующим образом: *“хотя нам здесь живет недурно, но желание встретиться с родственниками и жить с ними... и не в достижении целей своих, а ради Всемогущего Бога указать нам добрый путь, за что премного будем благодарны”*.¹³

К этим прошениям военный губернатор потребовал *“приложить документ турецкого правительства, удостоверяющее согласие на принятие их в подданство Турции, причем предупредить, что без предъявления означенного документа ходатайства их не будут удовлетворены”*.¹⁴ Хаджал-Махинцам удалось преодолеть и это условие властей...

1. Hayati Bice. Kafkasya'dan Anadolu'ya Gocler. . . , s. 61.

2. Журн. : Северный Кавказ. Париж. 1936., № 22, С. 25.

3. Берже Ад. П. Указ. соч.. С. 174.

4. Ипал Конухов. Горцы-переселенцы. ССКГ, вып. IX, Тифлис, 1876, С. 100-101.

* Выродцы, производное от слова “выродиться” (по толковому словарю русского языка С. И. Ожегова оно означает: “Ухудшиться в породе, потерять ценные свойства предков”. По тому же словарю “выродох” (ед. ч. от “выродцы”) — это “человек, который выделяется в какой-н. среде своими крайне отрицательными, отталкивающими качествами”.

5. ЦГА РД, ф. 126, оп. 3, ед. хр. 100, л. 5.
6. ЦГА РД, ф. 126, оп. 3, ед. хр. 100, л. 15.
7. Там же, л. 22.
8. ЦГА РД, ф. 2, оп. 2, ед. хр. 75, л. 7.
9. Там же, л. 16.
10. ЦГА РД, ф. 2, оп. 2, ед. хр. 84, л. 62-63.
11. ЦГА РД, ф. 2, оп. 2, ед. хр. 86, л. 8.
12. ЦГА РД, ф. 2, оп. 2, ед. хр. 15, л. 6.
13. ЦГА РД, ф. 2, оп. 2, ед. хр. 92, л. 6-7.
14. Там же, л. 18, 19, 37.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

КТО ПЕРЕСЕЛЯЛСЯ

Выявление материалов о том, кто, когда и из какого села Дагестана выехал за рубежи Российской империи имеет практический смысл. Дело в том, что дагестанская диаспора, -по словам наших информаторов, — “*вплоть до революции 1917 года, и даже до смерти Ленина имела хоть какие-то возможности для поддержания связей со своими родственниками и односельчанами, оставшимися в Дагестане. Сталин наглухо закрыл границу.*”

Обычно вести о Родине и родичах приносились и передавались мухаджирам через дагестанцев — паломников в Священную Мекку. В советский период не только прекратилась миграция в Турцию, но и напрочь были закрыты малейшие возможности установления связей с соотечественниками за рубежом. Через “железный занавес” за границу обычно попадали официальные делегации, члены которых тщательно подбирались соответствующими органами, зачастую и сопровождались кем-либо из “агентов”. По возвращению домой они должны были писать для КГБ пристрастные “отчеты о поездке”, попросту говоря, “стучать”.

Те же из дагестанцев, которым удавалось в 60-е, 70-е годы побывать в Турции и общаться с соплеменниками, поделиться искренне своими впечатлениями о встречах с ними могли только устно, и только в узком кругу. Писать же о дагестанской диаспоре можно было “в соответствии с генеральной линией” отдела агитации и пропаганды Даг. обкома КПСС — как в прессе, так и в письмах за рубеж, к сородичам. Писались эти письма на аджаме редко, а умеющих читать на кириллице среди наших соотечественников в Турции было очень мало. Чтобы узнать их содержание, такие письма порой отвозили к кому-нибудь в Стамбул. Как мы могли убедиться, их содержание

было однотипным: восхвалялась советская система. Адресаты в Дагестане знали, что никакой тайны переписки для КГБ не существует. Поэтому осторожные дагестанцы на каждой странице письма несколько раз, специально для проверяющих, писали, что живут они прекрасно и их дома покрыты шифером. Известный и уважаемый в Токате человек, врач-ревматолог д-р Фахреттин Картал, предки которого из Хунзаха, показывал нам “несекретные” письма начала семидесятых годов от одного своего родственника из Дагестана, имя которого мы, по понятным причинам, не называем. Все письма написаны на русском. Фахреттин рассказал нам, что в ответах на эти письма он выражал сожаление по поводу сложностей с переводом с русского и просил своего родственника писать ему или на аварском, или на английском языке. Ответное письмо родственника, помимо восхваления своего, советского образа жизни и неопровержимых доводов в пользу социализма, неприязни к капитализму и к эксплуатации человека человеком, содержало совершенно принципиальную позицию по вопросу о языке. В нем на чисто русском языке сообщалось, в частности, что ему (т. е. родственнику) не нужен никакой другой язык, тем более английский, когда у него есть великий русский язык, язык великого Ленина. *“Какой же ты врач и как ты себя можешь себя считать врачом, если ты не знаешь русский язык”*, — сетовал он на Фахреттина.

Под неусыпным надзором соответствующих служб находились и те, кому власти, после тщательной проверки, разрешали навестить своих родственников за рубежом. По возвращению в Дагестан они должны были говорить о загранице “не то, что есть, а то, что надо”, т. е. свидетельствовать о том, что “у них — плохо, у нас — хорошо”.

В наши дни, когда ситуация изменилась, связи эти стали восстанавливаться. Поэтому представляется назревшей проблема создания своего рода “банка данных” о переселившихся в Турцию и другие страны арабского Востока в разные годы. Сбор такого рода информации как в Дагестане, так и среди наших соплеменников за рубежом может послужить целям вос-

становления утраченных или забытых родственных связей. Очень ценной информацией по данному вопросу располагает Ассоциация “Ватан” в Махачкале. Многие сведения о наших соотечественниках в Турции, с указанием конкретных имен и дагестанских сел, откуда были родом их предки, можно почерпнуть из книги А. Магомедова “Дагестан и дагестанцы в мире” (Махачкала, 1994.) Обширные данные на сей счет собраны и научным сотрудником Института Истории, Археологии и Этнографии ДНЦ РАН Амирханом Магомеддадаевым.

Естественно, что в данной работе мы не имеем возможности перечислить имена всех известных мухаджиров из Дагестана. Поэтому ограничимся некоторыми примерами.

По архивным данным, за 1869 год из Дагестана в Турцию переселилось по меньшей мере 100 семей. Только из сел Агачаул и Альбурикент в том году, согласно официальной статистике, выехало по 34 человека, из Губдена — более сорока человек.¹

Вот некоторые сведения, характеризующие “географию” выхода переселенцев в 1869 году. Из селения Параул выехало 5 семей во главе с главами семей: Магомед-Хаджи (сын Хаджи), Сулейман-Хаджи (сын Магомеда), Ордаш (сын Али), Курбан-Али (сын Мамма), Урус-хан (сын Султан-Ахмеда); из с. Казанище — семьи Усман-Абдуллы (сына Баммата) и Аджи-Иса (сына Кизи-Мирза); из с. Акуша — семьи Муртазали (сына Абдуллы) и Азсабар (сына Нука); из с. Чох — семья Магат-Магомеда (сына Гаджи).²

Из Южного Дагестана (Кюринского округа) переселились: семья Ягья (сына Махмуда), семья Ахмада (сына Ягья), семья Абдуллы (сына Ягья).

В том же году из селения Кванхидатль отправились в Турцию семья Али (сын Магома) и семья Магома (сын Али). Последняя состояла из него самого, его жены Курманды (дочь Кура-Магома), сына Гитино-Магома, его жены Ашуры (дочь Дибира), сыновей — Али, Апшин, Хаджияв, Лабазан, Магомед-Али, Алдам и дочери Хажит, т. е. из 11 человек. Вообще простыми (или, как принято называть, нуклеарными) семьями в Турцию

переселялись редко. Как правило это были сложные семьи, состоявшие из нескольких поколений.³ Так, например, переселившаяся в том же году из с. Губден семья состояла из главы семьи Бабат (сын Ислама), его жены Папа (дочь Гариса), их сыновей — Гаджи, Али, Ислам, Абдусалам, дочери Дженатай, двоюродного брата Бабата — Абдуджаджин, тестя и тещи Бабата — Гарис (сын Калак) и Бахтул (дочь Бахтул-Расул), брата и сестер жены Бабата — Абдул, Уджад, Кишли. Всего 13 человек.⁴

Приведем еще один пример, характеризующий состав семьи. В том же году из с. Мехельта в Турцию переселились: глава семьи Шейх-Магома (сын Якуба), его жена Салимат (дочь Али), из дети Нурудин и Магома, мать Шейх-Магома — Муту (дочь Амира), братья Шейх-Магома — Салих, Будаг, жена Будага — Патимат и дочь Парша.⁵

Кроме названных семей переселились также: из с. Мехельта — семья Гунаша (сын Амир-Хана); из с. Игали — семья Багадур (сын Дибера); из с. Очло — семья Гусейна (сын Гасан-Гусейна); из с. Цада — семья Юнуса (сын Магома) и семья Кура-Магома (сын Магома). По две семьи выехало в Турцию из сел Коло, Сиух, Гачада, Тарки и др.

Как показывает анализ архивных данных, после активной миграции в Турцию жителей Западного Дагестана в 1864-1865 гг. число переселенцев с этих мест к 1869-ому году сократилось. К рассматриваемому времени переселенческим движением практически не были охвачены Южный Дагестан, даргинцы (за исключением с. Губден), южные кумыки, большая часть аварцев (жителей, напр. совр. Гунибского, Чародинского, Гляротинского, Кахибского районов к рассматриваемому времени оно почти не коснулось.)

Что касается лакцев, то они к переселению в Турцию относились с большой предусмотрительностью и предосторожностью и, за редкими исключениями, следовали туда, куда знали и имели сугубо прагматические цели. В основном это были мастеровые люди (серебряники, кузнецы и т.д.), которые отправлялись в Турцию без семей, с так называемыми “срочными би-

летами”, на определенный срок (от года до десяти), с правом вернуться затем на Родину. Правда, получить такие “билеты” от царской бюрократии было не просто. Лишь после того, как им удавалось обосноваться в Турции, приобрести недвижимость и накопить кое-какие средства, они решались на переселение туда окончательно, с семьями.

С конца 60-х годов прошлого века лакцы, большей частью кумухцы, отправлялись в Турцию, обычно в такие города, как Карс, Измир, Бурса, Константинополь, а также в Дамаск, Багдад и другие города Арабского Востока по торговым делам или чаще с целью найти применение своему ремеслу. Некоторые молодые люди направлялись их родителями для обучения в известных в мусульманском мире образовательных центрах. В редких случаях лакцы переселялись в Турцию навсегда. Таких примеров единицы. Трагедия состояла в том, что не только лакцы, но и многие другие дагестанцы, не имевшие намерений навсегда остаться в Турции, после установления Советской власти в Дагестане были лишены всяких надежд вернуться на Родину. Как отчасти отмечалось выше, из салатавских аварцев переселялись в основном жители сёл Чиркей, Хубара, Зубутли, Миатли, Мехельта.

Из других аварских сел, откуда происходило переселение, следует назвать Корода, Маали, Гонода, Ругуджа (преимущественно в конце XIX — нач. XX вв.), Согратль (после подавления восстания 1877 года), Гергебиль, Кикунь, Аракань, В. Дженгутай, Апши (с 70-х годов прошлого века).

Из сел, расположенных на Хунзахском плато, Гидатле, из Телетля переселения в Турцию носили эпизодический характер.

В Западном Дагестане переселенческим движением были охвачены часть каратинцев и тиндалов.

После подавления царскими войсками и “дагестанской” милицией вооруженного восстания 1864 года переселилась в Турцию и часть дидойцев. Среди дагестанской диаспоры в Турции они известны под этнонимом “цлунгIал”.

Вероятно в число пяти (по другим данным трех) тысяч чеченских семей, переселившихся в 1865-ом году в Турцию по

агитации и вместе с бывшим царским генералом осетинского происхождения Мусой Кундуховым попали и отдельные андийские семьи. В последующие годы андийцы решались на переселению в Турцию крайне редко.

Среди даргинцев относительно частые переселения в Турцию начались с 90-х годов прошлого века. В основном это были выходцы из Губдена, Хаджал-Махи, Цудахара, Акуша, Кадара. Примечательно, что в Турции даргинцы сами себя называют "даргва", тогда как другие дагестанцы называют их "цедехI" (с аварск. "цудахарцы"). Кроме того, в Турцию переселилось небольшое число кайтагских семей (до 20-ти), потомки которых, кстати сказать, сохранили самоназвание "хайдакь".

Самое раннее из крупных переселений кумыков в Турцию относится к 1861-1864 годам, когда значительная часть жителей из Борган-юрта и других близлежащих к Темир-Хан-Шуре сёл, а также из Аксая, Андрей-аула через Самсун отправилась в провинции Токат и Сивас основала там села Шенорт, Йаву и др. В последующие годы в Турцию выезжали отдельные семьи из Казаниц, Параула, Эрпели, Альбурекента, Кяхулая. Отдельные кумыкские семьи примкнули к мухаджирам из осетин-дигорцев и кабардинцев.

Как среди самих дагестанцев, так и среди турок и других этнических групп Турции выходцев из Дагестана, не зависимо от этнической принадлежности, называют "дагъистанлылар". Вместе с тем там, как, впрочем, и в братском Азербайджане, нередко все дагестанцы именуется лезгинами. Однако, собственно лезгинских сёл в Турции — три. Это Межидийе (провинция Измир), Йайла и Ортажа (провинция Баликесир). Основали их выходцы из, расположенных в пределах современного Курахского района, в частности из с. Кабир, а также единичные лезгинские семьи, переселившиеся из разных сел бывшего Кюринского округа. Время переселения — с 80-х годов прошлого века. Выше нам удалось только в общих чертах ответить на поставленный в заглавии вопрос. Понятно, что за каждым случаем мухаджирства, за причинами, побудившими по-

кинуть Родину, за событиями, связанными с переселением наших соотечественников в Турцию человеческие биографии, людские драмы, разорванные судьбы. Ведь дети отрывались от родителей, братья от сестер. Разрывалась связь поколений, традиция. А последняя определяется не просто "средой обитания", но и тем, родная эта самая "среда" или нет.

1. ЦГА РД, ф. 126, оп. 4, ед. хр. 5, л. 3.

2. Там же, л. 9, 16, 18, 21.

3. Имеются в виду не нуклеарные семьи, а группа семей, члены которой объединены между собой родственными отношениями и носят одну, общую фамилию.

4. Там же, л. 7.

5. Там же, л. 11.

СКОЛЬКО ПЕРЕСЕЛИЛОСЬ

В научной литературе высказывались различные мнения относительно численности выселенных из Северного Кавказа.

Паул Бернхард Хензе с начала 50-х годов занимающийся историей Кавказской войны по этому поводу пишет, что *“много дискуссий о численности черкесов и других выселенных из своих земель на Кавказе. Так как не велся точный учет невозможно сказать сколько было изгнано. По анализу различных расчетов, представляется резонным констатировать, что примерно 1, 2 миллиона кавказцев эмигрировало из завоеванных Россией территорий ; 800. 000 из них остались в османских владениях”*.¹

Авторы фундаментального исследования: “История народов Северного Кавказа” рассматривая этот вопрос обратили внимание на недостаток источников. В ней в частности говорится, что *“исследователям предстоит еще уточнить численность переселившихся в Турцию, если это позволят источники”*.²

Надо сказать, что проблема определения численности мухаджиров осложняется тем, что не все архивные данные и сведения на этот счет введены в научный оборот. Кроме того, нет сравнительного анализа архивных и литературных данных, имеющихся в нашей стране, с теми, что опубликованы за рубежом, в частности в Турции.

Детальный анализ сведений опубликованных в зарубежной, в том числе в турецкой литературе, содержится в недавно вышедшем в свет обстоятельном исследовании турецкого историка Бедри Хабичогу.³ Автор предлагает выделить 5 периодов переселения горцев Северного Кавказа в Турцию: 1) 1858-1863 гг. ; 2) 1863-1864 ; 3) 1865-1877 ; 4) 1877-1878 ; 5) 1878-1907 гг. Каждый из этих периодов Б. Хабичогу, на основе тщатель-

ного анализа сведений из турецких архивов, характеризует следующим образом:

1) С 18 ноября 1858 г. по 28 ноября 1859 г. переселилось 17. 003 человека, из которых: ногайцев — 11. 309 чел., черкесов и абазин — 5. 694 чел. Заселены они были в Адане и Добрудже. К 27 декабря 1859 г. общее число прибывших достигло 26. 000 чел., а к 2-ому маю 1861 г. достигло 150. 000. (Из них 50. 000 чел. умерло). От оставшихся в живых 27. 705 чел. (4101 семья) было направлено на жительство в провинцию Адана, из которых по пути погибло 3970 человек. До октября 1863 г. в порты Трабзона, Синопа, Самсуна прибыло еще 10. 000 чел., из которых только в Трабзоне скончалось 60-70 человек.

2) В литературе этот период (октябрь 1863 — 1864 гг.) известен как “великое переселение” (“буюк гёч”). Всего за этот период переселилось, по оценочным данным, 300. 000 человек. Помимо этого Б. Хабичогу приводит сведения, по которым число жертв среди черкесов ожидавших на Кавказском побережье Черного моря судов для отправки в Турцию достигло 170. 000 человек. Высылались мухаджиры из портов Керчь, Тамань, Анапа, Новороссийск, Туапсе, Сочи, Хоста... В августе 1864 г. из Тамани было вывезено 27. 337 человек, из Анапы — 16. 453 ; из Новороссийска — 61. 995 ; из Туапсе — 63. 443 ; из Сочи — 64. 754, из Хоста — 20. 731 человек. Ближайший порт назначения — Трабзон — не был в состоянии принимать такую массу людей. Их стали также направлять в Самсун, Синоп, Стамбул, Варну, Костенже и другие порты. Смертность среди мухаджиров достигала до 20-ти процентов. В одном только Трабзоне в апреле 1864 года умерло 25. 000 человек.

3) В мае 1865 года вместе с Мусой Кундуховым переселилось 3000 семей чеченцев, в июне 1867 г. — 4000 семей абхазов и в 1873 году 3500 семей черкесов. Только за 1865-1866 гг. переселилось 80. 000 человек. С 1872 года, отмечает Б. Хабичогу, многие дагестанцы стали изъявлять желание переселиться в Османское государство.

4) 24 апреля 1877 года началась русско-турецкая война. В июне того же года русские захватили Туну и Добруджу, где

ранее, помимо турок, были заселены мухаджиром из крымских татар, ногайцев, черкесов. Им пришлось вторично пережить страшную трагедию. Большое число людей было убито и ранено, дома разрушены. Оставшиеся в живых частью бежали на юг, в сторону г. Эдирна, другая часть на кораблях, через порты Варна, Бургаз, Балчик, добиралась до Стамбула. К марту 1878 года общее число беженцев достигло 300. 000 человек, из которых 180. 000 прибыло в Стамбул. В Стамбуле и в его окрестностях были оставлены беженцы-турки. Что касается крымских татар, ногайцев, черкесов, то часть их была направлена в Румелию (только в Косово осело 2-3 тыс. черкесов), другие осели в Анатолии, Сирии, Палестине, Ливане. В период русско-турецкой войны в Трабзон, Самсун и Синоп прибыло и около 10. 000 абхазов.

5) В период с 1878 по 1907 гг. переселение носило эпизодический характер. Переселялись небольшими группами последние из оставшихся в живых на Родине черкесов, дагестанцы, лазы и аджарцы. Так, в 1888 г. в Самсун прибыло с Кавказа 3500 человек, в 1890 г. — 9165 черкесов, в 1899 г. 4867 человек разных национальностей Кавказа. Только в 1901-ом году из Дагестана прибыло 617 семей (3361 человек).

Обобщенные данные о численности всех мухаджиров по Б. Хабичоглу следующие:

черкесов — 700. 000 человек

абхазов и абазин — 50. 000

ногайцев — 30. 000

чеченцев — 45. 000

дагестанцев — 20. 000 человек.

Для выяснения условий жизни наших соотечественников в Турции важно знать не только историческую, социально-политическую и этнокультурную специфику этой страны, но и хронологические рамки образования дагестанской диаспоры. В этой связи существенным обстоятельством, облегчающим адаптацию на новом месте было то, что они в большинстве своем избежали так называемый “буюк гёч”, когда османские власти испытывали такие большие затруднения в организации приема

огромного количества мухаджиров с Северо-Западного Кавказа, которые и в наши дни вряд ли под силу даже высокоразвитым странам.

По данным турецких архивов, которые приводит Б. Хабичоглу⁴, хронология иммиграции дагестанцев в Турцию выглядит следующим образом:

В 1860-ом году в пределы Османской империи переселилось 130 дагестанских семей;

в 1864 г. — 110 семей;

в 1872 г. — 101 семья;

в 1874 г. — 554 чел., и 120 семей;

в 1901 г. — 3361 чел. (617 семей);

в 1903 г. — 1392 чел. ;

в 1905 г. — 836 чел. ;

Здесь Б. Хабичоглу приведены только некоторые данные. Так, например, по материалам, которыми мы можем оперировать, в том числе архивным, число семей дагестанцев эмигрировавших в Турцию с 1858 по 1868 год составляло не менее ста. Главным образом это были семьи из Западного Дагестана, которые ушли в Турцию в 1865 году вместе с чеченцами и осетинами-дигорцами.⁵

Установить хотя бы приблизительное число семей дагестанцев переселившихся за отмеченный период (т. е. с 1858 по 1868 гг.) трудно, так как многие отправлялись в Турцию под предлогом паломничества в Священную Мекку и не возвращались обратно. Некоторые уходили в Турцию без всяких на то разрешений со стороны колониальных властей. И все же названное количество — не менее ста семей — представляется близкой к реальному. Вообще более или менее точные данные по этому предмету можно получить путем сопоставления архивных материалов, которые отложились в нашей стране, Грузии и в Турции.

Полная хронология возможная по мере накопления новых сведений. Выше мы привели только статистические данные, содержащиеся в указанной работе Б. Хабичоглу.⁶ Сведения этого автора заслуживают доверия, так как они основаны на ана-

лизе огромного архивного материала. Вне поля зрения Б. Хабичоглу не осталось ни одно сколько-нибудь серьезное исследование по северокавказской диаспоре, в том числе на русском языке. Однако остается непонятным, почему автор ограничивает временные рамки миграции северокавказцев в Турцию 1907 годом, тогда как переселение продолжалось вплоть до окончания Гражданской войны в Советской России.

Насколько нам известно, данные Б. Хабичоглу о численности мухаджиров-дагестанцев (20. 000 человек) приводятся в научной литературе впервые. Вопрос о том, насколько они соответствуют действительности, остается открытым. Подчеркнем еще раз, что Б. Хабичоглу опирался на конкретный материал, почерпнутые из архивов Турции. Однако строгое следование этому принципу не избавляет от погрешностей в сторону уменьшения. Последние обнаруживаются при сравнении с данными, отложившимися в ЦГА Дагестана.

Надо сказать, что наши соотечественники в Турции, либо по незнанию, либо из соображений подтвердить свою “давность” проживания, часто утверждают, что их предки переселились из Дагестана “до Шамилевских времен”, “лет 150 назад” и т.д. К таким сведениям следует, на наш взгляд, относиться как и к любому другому полевому материалу, т. к. зачастую они не находят подтверждения другими источниками.

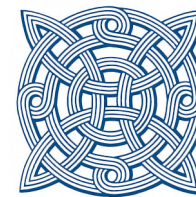
Нет устоявшегося мнения и относительно современной численности северокавказской диаспоры за рубежом. Разброс мнений у разных авторов составляет от 1, 5 до 4-х миллионов человек. Сами северокавказцы в Турции (их всех, в том числе дагестанцев, часто называют там, независимо от этнической принадлежности, черкесами) обычно называют три миллиона человек. Если иметь в виду, что массовая эмиграция в Турцию началась в конце 50-х годов прошлого века и продолжалась в тех или иных масштабах до 1921 года, охватив практически все мусульманские народы Северного Кавказа, а также учитывая то, что в 1947-1948 годах из Западной Германии в Турцию были переселены северокавказцы из числа военнопленных,

“невозвращенцев” и легионеров, цифра в три миллиона человек представляется не столь отдаленной от реального числа.

Что касается дагестанской диаспоры, то и тут нет устоявшегося мнения: одни считают, что их за рубежом 100. 000, другие — 500. 000 человек. Последняя цифра, в условиях плюрализма мнений, имеет право больше на существование, чем на истину. Можно называть и другие цифры: 200 тысяч, 600 тысяч и т.д. Но все зависит от методов статистики. Если к татарам причислять всех Татариновых, Салтыковых, Рахманиных, Шереметьевых и т.д. а к дагестанцам всех Дагъистанлы и Дагъистани, то по такой статистике можно насчитать и миллион.

1. Poul B. Henze. Fire and Sword in the Caucasus: The 19th Century Resistance of the North Caucasian Mountaineers. // Central Asian Survey. vol. 2, number 1, pp. 29.
2. История народов Северного Кавказа. . . , С. 204.
3. Bedri Habicoglu. Kafkasyadan Anadoluya Gocler. Istanbul, 1993.
4. Там же, С. 85-86.
5. Подробнее см. : История народов Северного Кавказа. . . , С. 207.
6. Bedri Habicoglu. Kafkasyadan Anadoluya Gocler. . . , s. 180-181.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Выселение с исторической Родины, которое для адыгских народов обернулось геноцидом¹, вызвало большие изменения как в этнодемографической структуре населения Северного Кавказа, так и Османской империи. Хотя для дагестанцев последствия мухаджирства не были столь катастрофическими, как для адыгов. Тем не менее, оно оказало очень негативное влияние на генофонд дагестанских народов. Среди покинувших Родину было много алимов, одаренных людей. Для относительно небольшого по численности народа, понесшего огромные людские, социально-экономические потери, переселение на чужбину каждой семьи, каждого человека было значимым. Ведь переселялись пассионарии — наиболее деятельная, активная во всех отношениях, элитная часть народа. Чтобы составить представление о том, при какой крайне тяжелой, неблагоприятной демографической ситуации в Дагестане происходило переселение достаточно вдуматься в следующее, основанное на неопровержимых данных заключение М. — Р. А. Ибрагимова: *“Естественный прирост населения населения края во второй половине XIX — начале XX вв. был крайне низким, а в некоторые годы наблюдалась убыль населения”*.²

1. См. : Джимов Б. М. Социально-экономические и политическое положение адыгов в XIX в. Майкоп, 1986.

2. См. : Ибрагимов М. — Р. А. Численность и этнический состав населения Дагестана во второй половине XIX — начале XX в. — В кн. : Быт сельского населения Дагестана (XIX — нач. XX в.). Махачкала, 1981, С. 97.

ДАГЕСТАНЦЫ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ТУРЦИИ

Турция, в отличие от многих других стран мусульманского Востока не была, да и теперь не является, инертной в социально-политическом, экономическом и в известной мере в культурном отношении страной. Она постоянно реформировалась. Оказавшись в “эпицентре” нескольких цивилизаций — европейской, славянской, арабской, кавказской, общетюркской и общемусульманской, турки, составлявшие к тому же менее трети населения империи, в течении длительного времени подвергались их влиянию, осваивали и адаптировали достижения других народов, в том числе в сфере экономики, техники, политической культуры.

Претензии Турции на роль центра тюркского мира, а султана — на роль халифа всех мусульман мира имели под собой серьезные объективные основания.

Начавшийся со второй половины XIX века развал Османской империи поставил как перед султанским двором, так и перед нарождавшейся “европеизированной” интеллигенцией Турции, военными и духовными авторитетами проблему поиска путей сохранения и совершенствования своей государственности, политического, экономического и культурного переустройства страны.

Мы уже упомянули о “Хатт-и-Хумайун” 1856 г., декларировавшей османским подданным равные права независимо от конфессиональной и этнической принадлежности. Для своего времени движение младотурков было таким же позитивным, как движение народников в России, с той существенной разницей, что народники искали путь спасения России в традициях русской общины, а младотурки — в принципах европейской демократии. Им удалось добиться принятия 12 декабря 1876

года Конституции, составленной лидером младотурков Мидхат-пашой, согласно которой Османская империя должна была приобрести черты конституционной монархии, с парламентом, декларациями избирательного права, равенства всех граждан перед законом и т.д.

Своеобразие Турции, как и других восточных государств, за которыми закрепился стереотип “восточных деспотий”, состояла еще и в том, что многое в политике, реформировании социально-экономических отношений зависело от воли правителя, султана. Вместе с тем, традиционность многих общественных институтов, освященных шариатом и защищаемых духовными авторитетами делали во многих странах Востока реформы по “европейскому образцу” малоэффективными. Турция и в этом отношении явилась страной специфичной, и, в силу исторических причин, потенциально готовой к реформам.

В свое время Ф. Энгельс в письме к В. Гуакке от 1 июня 1877 г. писал: *“Вам еще не раз придется изумляться по поводу того, на что способны турки... Четыреста лет столичной, унаследованной от византийцев коррупции погубили бы всякий другой народ — туркам же стсит скинуть высший слой, они вполне смогут померяться силами с Россией. Предательство, продажность военачальников и комендантов крепостей, растрата предназначенных для армии денег, всевозможные интриги, — словом, все то, что разрушило бы всякое другое государство, — все это есть, конечно, в избытке и в Турции, но не в таком избытке, чтобы погубить ее”*.

Как показали последующие события, Османская империя не смогла “померяться силами с Россией”, война с ней 1877-1878 гг. была проиграна, а коррупция и интриги приобрели новые масштабы.¹ Было ли тому причиной то, что турки не “скинули высший слой” -вопрос отдельный. Для нас же важно то, что события 1877-1878 гг. были для дагестанцев, живших как в Османской, так и в Российской империях, — трагичными. Только на Кавказском фронте русско-турецкой войны на стороне Турции воевало 21 тыс. северокавказцев, среди которых было и немало дагестанцев.²

Сын Имама Шамиля Гази-Мухаммед был пожалован титулом паши и, вместе с Муса-пашой Кундуховым, во главе десяти тысячного войска, направлен в сторону Эрзерума и Карса.³ В том же направлении действовал под началом А. Г. Чавчавадзе 3-й дагестанский конный полк, в котором “за время войны 1877-1878 гг... убито 1 офицер, 41 нижних чинов; ранено 7 офицеров, 130 нижних чинов; без вести пропали 1 офицер и 76 нижних чинов”.⁴

Далеко от Родины одни дагестанцы гибли за царя, другие, на стороне султана, мстили за кровь и беды Кавказской войны, за отнятую Родину, и тоже гибли. До сих пор и в Дагестане, и в Турции сохранились предания о том, как в Карсе дагестанцы, находившиеся по разные линии фронта отправляли письма, переговаривались друг с другом на родном... и друг друга убивали... Те, кто воевали за царя в 3-ем Дагестанском конном полку при царе получили “знаки на головные уборы с надписью “За отличие в Турецкую войну 1877-78 гг.” и Георгиевское знамя “За взятие Карса 6 ноября 1877 г.”⁵, а при Советах высокую оценку их вклада в укрепление русско-дагестанской дружбы. В тоже самое время в восстании 1877 года одни дагестанцы стали шагьдидами за свободу Родины и Веры, 300 человек подверглось казни и 5 тысяч высылке в Сибирь. Другие — тоже дагестанцы, под командованием армянина Тер-Асатурова и грузина Накашидзе, в составе Дагестанского конного полка и в качестве дагестанской милиции при Апшеронском полку, “помогали” в жестоких экзекуциях против своих же соплеменников и единоверцев, убивали восставших и жгли их села.⁶

Царские власти опасались северокавказцев и за рубежом. Известно, что за три года до начала русско-турецкой в Турцию был командирован генерал Фадеев для ведения переговоров с сыном Шамиля Гази-Мухаммедом, Фазил-пашой и Муса-пашой Кундуховым относительно переселения из Османской империи в Афганистан выходцев из Северного Кавказа и Дагестана и образования там “кавказского государства” под протекторатом России. Это бессовестное предложение было отвергнуто ими. Известно также, что на конференции европейских

держав по Балканам, проходившей в декабре 1876- января 1877 года в Стамбуле, российская сторона выступала за выселение черкесов из Балканского полуострова в азиатские провинции Османской империи.⁷

Османские власти, в свою очередь, имели виды не только на использование северокавказской диаспоры в русско-турецкой войне 1877-1878 гг., но и подстрекали дагестанцев и чеченцев к вооруженному восстанию 1877 г. *

В результате русско-турецкой войны города Карс, Артвин, Батум (по договору 31 января 1878 г. в г. Эдирне и по Берлинскому договору 13 июля 1878 г.) отошли к России. Часть дагестанцев, жившая в Карской области попала в подданство России.

С поражением Османской империи в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. активизировались антисултанские настроения среди младотурков. Среди младотурков, как известно, было немало северокавказцев и дагестанцев. А. Ф. Миллер, специально изучавший этот вопрос писал: *“Носителям буржуазно-революционных идей выступали представители турецкой интеллигенции, главным образом из среды офицерства и учащейся молодежи. По происхождению многие из них являлись не турками, а... представителями других мусульманских народов империи. Начало организационного оформления турецкого буржуазно-революционного движения восходит к 1889 г., когда в Стамбуле был впервые создан тайный политический комитет под названием “Единение и прогресс” (“Иттихад ве Терраки”). Его учредители студенты военно-медицинского училища албанец Ибрагим Темо, турок Абдулла Джевдет, курд Исхак Сюкути и черкес Мехмед Решид... шпионы Абдул Хамида провели о нем, последовали аресты, и комитет распался. Но в 1894 г. он был восстановлен при участии возвратившегося к этому времени в Турцию Ахмеда Ризы, историка Мурада, доктора Назыма и некоторых других”.* (8) Мурад-бей (ум. в 1917 г.), полное имя Мехмед Мурад-бей Дагъистанлы — личность широко известная в Турции.⁹ Родился он в Дагестане, в России получил высшее образование, эмигрировал в Турцию, перевел на турецкий язык “Горе от ума”

А. С. Грибоедова, автор шеститомной “Всемирной истории” (“Тарихи Умуми”) на турецком языке и автобиографического сочинения “Мюжагъеде-и -Миллийе. Гурбет ве Девирлер” (Издано в Стамбуле, 1994 г.). Помимо русского, владел арабским и французским языками. В Египте издавал младотурецкую газету “Мизан”- (“Весы”). Политические взгляды этого выдающегося дагестанца, его роль в турецкой историографии и истории, заслуживают специального изучения. Мурад-бей имел дружбу со многими видными деятелями Турции того времени, в том числе с Мустафой Кемалем (Ататюрком).¹⁰

Однако в массе своей дагестанцы поддерживали лояльные отношения с властями. Не было исключением и Абдул Хамид II. Некоторые религиозные деятели и авторитетные люди имели прямой выход на султана. Среди них — сын Имама Шамиля Гази-Мухаммад, накшубандийские шейхи — Шарафутдин Кикунинский, Омер Зийауддин Дагистани, Сейид Ахмед Хисамеддин Табасаранский и другие.

В исключительных случаях представители от дагестанских мухаджиров лично от султана получали право выбора в Анатолии места для поселения. Так было, например, при основании селений Гюней-кой в провинции Ялова, Учтепе в провинции Сивас и др. Преданий о благосклонном отношении к дагестанцам того или иного турецкого султана среди наших соотечественников в Турции немало. Известно, например, что Шейх Джамалутдин Казикумухский, пользовался особым уважением и личной приязнью султана Абдул Азиза.

В стране, где деспотизм и гуманизм, добродетель и корысть проявлялись и в малом и в большом с предельной откровенностью, покровительство султанов давало дагестанцам некоторые моральные привилегии.

Малочисленная дагестанская диаспора могла самосохраняться только при лояльном отношении к существовавшей власти, взаимной солидарности, взаимовыручке. Своим терпеливым отношением к отличительным особенностям тех, с кем волею судьбы им пришлось соседствовать, неприятием нечестности и насилия они заслужили репутацию народа благородно-

го и отважного. Слова о том, что *"этих переселенцев можно причислить к самой трудолюбивой и порядочной части населения: прибытие их принесло стране (Турции -М. М.) много пользы"*¹¹, в полной мере можно отнести и к дагестанцам.

Отличались дагестанцы и свей набожностью, — качеством, которое в условиях господства идеологии панисламизма имело очень важное значение.

Надо сказать, что не только Османская империя, но и Анатолия имела сложную этноконфессиональную структуру. Среди мусульман были не только шафииты — курды и ханафииты-турки, но и множество суфийских орденов (братств), таких как, например, мевлеви (основатель Джемаледдин Руми, персидский поэт XIV в.), бекташи (по имени Хаджи Бекташ из Хоросана) и т.д. Было и немало "полуверов". (И сегодня в Стамбуле можно встретить болгар, боснийцев, греков и др., которые называют себя мусульманами, но чье "мусульманство" вызывает сомнения).

О религиозности турок Исмаил Бей Гаспринский отзывался так: *"В молодости они обыкновенно люди дешевых свободных принципов, поклонники Бахуса и Венеры, на старости лет они отвратительные ханжи и лицемеры, усердно отмаливающие грехи молодости в борьбе со всякой новизной и светом действительного знания и прогресса. Этот печальный тип мусульман я наблюдал среди нас, русских мусульман, среди арабов и очень много среди турков"*.¹²

В Турции основателями и распространителями одного из самых почитаемых в мусульманском мире направления суфизма - накшубандийского тариката — были дагестанцы. Это и уже упомянутые накшубандийские шейхи — Джамалутдин Казикумухский, Омер Зийауддин Дагъистани, автор сочинения "Тасаввур ве Тарикатларла илгили Фетвалар", переизданного в Стамбуле в 1985г., Сейид Ахмед Хисамеддин Дагъистани,¹³ Шейхи Мухаммад и Шарафутдин (из Кикунни), на могилу которого в с. Гюнсей-кой мусульмане со всей Турции совершают перед паломничеством в Мекку зиярат... Это и один из последних шейхуль-исламов в Османском государстве Омер Хулу-

си Дагъистани, и шейх Исмаил (в селении Финдижак), и скончавшийся 13 ноября 1980 г. Мехмед Загид Котку, автор 5 томного сочинения о суфизме, и ныне здравствующий Зия Бинатли и многие другие последователи накшубандийского тариката. Их духовные подвижничество способствовало нравственному очищению турецкого общества, возвышению авторитета дагестанской диаспоры.¹⁴ Тоже самое можно сказать и о живших в Турции потомках Имама Шамиля.¹⁵

Эпоху Абдул Хамида II (1876-1909 гг.) условно можно назвать эпохой панисламизма и пантюркизма. Традиции этой эпохи живы и поныне, причём не только в Турции. Вместе с тем Османская империя не только распадалась, но и реформировалась политически и идеологически. Младотуркам, благодаря поддержке офицерства, удалось восстановить в 1908 г. Конституцию, а в 1909 г. свергнуть Абдул Хамида II.

Зыбкость опоры младотурков на идеологию панисламизма и пантюркизма, с одной стороны, их европоцентризм и военно-политический альянс с немцами, с другой, не способствовали упрочению власти султана. Османская империя доживала свой век. *"Немцы открыто хозяйничали в Стамбуле, на Босфоре, в Дарданеллах"*.¹⁶ Небезынтересно отметить, что Саид-бей Шамиль считал младотурков "джонами", которых породили во Франции сионисты для того, чтобы *"под предлогом борьбы сумасбродно поджечь годурство"* (*"Мюжаделейе гирилдиги такдире улкейи атеи сарабилирди"*).¹⁷

Полный крах в Первой мировой войне не только Османской империи, но и реальная угроза существования самой государственности турецкого народа были результатом недалёковидной политики младотурков, позволивших "подставить" Турцию под агрессию Англии, Франции, Греции и России. Недальновидной была и *"шовинистическая агрессивность младотурецких "триумвиров" — Энвера, Талаата и Джемала"*.¹⁸

Как писал В. А. Гордиевский: *"после революции и восстановления Конституции искусственно придавленные гнетом султанского режима центробежные силы стали немедленно вырваться наружу. У арабов, албанцев, черкесов, курдов — у*

всех национальных меньшинств Османской империи возникали политические клубы. Программа этих клубов сразу перешагнула рамки программы господствовавшей партии "Единение и прогресс", мечтавшей об "османизации" граждан-попросту о каком-то добровольном отказе от национальных прав в угоду туркам. А "инородцы" требовали другого — федерации как единственно приемлемой формы государственного устройства".¹⁹ Добавим к этому то, что Англия, Франция, Россия в пределах своих империй пресекали любые формы национальных протестов и движений, но всячески подстрекали к этому этнические меньшинства Турции - армян, курдов, греков, черкесов и др. В этой связи суждения В. А. Гордлевского о "центробежных" устремлениях черкесов²⁰ следует понимать в контексте того, что они относятся ко времени, когда Россия находилась в состоянии войны с Турцией. Северокавказская, в том числе дагестанская диаспора, считавшая и считающая до сих пор Россию "тюрьмой кавказских народов" лишившей их Родины, не питала симпатий к российскому государству.²¹ Не случайно северокавказская диаспора участвовала в русско-турецких войнах. Поддержала она и альянс Германии и Австро-Венгрии с Турцией против России и неудачный военный поход весной 1914 года на Кавказский фронт одного из лидеров младотурков — Энвер-паши²², а позднее, в годы Гражданской войны, турецкую интервенцию на Кавказ.²³

В годы Первой мировой войны разорение и огромные людские потери пришлось именно на те провинции Анатолии, в которых находились и дагестанские поселения: в Стамбуле, Ялова, Измире, хозяйничали англичане и бесчинствовали греки, от Адана до Кайсери действовали французы, Карс, Эрзерум, Муш, Битлис находились в руках России.

Самое крупное дагестанское селение Гюней-кой в провинции Ялова, ностальгически называемое нашими соотечественниками "Кючюк Дагьистан" ("Малый Дагестан") в 1920 году было захвачено, разорено и сожжено греками ("юнанами"). По некоторым сведениям в этом селе до захвата его греками жило 750 семей, и по рассказам старожилов оно было процветаю-

щим. "Юнаны" сожгли и джума-мечеть. Жителям села, в основном это были женщины, дети, старики, -пришлось бежать и зимовать в лесу. Жизнь села начала более или менее восстанавливаться в 1923-1924 годах, когда согласно Лозанской конвенции от 30 ноября 1923 г. произошел обмен между Грецией и Турцией (на 1, 5 млн греков 0, 5 млн. турок). Однако не все беженцы вернулись в село. Многие осели в городах Бурса, Адапазары, Стамбул и др.

Самым негативным образом отразились на жизни дагестанской диаспоры грабежи курдов, армян, армяно-турецкая резня, в которой дагестанцам приходилось отвечать на враждебные акции со стороны армян.²⁵ Жертвами этой резни стали многие дагестанцы жившие в Карсе, Эрзеруме, Муше, Кайсери. О неприязни курдов и армян к туркам хорошо известно и много написано. Если оппозиция курдов и армян к власти и неприязнь к туркам были очевидными и, зачастую, на этой почве а также на почве грабежей они солидаризировались, то положение относительно небольшой по численности группы дагестанцев было непростым. С одной стороны, они демонстрировали верноподданничество османским властям, с другой-консолидировались с турками и черкесами. Дагестанцам, непосредственно столкнувшимся в провинциях Карс, Муш, Кахраман Мараш, Токат, Кайсери с курдами и армянами, промышленявшими на грабежах и дорожных разбоях, с воровством кызылбашей, -нередко приходилось защищать с оружием себя и свое имущество. Безответными дагестанцы враждебные действия не оставляли, и своей отвагой внушали курдам, армянам и кызылбашам не только страх, но и выгоду иметь с дагестанцами только мирные отношения. Стремление к самосохранению сильно развилось в дагестанцах, живущих в Турции чувства сплоченности, солидарности между собой. (Из бесед с соотечественниками в селах Орта-тепе, Киреч-кой (р-н Гескун, провинция Кахраман Мараш) и др., следует, что в их среде бытует стереотипное представление о дагестанце как о гордом и мужественном человеке, готовом в любое время защитить себя и своих земляков. Между тем социально-бытовые ориентации и этические

нормы тех, кого они иногда именуют: “Чорго бухъарал” — т. е. “обмотавшие головной убор куском материи”), курдов (“куртал”), кызылбашей (“бетер багарал” — т. е. “красноголовые”) они воспринимают с этноцентристскими оценками.

Положение в каком наши соотечественники находились в Турции в начале XX в. и с каким народом соседствовали, характеризует побывавший в провинции Муш в 1916 году вместе с вошедшей туда российской армией В. А. Гордлевский: *“После депортации армян край обнищал, среди курдов росла нужда, но увеличилась и дерзкая отвага: завидя аскера, курд норовит прежде всего отнять у него ружье и пустить нагишом; грабит курд и транспорт, русский ли, турецкий — курду безразлично”*.²⁶

В другом месте он посвятил несколько строк положению мухаджиров после Первой мировой войны: *“Всюду в Малой Азии живут также вольные и невольные пришельцы с Кавказа... “Черкесов” — так в Турции зовут всех переселенцев с Кавказа, даже осетин, — турки всегда ценили за храбрость. “Черкесы” часто занимали высокие военные и административные посты. Но нашли ли они в Турции вторую родину? И успокоилась ли там их душа? Был я после войны в Кыршехире, и узнали об этом “черкесы”, обрадованные притаились они из деревни и заговорили по-русски, а хозяин кофейни вскипел и закричал: “Да что это? Здесь Турция, и здесь может звучать только турецкая речь!”. Озлобление после войны еще не остыло. В глазах турка, кажется, принявшего меня за какого-то эмиссара, который сманивал “черкесов”, национальные меньшинства в Турции могли говорить только по-турецки”*.²⁷

В период могущества Османской империи религиозное и национальное самосознание не имело четкой дифференциации. Не делалась также существенная разница между идеями панисламизма и пантюркизма. Султан считался халифом всех мусульман, а под турками (“тюрклер”, “тюрк”) подразумевались не зависимо от этнической самоопределенности все тюркские народы от Алтая до Дуная. Младотурки хотя и придерживались принципов “османизма” (“османлык”), но все явственнее ста-

ли осознавать приоритет собственно турецких интересов, турецкого языка. К примеру, официальным признавался только турецкий язык и не владеющий им не мог быть избран в парламент и т.д. В связи с распадом Османской империи, от которой отпали, как известно, не только христианские, но и мусульманские, арабские страны, объективные основания функционирования религиозного и национального самосознания подверглись в турецком обществе существенной трансформации. Как писал выдающийся азербайджанский просветитель, лидер партии мусаватистов М. Э. Расул-заде²⁸ панисламизм стал приобретать черты исламизма, а пантюркизм (пантуранизм) — черты тюркизма. При этом, по его словам, *“вся система общественной идеологии уже переходила от религиозной системы исламизма на национальную систему тюркизма”*.²⁹ Кстати сказать, интеллектуальное, пропагандистское “обеспечение” этого перехода осуществляли большей частью татары и кавказцы: Юсуф Акчура, Ахмед Агаоглу, М. Э. Расул-заде, Абдурешид Ибрагим, Хусейнзаде Али, Айаз Исхаки, Халит Сабит, Мизанжи Мехмед Мурад-бей Дагъистани, о котором уже упоминалось,³⁰ Акдес Нимет Курат, Решит Рахмети Арат, Садри Максуди Арсал, А. Зеки Велиди Тоган, Ахмед Джафероглу и др., которых в Турции считают основоположниками философии турецкой национальной идеи, турецкого национализма.³¹

Дискуссии шли вокруг причин распада Османской империи,³² панисламизма, пантюркизма, и т.д. Апологеты пантюркизма утверждали, что султанский двор из “Дару-ль-Ислам” (Дворец Ислама) превратился в “Дару-ль-Харб” (Дворец войны), что вместо заботы о процветании Анатолии “Дару-ль-Харб” истощает страну объявлениями джихада и газавата, что папа римский является только лишь духовным главой всех католиков, тогда как султан — “Амиру-ль-Муьминин” (Правитель всех мусульман), что религия (“Дин”) и мирская жизнь (“Дунь-сви”) — это разные вещи, что нецелесообразно в одном лице совмещать роли султана (халифа всех мусульман), законодателя и командующего войсками, что нужно придерживаться

принципа “Лаик” (т. е. отчуждения, отделения религии от государства) и т.д.

Между тем обыватели в Турции от этих идеологических перемен были далеки и в их самосознании мало что менялось. Об этом, например, красноречиво свидетельствует рассказ М. Э. Расул-заде о том *“как одному турецкому паше трудно было заставить аскера-турка называть себя тюрком, а не мусульманином”*.³³

Как подметил А. Ф. Миллер: *“Само слово “турок” (по турецки “тюрк”) вплоть до второй половины XIX в. обозначало в языке господствующих классов не этническую или национальную принадлежность, а нечто вроде пренебрежительного прозвища турецкого “мужика”, “мужлана”, “невежды”*.³⁴

Слабая дифференцированность этнического самосознания по сравнению с религиозным облегчала адаптацию дагестанцев даже в таких сложных в этнодемографическом отношении провинциях, как Карс, Муш, Сивас, Кахрама Мараш и др. Ведь одним из главных принципов Ислама является Братство между мусульманами: *“Верующие, воистину, не иначе как братья. Посему установите мир между братьями, и бойтесь Аллаха дабы удостоиться Его милости”*. (Коран., Сура 49,¹¹). Заметим, что дагестанская община в Турции отличалась не только культурно-бытовыми особенностями, но и большей религиозностью, и именно последнее стимулировало осознание дагестанцами в иноэтническом окружении своих самобытных черт, того, что именно они являются истинными во всех отношениях мусульманами, что именно они точны и последовательны в исполнении шариатских норм и религиозных обрядов.

Кардинальные изменения в жизни турецкого общества связаны с кемалистской революцией и реформами Мустафы Кемаля Ататюрка. Многие дагестанцы принимали участие в национально-освободительной войне 1918-1923 гг. и среди них было немало людей, награжденных за заслуги в “Истиклал Саваша”, занимавших высокие посты в армии, как, например, Магомед-Бег (Мусаяссул), которому в 1921 г. было присвоено звание бригадного генерала.³⁵ Кроме того, центром кемалист-

ской революции, ее опорой были города Эрзерум, Сивас, Гокат, т. е. провинции, в которых дагестанцы составляли заметную часть населения.

Известно, что Советская Россия поддерживала дружественные отношения с кемалистской Турцией. Министр иностранных дел правительства Бекир Семи-бей, сын Мусы Кундухова, возглавлял турецкую делегацию на переговорах в Москве в июле 1920 г.³⁶ Им же был подписан Московский Договор о дружбе и братстве между Советской Россией и Турцией от 16 марта 1921 г., согласно которому за Турцией оставались округа Карс, Ардаган, Артвин, входившие до 1918 г. в состав России. По этому же договору жителям названных округов предоставлялось *“право свободно покинуть Турцию, взяв с собой свои вещи и свое имущество или их стоимость”*.³⁷ Заключенный через полгода (13 октября 1921 г). Карсский договор о дружбе между Турцией и закавказскими республиками специально оговаривал льготы, облегчавшие переход границы.³⁸

Мы не случайно затронули этот вопрос. Дело в том, что и до 1918 года, и в начале 20-х годов в этих округах, особенно в Карсе, жило много дагестанцев. Как рассказывали нам пожилые соотечественники в Турции, *“с переходом границы до смерти Ленина особых сложностей не было и поэтому жившие там еще со времен русской власти не спешили возвращаться в Дагестан, а те, которые прибыли после 1918 года, при турецкой власти, намеревались вернуться на Родину как только поправят свое материальное положение. И тем, и другим замкнул границу Сталин”*. По сообщению доктора филологических наук И. Х. Халидова, среди них были и такие, которые, подзаработав денег, имели в виду вернуться домой в семье до осени, ко времени убоя скота для вяления.

О преобразованиях в Турции, осуществленных после провозглашения Мустафой Кемалем Ататюрком республики, существуют огромная литература. Мы же ограничимся упомянем только тех реформ, которые наиболее сильно сказались на социальном самочувствии и культурном облике дагестанской диаспоры.

С установлением республиканского строя дагестанская община, как и все население, получила ряд демократических свобод, в частности свободу перемещения внутри страны.³⁹ В марте 1924 г. было ликвидировано Министерство по делам религии и вакуфов, закрыты все медресе, теке, суфийские ордена и братства, шариатские суды. В 1925 г. было "отменено" ношение фески⁴⁰ В 1928 г. из Конституции было исключено положение о том, что государственной религией Турции является Ислам, и тем самым закреплен принцип лаицизма. "Духовную одежду" было запрещено носить "недуховным" лицам, а затем (в 1934 г.) и духовные лица могли носить ее только при исполнении службы. Азан (призыв к молитве) велено было произносить только на турецком. Выходным днем была объявлена не пятница, а воскресенье. Тогда, когда в Дагестане были популярными лозунги "Долой чохто" и "Пальто -горянке", в Турции шла аналогичная борьба за снятие с женщины чадры.

Не трудно догадаться каким могло быть отношение к этим реформа глубоко религиозной дагестанской диаспоры с ее относительно многочисленным духовным сословием.

1 ноября 1928 г. турецкая письменность была переведена с арабской графики на латиницу. Реформы коснулись и демократизации процесса образования, расширения прав женщин и т.д. Наряду с тем, состоявшийся осенью 1922 г. в Анкаре съезд компартии был разогнан, а ее члены посажены в тюрьмы. В 1925 г. была разогнана и оппозиционная Прогрессивно-республиканская партия, а в 1926 г. младотурецкий комитет "Единение и прогресс". Как и в СССР в Турции существовала однопартийная система во главе с вождем. Шесть стрел на эмблеме Народно-республиканской партии означали: республика, национализм, народность, этатизм, лаицизм, революционность. 10 ноября 1938 г. Мустафа Кемаль Ататюрк умер и 11 ноября президентом Турецкой республики стал Исмет Иненю.

Турции удалось избежать прямого участия во Второй мировой войне. Однако наличие реальной угрозы быть втянутой в войну заставляло ее "держаться порох сухим". Милитаристская агитация, как и пантюркистская организация "Боз курт"

("Серый волк") были легализованы. Не вдаваясь в подробности динамики социально-политической жизни Турецкой республики заметим, что авторитет вооруженных сил традиционно очень высок. Традиция эта идет со времен существования Османской империи и Ататюрка. Поэтому неслучайно то, что военные трижды (27 мая 1960 г. ; 12 марта 1971 г. ; 12 сентября 1980 г.) приходили к власти. Напомним, что северокавказцы составляют значительную и заслуженную часть офицерского и высшего командного состава турецкой армии.

Надо сказать, что общественная жизнь в Турции достаточно политизирована. Среди наиболее влиятельных политических партий Народно-республиканская, Партия Справедливости, Партия Националистического движения (лидер — руководитель организации "Серый волк" Альпарслан Тюркеш; Стамбульское отделение этой партии возглавляет аварец из Ялова Ахмет Айхан) и др.

Вопросы межэтнических отношений, в том числе в сфере культуры, однозначно регламентируется Конституцией (новая Конституция принята 7 ноября 1982 г.). Так по ст. 66 *"каждый кто связан узами гражданства с турецким государством — турок"*: *"Ребенок от отца — турка или матери — турчанки — турок"*. По ст. 24 *"обучение и преподавание религии и морали осуществляется под надзором государства"*. Ст. 120 гласит: *"Никакой иной язык, кроме турецкого, не может преподаваться турецким гражданам в общеобразовательных учебных заведениях в качестве родного языка"*. В Конституции содержится и ряд статей, признающих этнический сепаратизм вне закона.

То, как в Турции организовано школьное и специальное образование, может служить предметом специального рассмотрения. Здесь же отметим высокий уровень патриотического и националистического воспитания учащейся молодежи. Во дворе каждой школы установлен бюст Ататюрка. По понедельникам учащиеся, все в униформе и при галстуках, выстраиваются во дворе школы, поют гимны, клянутся в верности Родине, единой турецкой нации, готовности служить ради ее процве-

тания. Впечатление от опрятности и дисциплинированности учащихся, их послушания, безупречной чистоты в школах остается самое благоприятное.⁴¹

В последние годы большое место отводится и религиозно-му воспитанию, причем не только в религиозных школах и богословских факультетах ВУЗов. Турция на сегодняшний день является ведущей страной по части подготовки духовных лиц для мусульман Средней Азии, Поволжья, Кавказа. Число дагестанских ребят, прошедших религиозное обучение в Турции достигает более тысячи. В этом деле большую помощь оказывают наши соотечественники. Добавим также, что правительство Турции поощряет инициативы этнических дагестанцев по активизации деятельности культурно-образовательных фондов, таких как фонд Шамиля (в Стамбуле), "Дагестан" (в Анкаре), "Кавказ" (в Ялова, городе-побратиме Махачкалы), "Кузей Кафкасийа" (в Стамбуле и филиалы в Бурса, Измире, Кайсери, Гёксун и др.). Эти фонды работают над установлением культурных, спортивных, деловых и личных связей с соотечественниками, живущими на исторической Родине. Тем же успешно занимается и ассоциация "Ватан" в г. Махачкале.

Однако, справедливости ради, нельзя не сказать и о том, что имеется множество причин вызывающих "обратный эффект" от установления этих связей и контактов.

"Российская челночная экспансия легла тенью и на наших дагестанских женицин. В любом оживленном местечке наших беспардонно окликают: "Наташка!" (Шейит -Ханум Алишева (Газета "Новое Дело", 26 июля 1996 г.). О ситуации в Дагестане наши соотечественники имеют представление не столько из побочных источников, сколько по личному опыту пребывания в Дагестане. Вот, например, что сказал о дагестанцах этнический аварец из Чифтлик-койа (Ялова) Рамазан Текин в шумевшей статье: "Можно быть голодным, можно быть бедным, но нельзя унижаться" (Журн. "Наш Дагестан", 1992, №. 161, С. 7-9). "Нам сотни лет вдалбливали: гордитесь, что вы дагестанцы, выше дагестанцев никого нет, вы -знаменосцы Ислама, вы — непобедимые львы. На гордого человека в Турции говорят

"гордый как черкес". Ничего, абсолютно ничего от славных традиций прошлого здесь не осталось. Воровство, бандитизм, проституция, пьянство... Более или менее еще кое-какие мусульманские обычаи соблюдаются... Все охвачены каким-то отвратительным сепаратистским угаром".

К сожалению, оснований и поводов для таких, оскорбляющих национальные чувства дагестанцев, высказываний более чем достаточно. В связи с участвовавшими связями с соотечественниками, то, что происходит в Дагестане, очень быстро становится достоянием диаспоры.

Так, например, партнерами из Дагестана была обманута известная в Турции фирма наших соотечественников - "Аварлар", неизвестными был ограблен турок, прибывший на строительство новой мечети в Махачкале и т.д. Подобные факты очень негативно отражаются на отношениях нашей диаспоры к своим соплеменникам в Дагестане. Тем более что в Турции выходцы из Дагестана являются людьми честными, точными в исполнении завещания, обязательными при поручительстве, набожными. Нередко можно наблюдать, как крупные материальные ценности доверяются ими без всяких формальностей. Между собой их отношения строятся на взаимном доверии. Поэтому нег ничего неожиданного в том, что деловые люди из диаспоры уже скептически относятся к сотрудничеству с "челноками" и "новыми дагестанцами", сколько бы последние не пытались эксплуатировать на чувствах этнической принадлежности. Тем более, что есть немало случаев, когда наши с вами соотечественники в Турции, убежденные в непогрешимости своих соплеменников из Дагестана, доверяли последним без всяких юридических формальностей материальные ценности, давали в долг, под честное слово, деньги, товары, подарки родственникам в Дагестане. А нечестивцы присвоили или растранижили это добро и до сих пор не возвращают хозяевам.

Конечно, не каждый дагестанец в Турции бизнесмен или состоятельный человек. В массе своей они заняты интеллектуальным трудом или находятся на государственной службе. Примерно пятая часть (в основном пожилые люди) — сельские жи-

тели. Значительна среди наших соотечественников в Турции и доля лиц, занятых ремесленничеством (примерно 10 процентов трудоспособного мужского населения). Есть среди них и имеющие свое дело в легкой промышленности (производство стройматериалов, небольшие строительные фирмы, мелкие текстильные цеха и т.д.).

К числу крупных, влиятельных промышленников Турции относится Иса Авни Кумук, лакец по происхождению, талантливый инженер, который первым в Турции сработал формы чеканки турецкой монеты. Его относительно недавно выстроенный в Стамбуле механический завод занимает 20 гектаров территории. Другой крупный промышленник Абдулла Д, аварец из с. Учтепе (провинция Токат) является Генеральным директором и держателем контрольного пакета акций металлообрабатывающего завода, который производит коленчатые валы практически на все известные в мире марки автомобилей и морские суда. Продукция завода экспортируется во многие страны мира, в том числе в Россию. Кроме того, он является совладельцем литейного цеха и цеха по обработке мрамора, одним из содержателей влиятельной промусульманской газеты "Замана". Прекрасно знает аварский язык. Перечень имен можно продолжить. Но для нас важно другое. Люди такого уровня, при всем желании быть полезными Родине их предков, могут сотрудничать только и исключительно на условиях взаимной выгоды.⁴² Помимо того, масштабные внешнеэкономические связи могут быть налажены на государственном уровне, а это, как известно, вопрос большой политики, упирающийся в государственность, степень суверенности и экономической свободы Дагестана как субъекта федерации.⁴³ Есть также проблемы, связанные с экономическим потенциалом Дагестана.⁴⁴ Кроме того, немало бюрократических препятствий. Нередко чиновников интересуют не сами внешнеэкономические связи, их польза для республики и соотечественников, живущих за рубежом, а личная нажива. Правды ради надо сказать, что и среди наших соотечественников в Турции попадаются

такие, что имея статус мелкого лавочника ведут себя в Дагестане как обладали несметных возможностей.

Есть и другие причины. Как точно подметил Гаджи Абашилов: "Мы с упоением говорим о необходимости задействовать потенциал дагестанской диаспоры, а сами выгалкиваем граждан из республики четвертой волной эмиграции. Кто же с нами будет считаться? Кто вложит в нашу экономику доллар, марку или лиру, видя все это? Все ли свои в Дагестане?" (Молодежь Дагестана. 15 ноября 1996 г.)

1. D-r Hayaty Bice. Kafkasya'dan Anadolu'ya Goecler... s. 50. ; Mehmet Saray ve ark... , s. 60-65.

2-3. Там же.

4. Козубский Е. И. История Дагестанского конного полка. Петровск, 1909, С. 290.

5. Там же.

6. См. : Козубский Е. И. Указ. соч., С. 290-296. ; История Апшеронского полка. 1700-1892. СПб. 1892, С. 446-504.

7. См. : Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 1. М., 1961., С. 549-552.

8. Миллер А. Ф. Турция. Актуальные проблемы новой и новейшей истории. М., 1983, С. 55-56.

9. Некоторые сведения о нем содержатся в: Гордлевский В. А. Избранные сочинения. Т. III. М., 1962, С. 144, 176, 537; а также в Franz Babinger. Die Geshichtsschreiber der Osman und ihre Werke. Leipzig. 1927. S. 391-397.

10. Дело в том, что султан Абдул Хамида II (1876-1909 гг.) не переносил всякое инакомыслие, преследовал младотурков и разогнал созданный ими при его дворе парламент. Конституция 1876 года была отменена. Доносительство при нем было доведено до абсурда. Были заведены так называемые "джурналы", в которые заносились сведения о выражавших недовольство существовавшими порядками. Осведомители Абдул Хамида II - "джурналжи", проникали во все сферы общества. Люди избегали откровенных разговоров. Бывали случаи, что брат доносил на брата. А такие видные люди, как Мурад-бей Мизанжи, были, конечно, на особом счету.

11. Материалы для описания Азиатской Турции и Батумской области. Тифлис., 1882, с. 66-67.

12. Исмаил Бей Гаспринский. Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения мусульманина. Симферополь., 1881, с. 66-67. Известный крымско-татарский просветитель Исмаил Бей / род. в сел. Гаспира /Бахчисарай/, посетил Турцию в 1875 году. Кстати сказать, он был близким другом Мурад-бея Мизанжи. В 1892 году Мурад-бею с большим трудом удалось получить разрешение от османских и царских властей на проезд из Стамбула в Европу через Севастополь. Такой путь был выбран, по-всей вероятности, в надежде на то, что удастся посетить Родину. В Севастополе Мурад-бей встретил Гаспринский и повез его к себе в гости, в Бахчисарай. Старания Мурад-бея и хлопоты Гаспринского о разрешении на поездку в Дагестан оказались тщетными. Власть отказали. Через Харьков и Киев Мурад-бей отправился в Вену.

13. Родом Сейид Ахмед Хисамеддин Дагьистани из табасаранского селения Рукель. Умер в 1925 г. в Стамбуле. Имел влияние на младотурка военного министра Реджеб-пашу и добрые отношения с Мустафой Кемаль-паша Ататюрком, которого во время национально-освободительного движения "он утешил. . . , послав ему знамя" (Гордлевский В. А. Избранные сочинения. Т. III., М., 1962, С. 354.

14. Примечательна в этой связи биография нахшубандийского шейха Мехмед Загьид Котку. Родился он в 1897 г. в городе Бурсе, традиционном центре Исламской культуры и образования, в семье Абдурахмана, сына Ибрагима. (Абдурахману было 16 лет, когда он и его родители в 1879 г. переселились из Дагестана в Турцию). Умер Мехмед Загьид Котку в 1980 г. Его учениками и последователями является едва ли не лучшая и весьма значительная часть духовной и политической элиты современной Турции, в том числе и первые лица ее государственного истеблишмента. И это довольно серьезный фактор в политической жизни Турции. Одно из свидетельств тому — недавняя история с завещанием Хафизе Озал (матери покойного президента Турции Тургута Озала) о ее похоронении на территории стамбульской мечети Сулейманийя, рядом с могилой нахшубандийского шейха Мехмед Загьид Котку, вызвавшая реакцию недовольства со стороны озабоченных упрочением в стране позиций Ислама политиков.

15. По тем сведениям, которые мы располагаем, из потомков Имама Шамиля, рожденных его первой женой Патимат (1810-1845 гг., дочь известного в Дагестане врача Абул Азиза) пятерых детей (Джамалутдин, Гази-Мухаммад, Мухаммад-Шефи, Написат, Патимат) двое — Гази-Мухаммад (апрель 1833 — 27 сентября 1902 гг.) и Написат (1842-1874 гг.) — умерли в Стамбуле (по Х. М. Доного Гази Мухаммаду не разрешено было отправиться в паломничества в Мекку вместе с отцом. Позднее такое разрешение последовало. Встретиться отцом ему не удалось." "Султан Турции пожаловал сыну имама знамя, орден с алмазной звездой и чин паши". "После войны (1877-1878 гг. — М. М.) Гази Мухаммад оказался в опале: турецкий султан отстранил сына Шамиля от воинской службы, присвоил ему чин маршала и отправил в почетную ссылку в Медину. Похоронить себя Гази-Мухаммад завещал родным рядом с отцом в Медине, что и было исполнено". (Аргументы и Факты. Дагестана. 19 мая 1997 г.). Патимат (1843-1871 гг.) умерла в Медине. Написат была замужем за Черкес Давудом, сыном наиба Шамиля Мухаммад Эмипа. Из внуков Шамиля (детей Мухаммед-Камиля) Саид-бей Шамиль умер в Стамбуле (1901-1981 гг.) Он окончил Галатасарайский лицей, кроме аварского и турецкого, он владел арабским, французским, русским и английским языками, работал во всемирной исламской организации "Рабиата" в Саудовской Аравии, последние годы прошли в стамбульской квартире в Гезтепе. Один из основателей "Фонда образования и культуры имени Шамиля" в Турции. Об остальных (Нажият, Нажават, Джамалутдин) у нас нет сведений. Дочери Гази-Мухаммада — Написат (род. в 1864 г. в Калуге, ум. в 1873 г. в Стамбуле. Другая его дочь — Написат (род. в 1873 г. — ум. 2 дек. 1950 г. в Стамбуле) была замужем за убухом, правителем (вали) Медины фельдмаршалом Шапли Берекетуко Осман, более известным под именем Осман Ферипаша. У них родилось 11 детей, из которых пятеро как-будто-бы живы и поныне. Одна из их дочерей — Зубейдет Шапли (род. в 1909 г. в Медине) получила в Париже журналистское образование и диплом Института этнологии. С 1933 по 1936 гг. работала в выходившей в Стамбуле на французском языке газете "Ля Републик", а также на различных газетах Египта, Пакистана, Индонезии, арабских стран. Автор романа "Абрек", в котором повествуется о мужестве и возвышенной, романтической любви горца-абрека Тиймин Вийбуолта. Третья жена Шамиля — Загидат (дочь

Шейха Джамалутдина Казикумухского) похоронена в Медине. Годы жизни: 1823-1870. Четвертая жена Шамиля — Шуайнат род. в Моздоке в 1823 г., ум. в Стамбуле в 1876 г. Сын Шамиля Мухаммад-Камиль (род. в 1861 г. в Калуге) умер 18 января 1951 г. в Стамбуле. (Х. М. Доного пишет, что его матерью является Загидат, дочь Джамалутдина Казикумухского (Аргументы и Факты. Дагестан. 21 мая 1997 г.), что Мухаммад-Камиль 6 лет попал в Аравию, стал генералом турецкой армии, что "11 мая 1920 г. в селении Капши (в окрестностях бывшей столицы Шамиля Ведено) в Чечне состоялся национальный съезд горцев, на котором предложено избрать руководителем национального-освободительного движения Мухаммада Камиля, находившегося в это время в Турции". Он послал своего сына Саида. Его жена Набия (1876-1949 г.) "видимо дагестанского происхождения). Дети М. — Камиля и Набии: Саид (1901-1981), Наджия (1899-1983) и Наджават (1916-1983) — не дали потомства. Там же похоронены и обе дочери Имама, рожденные Шуайнат — Нажабат (1846-1874 гг.) и Баху-Меседу (1851- 1875 гг.). Это, конечно, далеко не полная информация о потомках Имама Шамиля. Остается надеяться, что Х. М. Доного продолжит свои изыскания в этом направлении.

В Стамбуле есть отдельный некрополь, где похоронены Шейх Джамалутдин Казикумухский и потомки Имама Шамиля. Это одно из самых почитаемых не только нашими соотечественниками за рубежом, но и турками мест, куда совершается зиярат. В 1995 году Надыршах Хачилаев, лидер Союза мусульман России, организовал туда зиярат группы дагестанцев, а дагестанское телевидение репортировало об этом. Но из тысяч дагестанцев, прибывающих в Стамбул зиярат этот посетили единицы.

16. Миллер А. Ф. Очерки новейшей истории Турции. М., 1948, С. 42.

17. Said Samil. Yahudi Davasi Ve Filistin. Hazirlayan: Cafer Barlas. Yaylaciik Matbaasi. Istanbul. 1991. s. 18.

18. Миллер А. Ф. Турция. Актуальные проблемы новой и новейшей истории. М., 1983, С. 110.

19. Гордлевский В. А. Избранные сочинения. Т. III., М., 1962, с. 81

20. Под черкесами в Турции обычно подразумевается все северокавказские народы.

21. Эта сторона этнического самосознания и этнической психологии наших соотечественников в Турции является одной из наиболее чувствительных и устойчивых.

22. Так называемая "Сарыкамьшская операция", предпринятая Энвер-пашой, в конце 1914 года с целью овладеть Закавказьем и Северным Кавказом, закончилась тем, что русские войска захватили в 1916 году Эрзерум, Трабзон, Эрзинжан, Муш, Битлис и большими потерями в турецкой армии. Только в Сарыкамьше с 21 декабря 1914 г. по 5 января 1915 г. из 90 тысячного войска турки потеряли 70 тысяч человек, из которых 35 тыс. замерзшими. (См. :Миллер А. Ф. Очерки новейшей истории Турции, М., 1948, с. 47.;Шамсутдинов А. М. Национально-освободительная борьба в Турции 1918-1923 гг. М., 1966, с. 6.)

23. Вопросы истории Гражданской войны в Дагестане 1918-1921 гг. получили разностороннее освещение в литературе. Здесь же отметим некоторые, имеющие отношение к нашей теме, моменты. Как известно, в начале апреля 1918 года члены правительства Горской республики М-К. Дибиров, Г. Баммат, А. Чермоев прибыло в Трабзон. Туда же прибыла и делегация Закавказской Конфедерации. Высокую Порту представляла делегация во главе Хусейном Рауф-беом. Состоялась конференция, на которой шла речь об оказании Портой финансовой и военной помощи для

защиты независимости вновь провозглашенных республик, об установлении братских отношений между Северным Кавказом и Закавказьем, с одной стороны, и между Кавказом и Портой, — с другой. Затем члены делегации отправились в Батуми и имели там переговоры с Энвер-пашой — убежденным сторонником Горской республики. По его инициативе и вместе с ним делегация выехала в Стамбул. 11 мая 1918 она направила Оттоманскому правительству и другим странам меморандум о независимости, подписанный Гайдаром Бамматом и Абдулмеджидом Чермоевым. Как только Порта признала Горскую республику, 30 мая 1918 г., нарком иностранных дел Чичерин вручил послу Турции в Москве ноту протеста, суть которой состояла в том, что Советская Россия не признает Горскую республику. Высокая Порта не только не отреагировала на эту ноту, но и подписала с северокавказскими делегатами (в Батуми, 8 июня 1918 г.) договор о дружбе, по которому она брала на себя оказание помощи Горской республике в защите от внешней опасности, от большевиков и казаков. Как известно, помощь эта выразилась в интервенции в Азербайджан и Северный Кавказ 15-ой дивизии под командованием Юсуф Иззет-паши. Кроме того для организации на Северном Кавказе военных ополчений Порта тайно направила видных деятелей северокавказской эмиграции — Исмаила Беркока, Митхата Шапли, Музаффер-бея и других (как сообщает источник, всего 651 человек). (См. : Dr. Abdullah Saydam. *Freedom Movements In Northern Caucasia*. — // *Eurasian Studies*. № 1, 1995, TICA., Ankara. Исмаил Беркок был назначен начальником генштаба северокавказского армейского корпуса. Тем временем в Дагестане и Чечне шла война между Красной армией, красными партизанами, белоказаками, мюридами Нажмудина Гоцинского и Узун-хаджи. Сын Шамиля Мухаммад-Камиль-паша получил приглашение прибыть в Дагестан. Мухаммад-Камиль-паша был болен и вместо себя послал (в начале сентября 1920 г.) своего сына Саида, который в сопровождении 50-60 соотечественников прибыл через Лагодехи и Закаталы в Дагестан.

24. Гюней-кой с благоволения Абдул Хамида II основали в 1884г. 15 семей, прибывших вместе с ученым-арабистом Мухаммадом Медени из с. Кикюни. В 1889 г. на средства Яхья-бея, алима из кумыкского селения, на пожертвования жителей села, была построена великолепная облицованная и украшенная мрамором джумамечеть. На эту мечеть через почтовое отделение провинции Орхангази поступали денежные пожертвования и из Дагестана.

25. Переселявшиеся из Дагестана в Турцию небольшими группами дагестанцы постоянно подвергались грабегам и разбойным нападениям со стороны армян, особенно в провинции Карс, через которую они отправлялись в путь. По этому поводу османские власти выражали российской стороне недовольство. Один из таких протестов, от 15 марта 1906 г., направленный в Санкт-Петербург и российскому консулу в Карсе опубликован в. : Мехмет Сарай и др. *Кафкас Арашгирмалары*. I. Истанбул., 1988, с. 148

26. Гордлевский В. А. Избранные сочинения. Т. III. М., 1962. С. 121.

27. Там же, С. 146. Четыре года назад в Стамбуле Мармара университет провел международную конференцию, посвященную проблеме перевода письменности тюркских народов бывшего СССР с кириллицы на латиницу. Последняя почему-то именовалась там как "тюрк алфавит". Фонд "Тюрк дунясы" участникам конференции давал в своем дворце ужин. Один из самых высокопоставленных шефов фонда на личном фешенебельном "Мерседесе" с лазерным музыкальным центром и спутниковой связью подвозил ко дворцу автора этих строк, и удостоившихся такой чести двух научных сотрудников из Татарстана и киргиза. Татары бойко и громко разго-

варивали между собой по-русски. Хозяин положения и машины не скрывал свое раздражение этим, ерзал, пытался заговорить с ними по-турецки, включил громко турецкую музыку. . . , но татары энергично дискутировали по-русски. Наконец турок не сдержался и жестко сказал: "Бу арабайа тюрклер тюркча конушуйор!" ("В этой машине тюрки говорят на тюркском!").

28. Расул-заде М. Э. родился в 1884 г. в Баку, умер в 1954г. в Стамбуле.

29. Расул-заде М. Э. О пантурсизме. В связи с кавказской проблемой. Оксфорд., 1985., С. 66. (Первоначально эта работа была издана в Париже в 1930-ом году).

30. Мурад-бей в Турции называли "Мизанжи", по названию газеты "Мизан", которую он издавал.

31. См. : Франчес Георген. Тюрк Миллийетчилигин Кёкенлери -Юсуф Акчура. Анкара, 1986, С. 54; Хайати Биже. Указ. соч., С. 67. ; Как писал В. А. Гордлевский: "Наблюдая мусульманскую интеллигенцию из России (татар, кавказцев), время от времени перебирающуюся в Стамбул, турки не могли не видеть ее превосходства над собой..." (Избр. соч. Т. III, С. 144).

32. Внук Имама Шамиля Саид-бей, считал все это идеологической диверсией, запланированной сионистами акцией, нацеленной на развал Османской империи и Анатолии и укрепление России, Франции и Англии (См. : Саид Шамиль. Указ. соч. С. 45), а другой — Мурад-бей, "написал статью, в которой доказывал, что для Турции лучше всего было бы отдаться под покровительство России или Англии; так была бы ей гарантирована территориальная неприкосновенность". (Гордлевский В. А. Указ. соч., С. 144)

33. "К какой нации принадлежишь ты, Мамед? — спросил однажды паша своего денщика. — Слава богу мусульманин!" последовал ответ Мамедчика. — Но Ислам — это религия, а я спрашиваю тебя, к какой нации ты принадлежишь? — Я мусульманин, повторил аскер. Паша стал объяснять, что нация определяется не религией, а языком, и что язык у Мамеда тюркский, и что Мамед по национальности турок. Мамедчик недоумевал. — Да, Мамедчик, не удивляйся, ты являешься тюрком, таким же как я. — Боже упаси, да как это возможно, чтобы мой паша был тюрком, — разочарованно ответил Мамедчик". (Расул-заде М. Э. Указ. соч., С. 68-69). 34. Миллер А. Ф. Турция. Актуальные проблемы новой и новейшей истории. М., 1983, с. 53. 35. См. : Акбиев С. Братья Мусаясул. Махачкала, 1995, С. 47-61. 36. Проф. Д-р. М. Кемал Оке. Хилафет гьаракетлери. Анкара., 1991, С. 40. 37. Шамсудинов А. М. Указ. соч., С. 200. 38. Там же., С. 214. 39. Это дало возможность рассеянным в разных частях Анатолии дагестанским семьям съезжаться в какой-нибудь из населенных пунктов, где уже жили их земляки. Известны также редкие случаи, когда дагестанцы обосновывались в поселениях, покинутых армянскими беженцами, как, например, в Ортатспе и Киречкой, которые расположены в пяти-семи километрах от районного центра Гёксун в провинции Кахраман Мараш. По рассказам старожилов-аварцев, при "распределении" бывших армянских домов сначала между самими аварцами возникла ссора и потасовка за то, кому какой дом должен достаться. Каждый хотел иметь лучший дом в лучшем месте. Но вскоре пришлось сожалеть об этом. Оказалось, что "бесхозные" села уже заняты не лишними корысти кызылбашами, жившими по соседству с давних лет. Нам показывали в окрестностях названных выше сел нещеры, в которых аварцам пришлось обитать несколько месяцев, пока силой и вмешательством властей кызылбашцы не были оттеснены.

40. Судя по появлению "в обществе" или на местном телевидении лиц, облаченных в арабское мужское платье "Глаба", пли в феске, запрет Ататюрка как не дол-

жен был иметь, так и не имеет к Дагестану никакого отношения. Ведь у дагестанцев, в том числе у духовенства, была своя и замечательная форма одежды. Она соответствовала их физической красоте, их эстетическому восприятию. Она была преемлема для лучших людей Дагестана, для Шейхов Магомеда Ярагского и Джамалутдина Казикумухского, Имама Шамиля и его наиба Хаджи-Мурата, Алигаджи Акушинского и Ирчи Казака, для людей ума, чести и совести. Удивительное — рядом. Дагестанцы напяливают арабское "гПаба" и турецкую феску, а казаки в церкесках и папах, с кинжалами и шашками, гарцуют. Поражает и то, что Ислам распространялся в Дагестане с 8 века, но лишь в конце XX века дагестанки, как, например, в Губдене, стали проявлять интерес к чадре, а безусобородые неофиты вдруг обнаружили, что суть Ислама в ваххабизме.

41. Здесь не место сравнивать турецкую и нашу, дагестанскую, системы образования. Этим, особенно условиями вступительных и переводных экзаменов в ВУ-Зах могут заняться другие. Если же говорить о бытовой культуре в вузовских общежитиях "передового" Дагестана и "отсталой" в Турции, то, к сожалению, последние напеминают гостинные комнаты, а первые — ... .. Чтобы убедиться в этом не нужно побывать в Турции. Загляните в любое из махачкалинских общежитий.

42. Как сказал Абидин Сунгур: "Богатые люди — это не глупые люди. Нельзя к ним относиться как к курам, которых надо пощипать, или как к коровам, которых надо подоить". (Абидин Сунгур (брат Мехти-паша Сунгура, генерала в отставке: по отцу они происходят из знатного сограплинского тухума, по матери — из Хаджал-Махи), руководитель юридической службы газеты "Замана", советник Халид-бей Чизмежи). Человек редкого обаяния и душевности. Знаменательно, что сограплинцу, потомку известных накшубандийских шейхов Абинину суждено было руководить от фундамента до минарета строительством новой Джума-мечети в Махачкале. Многие дагестанцы знают Абинина как почетного соотечественника. Они бесконечно благодарны ему за благородство характера и благородный труд.

43 В суверенном Дагестане, когда лезгину из Магарамкентского района с братом, живущим по южную сторону реки Самур, в Азербайджане, приходится поддерживать "товарно-денежные отношения" через таможенные, пограничные и прочие "фильтры", говорить о "международных" или "внешнеэкономических" связях можно, но с оговорками.

44. К примеру, упомянутый Халид-бей Чизмежи, один из крупнейших деловых людей Турции, благородными усилиями которого и при помощи наших соотечественников в Турции воздвигнута в Махачкале новая, самая крупная в СНГ мечеть, на наш вопрос, почему его фирма не закупает кожсырье в Дагестане, ответил: "Только по одной торговой сделке мы импортируем из Новой Зеландии столько кожсырья, сколько Дагестан производит за год. Но дело в другом. Я хочу, чтобы дагестанцы знали, что Дом Аллаха строится ради молитв, единения дагестанцев на пути Ислама, а не по экономическим или, упаси Аллах, политическим соображениям".

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ ОБЛИК ДАГЕСТАНЦЕВ В ТУРЦИИ

Приведем некоторые сведения справочного характера, необходимые для рассмотрения данного вопроса.

Основное население Турции составляют турки — ок. 45 млн. человек. Турки в своем составе имеют субэтнические группы "скотоводов-кочевников, восходящие к тюркским племенам, не слившимся с местным населением и сохраняющим патриархальный уклад: юрюки, тюркмены, тахтаджи, абдалы, зейбеки, чепни".¹

Самая крупная этническая группа в Турции — курды, численность которых точно не установлена, но по существующим в литературе оценкам достигает до 7-ми миллионов. Расселены они в основном в Восточной Турции и Центральной Анатолии, т. е. там, где живет значительная часть дагестанской диаспоры.

Другая большая по численности этническая (точнее, этнолингвистическая) группа — это арабоязычное (в том числе христианское) население (около 400. 000 человек). Расселены они в г. Мардин, который является практически арабским городом, а также в Восточной Анатолии.²

Из этнических меньшинств, живущих в Турции следует упомянуть йезидов (ок. 10. 000 чел.), евреев (ок. 20. 000 чел.), греков — (ок. 5. 000 чел.), армян — (ок. 40. 000, в основном в Стамбуле и некоторых других городах), шиитов (называют их в Турции по разному -Алеви, Кызылбаш, Черпи, Ансари и др. и они по своей этносоциальной самоорганизации подразделяются на ряд специфических, но взаимосвязанных групп; всего от 300. 000 до 400. 000 человек). С последними, как мы уже отмечали,

наши соотечественники контактируют в провинции Кахраман Мараш.

Напомним, что в Турции турком считается любой гражданин этой страны суннитского вероисповедания, независимо от этнического происхождения. Поэтому сказать, какова численность, например, среднеазиатской, татарской, ногайской, черкесской, чеченской, дагестанской и т.д. диаспоры, трудно. Статистика, основанная на признании того или иного языка родным, также (по причинам этноязыковой ассимиляции и “политическим” соображениям) не реалистична. Так, по официальной турецкой статистике³ число черкесов, признавших родным свой язык в 1927 году равнялось 96 тыс. человек, а в 1965г. — 57 тыс. человек. Хотя эти данные и характеризуют в какой-то степени реальные этноязыковые процессы среди черкесов, они, конечно, явно искажают их численность. Аналогичных данных по дагестанцам турецкая статистика, как уже отмечалось, не содержит вообще.

Относительно численности дагестанской диаспоры существуют различные версии. Специально этим вопросом никто не занимался. Недавно в журнале “Наш Дагестан”,⁴ появилось интервью с членом организации “Серые волки” (молодежная организация Партии националистического движения Турции), Ахметом Айханом, аварцем по происхождению из г. Ялова. В нем А. Айхан одних только аварцев насчитывает 30-35 тыс. человек, которые живут по его сообщению примерно в двадцати селениях.

Сегодня определяющими социально-культурный облик дагестанцев в Турции свойствами и показателями являются не этнографические особенности, а ориентации на получение высшего образования, на реализацию своих способностей в сфере материального и духовного производства, на повышение социального статуса, на городской образ жизни или на городские удобства в селе, на зажиточную и комфортную жизнь.

Этническая замкнутость, консервативность для дагестанцев если и характерны, то только в сфере брачно-семейных отношений. В других сферах жизни дагестанцы, как и горцы во-

обще, коммуникабельны, легко усваивают языки, лобознательны, дорожат межличностными связями, дружбой, гостеприимны. Все эти свойства существенно облегчали адаптацию наших соотечественников на новом месте. Вместе с тем, необходимость “освоения” новой государственно-политической, гражданской, этнокультурной действительности, новых социально-экономических порядков и правовых норм требовало от дагестанских переселенцев не только прилежания, трудолюбия, но и большого человеческого такта.

Основная часть дагестанской диаспоры в Турции — это городские жители. В сельской местности живет примерно пятая часть дагестанцев. Основную массу сельских жителей составляют люди пожилого возраста. Только в Анкаре насчитывается более ста дагестанских семей, в Стамбуле — более тысячи. Многие из них живут также в городах Ялова, Бурсе, Балыкесире, Измире, Токате, Турхале, Кайсери, Муше, Карсе, Сарыкамыше, Эрзеруме, Самсуне и других городах. Урбанизация в Турции за последние два десятилетия набрала столь сильные темпы, что она в одних случаях буквально “смела” сёла, в других — придала им по истине городской облик. Дагестанские села в этом отношении не составили исключения. Так, например, уже упомянутое аварское селение Учтепе (р-н Йылдызели в Сивасе), удивительно напоминающее по географическому положению и окружающей среде села на Хунзахском плато, к тому же заселенное в основном выходцами из сел, расположенных на этом плато, еще 15-20 лет назад считалось перспективным и с экономической, и с демографической точек зрения. В селе каждая семья имела достаточно обширные земельные наделы, сенокосы и пастбища, находившиеся в общем пользовании. Это позволяло им специализироваться на производстве товарного зерна и, отчасти, товарную продукцию животноводства. Содержали они и табун лошадей. Территория примерно в 2000 гектаров, принадлежащая селу, пересечена, как и на Хунзахском плато, речкой, что для здешних маловодных мест имеет важное хозяйственное и жизненное значение. Имея в виду крепкое экономическое положение села и наличие в нем доста-

точного числа образованных людей районная администрация Йылдызели лет 15 назад построила здесь, "участковую", как бы мы сказали, больницу, рассчитанную на полсотни коек, и, на базе местной средней школы, школу-интернат. В те же годы в с. Учтепе от главной трассы, соединяющей города Сивас-Токат, была проведена грейдерная дорога, которую в последующем имелось в виду заасфальтировать. Словом, село считалось перспективным и должно было стать центральным для окружающих населенных пунктов. Однако все эти работы не дали ожидаемых результатов. Урбанизация внесла в эти, оставшиеся не реализованными проекты свои коррективы. Построенные больница и школа-интернат бездействуют. Дорога осталась не асфальтированной. Как сказал состоятельный промышленник, уроженец этого села Абдулла Д., не потому, что нет средств, а потому что нет смысла: темпы переселения в города и в Европу (многие обосновались в Германии и забирают туда свою родню) постоянно растут. В с. Учтепе осталось всего около 25-ти семей.

Кроме того, в последние годы система землевладения и землепользования, так или иначе соответствовавшая традиционному для дагестанских сельских обществ принципам относительного равенства семей в джамагате,⁵ претерпела сильную трансформацию. В связи с "капитализацией" сельскохозяйственного производства, многие либо продали свои пашни, либо ежегодно сдают в аренду. Сегодня обработка земли находится в руках четырех-пяти предприимчивых людей, которые располагают достаточной техникой и почти не прибегают к "чужому" наемному труду. Во время сезонных сельхозработ они обычно дают возможность заработать своим близким. Короче говоря, и это благополучное во всех отношениях дагестанское селение оказалось вовлеченным в социально-экономические процессы, происходящие в современной Турции, и, прежде всего, в урбанизацию. Аналогичные процессы в той или иной мере характерны для всех дагестанских поселений в Турции.

Урбанизация, в широком смысле этого понятия, это не только формирование городского населения. Она означает и про-

никновение, освоение сельскими жителями городского образа жизни. В этом контексте наиболее урбанизированными можно считать дагестанские села, расположенные в провинции Ялова, кумыкское селение Йаву (в Сивасе), аварские села Оргатепе (с населением около 1000 человек) и Киречкой (примерно 30 домов) в провинции К. Мараш, и некоторые другие. При этом население в таких селах не только не уменьшается, но, в последние годы, даже растет. Связано это с тем, что указанные села расположены в черте экономически стабильных городов, и для имеющих работу в городе нет особой нужды в переезде в город.

Под влиянием "всеобщей автомобилизации" в развитых странах, особенно в Европе, стало престижным иметь жилье не в городе, с его экологическими проблемами, а в пригороде или в селе, расположенном на недалеком для отменных западных дорог расстоянии от города. В Турции, где качество дорог несколько не уступает европейскому, традиция эта все активнее "входит в моду". Но это меньше всего обусловлено уровнем "экологического сознания" жителей Турции. К примеру, в 15 миллионном Стамбуле, в котором живет едва ли не каждый третий гражданин Турции, вода, которую не рекомендуют пить, но из которой можно приготовить чай, имеется только в европейской части города. В азиатской части Стамбула водопроводную воду не рекомендуют пить даже кипяченной.⁶ Абсолютное большинство домов в Стамбуле (из-за отсутствия централизованного тепло- и газоснабжения) отапливается в зимний период автономно, привозным углем и, реже, газовыми каминами. Поэтому зимой воздух в городе нечистый. Город слабо озеленен, а насыщенность автотранспортом колоссальная, т. е. имеются серьезные экологические проблемы. Однако, демонстраций и акций протеста по этому поводу видеть нам не доводилось.⁷

Перспективными с экономической и демографической точек зрения являются наиболее урбанизированные села. Однако именно такие дагестанские села в наибольшей степени подвержены ассимиляционным процессам. Что касается сел, которые

подверглись под влиянием той же урбанизации “депопуляции”, как, например, Кайалыпинар (ав. назв. “Хъайалипинар”), и Финдижак (даргинцы), Балталар (лакцы) — (все в Сивасе), — или Сарычичек (аварцы) и Замар и Казува (дидойцы) — (все в Токате), — то они как раз таки отличаются (в плане проникновения “городских” стандартов жизни) меньшей урбанизированностью, большей сохранностью как родных языков, так и дагестанских традиций, большей “этничностью”. В каждом из перечисленных сел осталось от 20-ти до 50-ти семей.

Дисперсность расселения, ограничение этнокультурного самовоспроизводства и самовыражения в пределах семейного быта, официальная политика, по которой “в Турции живут турки”, все это привело к тому, что процессы натурализации и ассимиляции приобрели необратимый характер. Сегодня в Турции, (как и во многих других странах, где государство существует не для насилия по социально-классовому, национально-расовому, религиозному и др. признакам, а служит гарантом благополучия и защиты своих граждан), социальное самочувствие населения определяется гражданской, а не этнической принадлежностью, гражданским самосознанием. У наших соотечественников в Турции вопрос: “Считаете ли Вы себя турком?”, вызывает такое же недоумение, какое может вызвать у гражданину США ирландского происхождения вопрос: “Считаете ли Вы себя американцем?”. И в том, и в другом случае это само собой разумеется. Характерны в этом отношении высказывания упомянутого выше Рамазан Текина: *“... органически не выношу всякого рода сепаратистов, ставящих своими словами и действиями вне мусульманского братства. Я дагестанец, но прежде всего я мусульманин и представитель великой турецкой нации... Мы себя никогда не отделяли и не отделяем от турок. Ислам и национал-патриотизм у нас в крови”*.⁸ Заметим, однако, что не все из наших соотечественников в Турции рассуждают столь категорично и однозначно.

В Турции, как и в Азербайджане, нередко дагестанцев именуют лезгинами, правда со следующими уточнениями. Аварцы, например, известны там под названием “Кара-Лезги”, лак-

цы — как “Бейаз-Лезги”, дидойцы (цезы) — как “Эсас-Лезги”. Однако наиболее употребительным как среди дагестанцев, так и среди других жителей Турции является понятие “Дагъистан-лилер”, и именно оно, в современных условиях усиленной ассимиляции, имеет для представителей дагестанской диаспоры значение.

Наряду с тем продуцируемые в нашей республике идеи этнического сепаратизма, “федерализации”, “автономизации” и прочих “заций” Дагестана доходят или намеренно доводятся национал-экстремистами и до диспоры.

В настоящее время процессы этнической ассимиляции дагестанской диаспоры, т. е. “отуречивания” являются доминирующими. И несмотря на естественные в этой связи переживания, наши соотечественники осознают, что при той социально-политической и этнодемографической ситуации, в которой они оказались (дисперсное расселение, высокая степень урбанизации, отсутствие реальных возможностей для воспроизводства этнокультурных ценностей), остановить этот процесс невозможно. Утрата этнических свойств, в особенности родного языка, его почти полное вытеснение из бытовой речи становится существенной этнопсихологической характеристикой дагестанцев, живущих в Турции.

Другое направление этнических процессов — это ассимиляция на основе аварского языка даргинцев, багулалов, тиндалов, каратинцев, отдельных дидойских, андийских, лакских, кумыкских семей. Однако процесс слияния с аварцами представителей других этнических общностей Дагестана, происходивший на протяжении всего периода существования дагестанской диаспоры в Турции и обусловленный не только совместным проживанием разноязычного населения, но и естественным стремлением оказавшихся на чужбине к единению по принципу общности исторической Родины, межэтническими браками, в настоящее время, с точки зрения этнокультурных последствий и на фоне “отуречивания”, становится все менее актуальным.

В условиях интенсивных этноассимиляционных процессов и этнокультурного “вакуума” пожалуй единственным спосо-

бом актуализации дагестанской диаспорой своей “этничности” и самобытности является социальное самоутверждение, достижение престижных позиций в сфере материального производства, образования, науки, государственной и военной службы. Поэтому примечательно то, что дагестанцы успешно реализовывали традиционно присущую им тягу к знаниям, к мастерству, к творческому труду. Как и другим северокавказцам, им доверяли в Турции самые высшие государственные дела и должности. Многие из них достигли высоких позиций в социальной иерархии Турции. Имена таких людей можно узнать из фундаментальной монографии А. Магомедова “Дагестан и дагестанцы в мире”. (Махачкала, 1994.). И все же было бы неверным считать, что все представители дагестанской диаспоры преуспевают и живут в благосостоянии. В селах, а иногда и городах есть и такие, которым невольно приходится стесняться своей бедности. И все же берусь утверждать, что среди них нет ни одного чистильщика обуви, банныка, массажиста, кондуктора, дворника, как, впрочем, алкоголика или проститутки.

Еще один аспект актуализации “этничности” — это повышенный интерес к истории Дагестана, Кавказа, особенно к периоду Кавказской войны. Дагестанцев в Турции воспринимают как соплеменников Шейха Шамиля и понятие Дагестан непременно ассоциируется с его именем. Многие, с кем нам доводилось общаться, причем не только дагестанцы, черкесы, но и турки довольно осведомлены о том, что Шейх Шамиль 25 лет возглавлял борьбу горцев против царской России, знают что в Стамбуле ему были оказаны почести султаном Абдул Азизом, что в Египте он встречался с борцом за свободу Алжира Абдулкадыром, что, совершив хадж в Священную Мекку, (4 февраля 1871 года) он умер, что похоронен он в Медине, на кладбище “Женнету-ль-Баки, рядом с пророком Мухаммадом. Наши соотечественники готовы беседовать на эту тему часами. Поражает и то, что среди детских рисунков нарисованных с собственной возрасту непосредственностью есть и такие, в которых отображены горы Кавказа, горцы в национальном наряде, образы Шамиля и его врагов.

Существует большая литература о Шамиле, изданная на турецком языке, в том числе написанная нашими соотечественниками.⁹ В исторических и художественно-публицистических произведениях и научных исследованиях, посвященных как истории Кавказа, так и взаимоотношениям Османской империи с Кавказом, Россией, Шейх-Мансуру, Имамам Гази-Мухаммаду, Гамзат-беку и Шамилю отведено большое и достойное место. В Стамбуле бережно ухожены могилы Шейха Джамалутдина Казикумухского, потомков Имама Шамиля. Интересно отметить, что среди наших соотечественников бытует предание, согласно которому Шамиль не советовал покидать Родину.¹⁰

Настроения, которые дагестанцы испытывают в связи с ассимиляцией очень емко передает Янар Баг: *“Кто ломал голову над тем, как избежать ассимиляции, чтоб не исчезнуть бесследно с лица земли, кто вчера и сегодня пытался и пытается найти выход из этого положения, страдая от безысходности и ностальгии, для них пока все остается по прежнему”*.¹¹

Этническое будущее дагестанской диаспоры в Турции во многом зависит от перспектив самого Дагестана превратиться в достойную во всех отношениях республику, а ее население — в гражданское общество.

Важным компонентом этнического самосознания дагестанцев, живущих в Турции является отношение к этнической Родине. Оно заключается не только в ностальгической любви к Дагестану, но и переживаниях о его сегодняшнем состоянии. Отчасти мы затронули этот вопрос выше. Естественно полагать, что среди дагестанской диаспоры в Турции есть люди разных взглядов и убеждений и они по разному воспринимают сегодняшний и завтрашний день Дагестана. Одни из них считают, что, в связи с переходом дагестанцев в Турции — на турецкий язык, а в России — на русский, и тем другим целесообразно, во избежание национальной ассимиляции, перейти на “мусульманский”, турецкий язык.¹² Другие, наоборот, считают, что нужно приложить все усилия для сохранения дагестанских языков.

Один из главных идеологов северокавказской и дагестанской общины в Турции, содержатель и главный редактор журнала "Кузей Кафкасийа" (Северный Кавказ) Расих Саваш (аварец), (которого раньше критиковал и обвинял в антикоммунизме М. А. Абдуллаев) утверждает, что Дагестан относительно небольшая страна, и что отсутствие языкового и межнационального единства является причиной многих проблем. По его словам будущее Дагестана перспективно при стремлении "к трем единствам": Единый дагестанский народ ("Дагъистанлилер"), Единый дагестанский язык ("Дагъистанча"), Единое дагестанское государство ("Дагъистан мемлекет"). По его мнению единый дагестанский язык должен быть создан учеными и интеллигентами на основе сходных элементов всех дагестанских языков.

1. См. : Народы мира. Историко-этнографический справочник. Под. ред. Ю. В. Бромлея. М., "Советская энциклопедия", 1988, С. 458.
2. Ethnic group in the republic of Turkey... p. 21
3. Turkey Iststistic riligi 1951-1965. Ankara 1951-1966
4. Ахмет Айхан. "О великий Аллах, ты яви нам серого волка". — В журн. : "Наш Дагестан", N165-166, 1993, С. 8.
5. См. : Агларов М. А. Указ. соч.
6. Снабжение экологически чистой водой — это одна из крупных и доходных статей экономики Турции. Благодаря инициативе и усилиям паши, генерала в отставке Мехмет-паши Сунгура, уже лет пять в с. Гюней-кой действует цех по разливу в пластиковую тару родниковой воды. Транспортируется вода в Стамбул и другие города Турции. Все доходы от этого бизнеса идут на благоустройство села. обеспечение нуждающихся, социально незащищенных.
7. Для сравнения: В Оксфорде (Великобритания), где казалось бы, (по нашим понятиям) нет никаких экологических проблем, нет ни одной дымящей заводской трубы, кругом парки, скверы и т.д., "зеленые" периодически проводят демонстрации с требованиями запретить курсирование внутри города всех видов транспорта, кроме велосипедного (его они активно пропагандируют) и гужевого.
8. Рамазан Текин. "Можно быть голодным, можно быть бедным, но нельзя унижаться". — В журн. : "Наш Дагестан", № 161, 1992, С. 7-8.
9. Tansu S. N. Carlara Basegmeyen Turk: Seyh Samil. Ankara, 1973; Oguz Ozdes. Seyh Samil. Ankara, 1977; Goztepe T. M. Imam Samil. Istanbul, 1984; Kundukh Aytek. Kafkasya Muridizmi-Gazavat Tarihi. (Haz. Tarik Cemal Kutlu), Istanbul, 1987; Barlas Safer. Kafkasya'nin Kurtulus Mucadelesi. (Imamlar). Istanbul, 1990. В свое время английский Лорд Кинросс обращался к Атагюрку с идеей воссоздать подлинную биографию Шамиля. (См. : Paul V. Henze. Fire and Sword in the Caucasus. . . p. 40). Однако задача эта представляется все еще актуальной.
10. По этому преданию горцы, провожавшие в Темир-Хан-шуре плененного

Шамиля спросили его: "После того, как ты уедешь что нам делать? Покидать Родину, совершить хиджру?" Шамиль сказал: " Я уоужу доживать свою жизнь в вере. Крепите на нашей земле веру."

11. Япар Баг. "Возвращение на Родину". — В журн. : "Наш Дагестан", № 159, 1992, С. 12.

12. В Дагестане эту точку зрения пропагандировал М. Гехбури.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

СЕЛЕНИЕ ЙЕНИГАЗИ

(ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ОЧЕРК)

О дагестанской диаспоре много говорят, но мало пишут. За исключением книги А. Магомедова "Дагестан и дагестанцы в мире" (Махачкала, 1994), публикации носят в основном характер "путевых записок" о поездках в Турцию или в какую-нибудь из арабских стран, впечатлений от встреч там с этническими дагестанцами. Между тем исследование этносоциальных процессов, происшедших среди наших соотечественников за рубежом на протяжении жизни нескольких поколений остается актуальной научной задачей.

Мы располагаем уникальным источником, позволяющим в какой-то мере восполнить этот пробел. Это родословная жителей селения Йенигази (Йедикилисе), провинции Карс, района (казасы) Сарыкамыш, основанного выходцами из лакских селений Гьухьал, Кумух, Хюрюкра¹.

Автор этого поистине кропотливого труда — Доктор Осман Йаргьич, является потомком тухума Кьадихьул из селения Гьухьал. Стоматолог. Живет в Стамбуле. Доктор Йаргьич передал рукопись этого сочинения доктору филологических наук Исе Халидовичу Абдулаеву, который, в свою очередь, любезно предоставил ее нам.

Уникальность этого сочинения состоит не только в его содержательности, насыщенности необходимой первичной информацией, анализ которой позволяет судить о социально-культурных процессах, происходивших среди выходцев из Дагестана на протяжении почти 130 лет.

Разумеется, дагестанские села в Турции различаются и по географическому положению, и по уровню экономического развития, и по степени "европеизации" и т.д. Тем не менее селе-

ние Йенигази типично в том отношении, что более или менее сходные перспективы динамики социальной структуры и урбанизации, этнокультурной ассимиляции, вероятны, по нашим наблюдениям, и для ряда других дагестанских сел (Учтепе и Финдижак в провинции Сивас, Султание и Чифтликкой в Ялова и др.). С точки зрения этнических процессов Йенигази специфично, во-первых потому, что оно возникло как моноэтническое, во-вторых, и это важно отметить, — оно раньше других дагестанских сел Турции попало в водоворот урбанизации, развития светского образования, миграционной и социальной мобильности населения.

Как уже отмечалось, селение Йенигази расположено в провинции (иле) Карс, района (казасы) Сарыкамыш. (Районные центры в Турции, не зависимо от числа жителей в них имеют статус города, названия же районов и райцентров, как правило, совпадают). Основано оно было за период с 1855 по 1875 гг. До времени обоснования здесь лакцев местность эта использовалась как пастбище кызылбашцами (кочевниками-скотоводами). У последних земля эта была постепенно выкуплена мухаджирами-лакцами и она оказалась вполне пригодной не только для скотоводства, но и для земледелия.

Согласно преданию, которое приводит Осман Йаргьич, в давние времена не месте селения был большой город, с шестью церквями (отсюда и старое название села — Йедикилисе), который был затоплен и разрушен врагами².

До 1925 года село называлось Йедикилисе (по русским источникам Едикилисе), а с 1925 г. по желанию сельчан власти Сарыкамыша и Карса дали ему новое название — Йенигази (с турецк. — "Новый Гази"), в котором нетрудно заметить созвучие с названием Казы-Кумух.

Помимо земледелия и скотоводства, позволявшего обеспечить внутренние потребности и производить часть продукции для продажи на рынках Сарыкамыша и Карса, жители Йенигази продолжали заниматься традиционными для лакцев промыслами. Среди них были искусные ювелиры, оружейники, лудильщики, сапожники, столяры, портные. На первых порах, когда

поселение только обустривалось, для различных работ привлекались, либо по указу существовавшей в Османской империи “Мухаджирской комиссии”, а чаще по найму самих мухаджиров, и жители соседних сел.

Из исторических событий, которые непосредственно коснулись Йенигази — Русско-Турецкая война 1877-1878 гг. В ней, в возрасте 73-х лет погиб Гъзи-Омар, выходец из селения Гъухъал, из тухума “Къадихъул”, один из первых основателей села. Эта война принесла много страданий дагестанцам, в том числе лишенным Родины. По времени она совпала с восстанием 1877 года в Дагестане.

Во время Первой мировой войны под предводительством Энвер-паши, а во время национально-освободительной войны (Истиклал Саваша) 1918-1923 гг. под началом Казым-Карабек-кир-паши жители Йенигази оказывали помощь в качестве сторожевой милиции и ополченцев. (В селе к этому времени было 36 семей.)

Как пишет д-р Осман Йаргъич “с первых дней основания села были построены медресе и мечеть, женщины и мужчины, все умели читать Коран и писать. Дома по тем временам были современными. В каждом доме имелась швейная машинка, сепаратор для молока. Каждая домохозяйка одежду для семьи шила сама. Вся верхняя и нижняя одежда шилась в селении же, своими портными. С 3-х до 10-ти летнего возраста детей обучали труду... В каждом доме был туалет. То, что в наши дни представляется естественным, по тем временам даже для жителей сел, расположенных в окрестностях Стамбула было признаком цивилизованности. В то время (видимо в конце 20-х годов, когда кемалисты закрыли религиозные школы и усиленно внедряли светское образование -М. М.) в селении имелась начальная школа”³.

Период Первой мировой войны и кемалистской революции был очень тяжелым для жителей Йенигази. Турция была основательно разорена войнами. Только в армяно-турецкой резне было убито шестеро мужчин, что для небольшого села из 36-ти семей — потеря большая. Жители села страдали от голода, гра-

бежей со стороны армян и курдов. Д-р Осман Йаргъич, очевидец тех лет пишет, что со времен Второй мировой войны спокойная жизнь села была нарушена начавшимся голодом, дорожными разбоями, грабежами. Люди в поисках лучшей жизни стали один за один покидать село и обосновываться в городах Стамбул, Анкара, Измир, Карс и других. По его выражению “йени йетишен несилле берабер йени бир гоч девреси башламиш” (новое поколение вместе начало новый период переселения)⁴.

Обратимся к социальной истории Йенигази, имея в виду то, что она представляет собой нечто большее, чем совокупность историй жизни отдельных людей или семей, и особенно то, что в ней отразились по существу все важнейшие потрясения и процессы, происходившие в более чем вековой истории турецкого государства. Наряду с тем следует напомнить, что социальная история имеет личностное преломление. Поэтому анализ таких характеристик, как социально-профессиональный статус, уровень образования, брачное поведение у разных поколений диаспоры позволяет более или менее отчетливо представить социально-культурные и этнические процессы, происходившие среди наших соотечественников за рубежом в динамике.

МУХАДЖИРЫ

Среди первых основателей селения Йенигази был ученый-арабист Къади-Ахмед. Его уважительно называли Къади-Мемме. Родился он в селении Гъухъал (раньше это было отдельное село, теперь часть с. Кумух), в тухуме “Къадихъул”. Согласно преданию, зафиксированному далекими предками письменно и дошедшему до д-ра Османа Йаргъич, основал этот тухум Омер Гази, который якобы прибыл в Дагестан из Шама (Сирии) для утверждения Ислама в 110-ом г. хиджры (в 728г.). В родословной этого тухума Къади-Ахмед занимает 25-е место. Родился он в 1807-ом году. Его отца звали Абдуссамед (ум. в 1817 г.). Из Дагестана в Турцию Къади-Ахмед переселился в

1860-ом году вместе с женой Эде, четырьмя сыновьями (Иса, Хаджи-Юсуф, Мегьеммет Канго, Абдулла), дочерьми Муьминат и Патимат. В Турции взял фамилию "Йаргъич" (с турецк. "праведный"). умер в с. Йенигази в возрасте 103 лет.

Вместе с Къади-Ахмедом переселился и его родной брат Гъази-Омер (в Турции взял фамилию "Айгер") с семьей: женой Патимат, сыновьями Ибрагим Этем и Абдулкадыр Гейлани (повидимому названный в честь известного Шейха накшубандийского тариката Абдулкадыра Гилани), и дочерью Шагьун. Хотя ко времени переселения в Турцию Гъази-Омер был в возрасте 55-ти лет, в Йенигази в его семье родилось еще два сына — Абдуссамет, (названный в честь отца Гъази-Омера) и Мегьеммет, и три дочери -Сакинат, Рейгъанет, Айшет.

Работал Гъази-Омер краснодеревщиком, делал домашнюю утварь, бочки и т.д. В возраст 83-х лет участвовал в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. и стал шагьидом (погиб в борьбе за веру) в 1878 году, в провинции Карс, с. Азат (в перев. с турецк. — Свобода). Похоронен там же.

Из 16-ти семей переселившихся из Дагестана и основавших селение Йенигази — 8 было из Кумуха. Среди них Ахмет-Хан из тухума "гергер". (В Турции взял фамилию "Дагъашан" — в перев. с турецк. — "Слава гор"). Выехал он из Дагестана с женой Эже и сыном Этем. В Турции в семье Ахмет-Хана родилось еще 4 сына -Алибуттга Муслим, Халит, Мегьеммет, и две дочери — Муслимат и Муьминат.

В числе первых основателей с. Йенигази было и два брата из Кумуха, из тухума "Пикки" — Ахмет и Мегьмет (Къунчебуку — в перев. с лакск. — "поедающий телку"). В Турции они взяли фамилию "Килич" (с турецк. "меч"). Ахмет переселился из Дагестана с женой Темери и двумя сыновьями — Гасан-Гусейн и Максут, и двумя дочерьми — Патимат (Батте) и Мерйем (Элле). Третий сын — Исмаил -родился в Йенигази.

После пленения Имама Шамиля из Кумуха переселился сначала в Стамбул, а затем в Йенигази и Муса Мегьеммет из тухума "Канкави". (В Турции взял фамилию "Канго"). Вместе с ним переселились и два его сына — Магьмут (Писси) и Ахмет.

По сведениям д-ра Османа Йаргъич, Муса Мегьеммет в Имamate Шамиля ведал финансами (Шейх Шамилин дефтердери иди)⁵. Один из сыновей Мусы Мегьеммеет -Магьмут (Писси) вернулся в Дагестан, оставив в Йенигази жену -Патимат Авар, сына Мусу и дочерей — Ханзаде и Загидат. У другого сына Ахмета, который был женат на Шагьун еще до переселения из Дагестана, было 8 детей (Мегьеммет, Гусейн, Абдурахман, Абдуссемет, Мегьеммеде, Натижат, Секинет, Таибет. Все они родились в Турции.

В 1860-х годах из Кумуха переселился и Давут (из какого он тухума нам неизвестно) с женой Зубейдат. В Йенигази у него родилось пятеро сыновей (Абдулкерим, Серажеттин, Ибрагим, Багъаттин) и три дочери (Шегърубани, Умми, Мелла).

В те же годы из Кумуха перебрался в Йенигази и Муслим (Муси) Гурей с женой Салиха, грузинкой по происхождению, принявшей мусульманскую религию и имя. У них было пятеро сыновей (Нажметтин, Шемсеттин, Абдуссалам, Абдуллагь, Бедреттин). В Турции Давут взял фамилию "Туран", а Муслим (Муси) Гурей -фамилию "Йылмаз".

Последним из кумухцев в Йенигази поселился Цаххуй (примерно в 1930 году). Годы его жизни — 1903 — 1958. В Турции он взял фамилию "Женгиз" и имя поменял на Адигюзель. (Цаххуй с лакского и Адигюзель с турецкого переводятся на русский одинаково — "красивое имя"). Женился на уроженке Йенигази Аминет (1913 — 1970 гг.). Трое их сыновей — Запир (р. в 1933 г.), Нуреттин (р. в 1944 г.), Намик (р. в 1948 г.) и две дочери — Тюркан (р. в 1936 г.) и Умагъани (р. в 1940 г.) живут в настоящее время в Стамбуле.

Другую часть мухаджиров, основавших селение Йенигази, составили четыре семьи родом из сселения Хюрюкра. Это семья Усуми Юсуфа (сына Ахмета Жандар), которую составляли: жена — Хадижет, сыновья — Хаджи Муса, Ахмет, Абдуллагь, и дочери — Гьейет и Мерйем.

Вместе с Усуми Юсуфом переселилась и семья его племянника Кади-Нур Мегьеммста (жена -Патимат, сыновья — Хаджи-Муса, Ахмет, Абдуллагь, и дочери — Хадижет, Мисир, Бе-

вей и племянник (сын брата) Узун-Абдуллагь). В Турции обе эти семьи взяли фамилию “Жандан” (по созвучию с тухумным названием — “Жандар”).

В 1880 году из Хюрюкра переехал в Йенигази и Абубекир из тухума Кашгар. Его семья состояла из восьми человек: жены -Салихат, и детей — Хаджи-Шериф, Жебраил, Курбан, Рувей, Муьминат, ат. В Турции Абубекир взял фамилию “Сунгур”.

В Йенигази со своей матерью Кечер поселился и Курбан из с. Гемени (Кіамаци (?)). В Турции он женился и у него было пятеро сыновей (Жабир, Халит, Юсуф, Юнус, Сулейман) и три дочери (Гьумейран (1877-1972 гг.), Умагьани и Рабийет (обе живы)).

Мы не случайно привели эти сведения и имена из сочинения д-ра Османа Йаргьич. Во-первых, возможно, кого-то они заинтересуют и помогут обнаружить родственников в Турции. Для нас же интересно другое. Как показывает анализ приведенных выше данных, среди мухаджиров одиночек было двое, брачных пар без детей — 6, семей с одним ребенком — 1, с двумя — 0, с тремя — 3, с четырьмя — 2, с пятью -0, с шестью — 2. Возрастной состав мухаджиров установить трудно, так как во многих случаях даты их жизни в рассматриваемом источнике не зафиксированы. Однако то, что второе поколение мухаджиров в большинстве своем родилось в Турции, говорит об относительной молодости основателей села Йенигази (от 20-ти до 40-ка лет). Иными словами, это были люди, рассчитывавшие в обустройстве на новом месте не только на солидарность своих соплеменников и благосклонность единоверцев турок, и не столько на покровительство Османского государства, сколько, прежде всего, на личные возможности, способности и силы.

Две трети детей (61 из 91-го) первых поселенцев с. Йенигази родилось уже после переселения в Турцию. Что касается социального состава мухаджиров, то это были, как уже отмечалось, в большинстве своем мастера-люди, которые периодически выезжали на заработки в Сарыкамыш, Карс и другие города Анатолии в качестве ювелиров, лудильщиков,

медников, серебрянников, солярей и т.д. Однако основным занятием было земледелие и скотоводство. Землепользование было организовано по той же системе, что и в Дагестане, т. е. земельные наделы состояли из частных и вакуфных пахотных участков и сенокосов, и общинной земли (пастбища). Надо сказать, что в Османской империи был установлен свой порядок землеустройства. Суть этого порядка основывалась на признании того, что подлинным владельцем небес и земли и всего сущего в них является Аллах, а по сему человеку предписано Всевышним владеть землей лишь условно. Этот постулат не отрицал право собственности на землю как таковое. Земля продавалась, покупалась, переходила по наследству, дарилась и т.д. Однако в Османской империи реальным собственником земли, являлось, в конечном счете, государство и лично султан. В случае “государственной надобности” она могла быть отчуждена или отнята у собственника без всяких сатисфакций. Только при Агатюрке земельное законодательство подверглось существенной реформации по европейскому образцу, а фактическое владение частным лицом земли, ее купля, продажа, наследование и т.д. было узаконено и гарантировано государством.

Неверующих среди первых поселенцев с. Йенигази, как и вообще среди дагестанских мухаджиров тех лет — не было, и быть не могло. Многие переселялись, как известно, по религиозным соображениям, из-за нежелания находиться под властью иноверцев.

Духовных лиц в таком маленьком селении как Йенигази было четверо: Кьади-Ахмет (Кьади-Мемме) из с. Гьухьал, Ибрагим-Хожа и Кьади-Нур-Мегьеммет из Хюрюкра, Ахмет-Устар из Кумуха.

ДЕТИ

Родословную мухаджиров села Йенигази продолжили их дети: 54 сына и 37 дочерей. (Напомним, что у мусульман вообще, и у дагестанцев в частности, родословная ведется по мужской линии).

Из 54-х сыновей мухаджиров семьи создали 48 человек. Восемь из этих семей были бездетными. Пять семей имело по одному ребенку, а еще пять — по два ребенка. Трех детей имела одна семья, пятерых — 5 семей, шестерых -8, и семерых — 8 семей. Восемь детей было в одной, и по десять — 2-х семьях. Общее число родившихся в этих семьях составило 195 человек, из которых мужского пола — 121. Из 48-ми вступивших в брак, 13 женилось дважды, а трое — три раза. Усматривать в данном факте только лишь установки второго (или, пользуясь привычным нам термином, “довоенного”) поколения мухаджиров на многоженство, не следует. В Турции, как в мусульманской стране, запрета иметь двух и более жен не было, а кемалисты внесли в этот вопрос лишь небольшую поправку, заключающуюся в том, что муж мог взять себе вторую жену при наличии нотариально заверенного согласия на это первой жены. Надо полагать, что дагестанцы при вступлении в повторный брак исходили из иных, чем ординарное желание иметь двух жен, соображений.

По традиции, дагестанцы относились к браку, особенно к первому, весьма серьезно. Свобода выбора невесты (или жениха) ограничивалась (или регламентировалась) волей родителей (или опекунов), общественным мнением, сложившимися традициями и стереотипными представлениями о достоинствах и недостатках тухумов, семей и т. п. В новой иноэтнической среде традиции эти объективно, вопреки естественному стремлению наших соотечественников самосохраниться, подвергались существенной трансформации. В частности это прослеживается в том, что 19 из 48 браков, заключенных вторым поколением мухаджиров — этнически смешанные. Такие браки были заключены исключительно лакцами-мужчинами: с турчанками — 6, с аварками -5, с черкешенками — 4, с лезгинками — 2, с азербайджанкой и курдянкой — по одному. Что касается дочерей первых мухаджиров, то все они вышли замуж внутри с. Йенигази, за лакцев.

Как известно, вступление в брак более одного раза не всегда равнозначно многоженству. При повторном браке зачас-

тую инициатива больше принадлежит тому, кто женится, нежели его родителям или родственникам. Однако и в этом случае так называемое “брачное поведение” может быть обусловлено не только и не столько “чувственной” мотивацией, сколько жизненными обстоятельствами. Так, например, из отмеченных выше 16-ти повторных браков после смерти первой жены было заключено — 2, по причине бесплодия первой жены детей развелись и взяли себе в жены других — двое, по той же причине женились еще раз (но без развода с первой женой) -двое. Имея детей развелись и женились повторно только один человек.

За этой “сухой статистикой” нельзя не заметить отражение традиционных для дагестанцев взглядов на семью, а именно их ориентацию на рождение детей, продолжение фамилии.

Примером того, каких взглядов и жизненных принципов придерживались наши соотечественники за рубежом, может служить следующий сюжет. Сын упомянутого выше Къади-Ахмета (Къади-Мемме) из с. Гъухъал — Канго Мегъеммет (Йаргъич) женился на дочери Къади-Нур-Мегъеммета из с. Хюрюкра — Бевей, а двоюродная сестра Канго Мегъеммета (дочь Гази Омера, дяди по отцу) по имени Айшет была замужем за братом Бевей — Абдулагъом (Жанер). Рано овдовев Айшет осталась с четырьмя малолетними детьми. Канго Мегъеммет женился на ней. И это притом, что у него самого уже было шестеро детей (седьмого — Саита, родила ему Айшет). Таким образом ему пришлось содержать и воспитывать одиннадцать детей и трех жен. (Третья жена — Зилле, была черкешенка).

В наши дни такое маловероятно. Однако в конце XIX — начале XX вв. подобные факты имели место и в Дагестане, и среди дагестанской диаспоры. Комментировать их можно по-разному. Однако вполне вероятно то, что среди побудительных оснований для заключения таких браков важнейшими являлись родственная солидарность (одна из отличительных этнопсихологических характеристик дагестанцев) и забота о детях. В приведенном выше примере это забота тети (Бевей) о

племянниках, и Канго Мегьеммета — о двоюродных племянниках.

Из других форм браков имели место так называемые “обменные браки”. Например, Къади-Ахмет (Къади-Мемме) женил своего старшего сына Ису на Мисидо, дочери Нур-Мегьеммета, и выдал за его сына Ахмета (Жандан) свою дочь Муьминат.

В с. Йенигази из 37-ми дочерей мухаджиров в повторном браке состояло семеро (после развода с первым мужем — трое, и четверо — после смерти первого мужа).

С точки зрения этнических процессов представляет интерес самосознание детей, родившихся в этнически смешанных браках. Однако следует иметь в виду то, что абсолютное большинство межэтнических браков было заключено мужчинами. Так как этническая принадлежность в семьях дагестанцев (как и у мусульман вообще) определяется по отцовской линии, такие браки не приводили к прямой ассимиляции, хотя косвенно они способствовали усилению этих процессов среди последующих поколений. Кроме того, 7 из 19-ти этнически-смешанных браков было заключено с дагестанками. А такие браки нашими соотечественниками в Турции воспринимались и воспринимаются как однопациональные.

Из анализируемого нами источника явствует, что женщины второй генерации мухаджиров были в основном домохозяйками. Мужчины помимо сельского хозяйства занимались ювелирным делом и другими промыслами. В Сарыкамыше и Карсе они имели репутацию искусных мастеров.

После русско-турецкой войны 1877-1878 гг., по Берлинскому соглашению от 13 июля 1878 г. города Восточной Анатолии Карс, Артвин и Батуми отошли к Российской империи. Селение Йенигази (по русским источникам Еди Килисе) также попало под власть российской администрации. Надежды жителей села вернуться обратно в Дагестан, даже в качестве российских подданных, оказались несбыточными.

Известно, что возвращению мухаджиров из Турции обратно в Дагестан царские власти препятствовали всячески. (Впрочем,

и турки не поощряли это). Дагестанцы, осевшие в Карсе и Карской провинции Османской империи после того как в результате русско-турецкой войны 1877-1878 гг. эта территория отошла к России, обращались к военному губернатору Карса с просьбой разрешить им вернуться в Дагестан. Губернатор, в свою очередь, обращался по данному вопросу к своему коллеге в Дагестане. Последний в “отношении” к Губернатору Карса отказ мотивировал заботой о благополучии “вверенной” ему Дагестанской области.⁶ Для жителей Йенигази

даже получение от царской бюрократии простого разрешения на навещение своих родственников в Дагестане, было делом практически безнадежным.⁷ В материалах Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. по Карсской области, содержатся данные о численности и социальном составе дагестанцев, живших там, в том числе о жителях с. Йенигази — единственном дагестанском селении в этой области.

Всего в Карсской области упомянутая перепись насчитала 476 дагестанцев, в том числе “самостоятельных” — 236 человек (все мужского пола) и “членов семей” (иначе говор иждивенцев) — 240 человек, из которых женского пола — 126.

Судя по тем же сведениям численность населения с. Йенигази к 1897 году составляла более трехсот человек. Примечательно, что из 16-ти ювелиров, зафиксированных отмеченной переписью по всей Карсской области, 15 были дагестанцы. Среди взрослого мужского населения воинское сословие составляло 150 человек, земледелием занималось — 46, животноводством — 2 человека. Доходы от капиталов и недвижимости получали двое. В административных, полицейских и судебных органах работало 6 человек.⁸

При царской администрации, особенно до Первой русской революции 1905-1907 гг. добиться какого-либо служебного положения бывшим подданным Турции было очень не просто. В качестве дискриминационных “аргументов” использовались “имущественный ценз”, “политическая благонадежность” и т.

п. Несмотря на это упомянутый выше Канго Мегъеммет (Йаргъич) ум. в 1931 г.) много лет был управляющим районом Селим ("Селим нахийе мюдюрлугъу йапты")⁹. Долгое время муфтием Карса служил Хаджи-Муса (Жандан), сын Къади-Нур-Мегъеммета из Хюрюкра. После Первой мировой войны, когда Карс и Карская провинция отошли к Турции, Хаджи-Муса (Жандан) некоторое время (при правлении Ататюрка) работал в Национальном (милли) шариатском суде. Сын Къади-Ахмета (Къади Мемме) Зейнал Абидин (р. в 1892, ум. в Стамбуле в 1970гг.) окончил начальную русскую школу в Карсе, совершил хадж, был торговцем. Лиц с высшим светским образованием среди второго поколения мухаджиров с. Йенигази не зафиксировано.

В Н У К И

Как уже отмечалось, из 54-х сыновей мухаджиров семьи создало 48. В сорока из этих семей родилось 195 детей, в т. ч. 129 -мужского пола. "Социальный портрет" этого поколения в той или иной степени отразил в себе наиболее значимые в турецком обществе исторические события и преобразования: национально-освободительную войну 1918-1923 гг., реформы Мустафы Кемали Ататюрка, годы Второй мировой войны. Ведь молодость и пора социальной активности этого поколения пришлось на двадцатые -пятидесятые годы двадцатого столетия. В жизни представителей этого поколения наиболее отчетливо обозначилось и этническое будущее диаспоры.

Обратимся в этой связи к статистическому анализу. Из 129-ти внуков мухаджиров в детском или молодом (моложе 20-ти лет) возрасте умерло 15 человек, причем четверо было убито во время армяно-турецкой резни. Семьи же создало 104 человека. В 13-ти из них детей не было. По одному ребенку имело 11 семей, по два -26; по три -14; по четыре -10; по пять -8; по шесть -9, по семь -6, и по восемь детей имело 5 семей. В трех семьях было соответственно 9, 10 и одиннадцать детей. Как видим, традиционная для дагестанцев многодетность сохранялась: из

351-го 288 детей родилось в многодетных /4 и более ребенка/ семьях.

В настоящее время из внуков мухаджиров в живых осталось менее сорока человек. Внучек же было, согласно сведениям, полученным из рассматриваемого сочинения д-ра Османа Йаргъича, -54. Семеро из них вышли замуж за турков, четверо — за черкесов. Более половины из них дожило до наших дней. Почти все они живут в Стамбуле.

На социально-культурный и этнический облик третьего поколения мухаджиров наряду с исторической спецификой эпохи, в которой оно жило, обуславливающее влияние оказали факторы объективного, этнодемографического характера. Во-первых, имеется в виду то, что примерно каждый третий представитель третьего поколения мухаджиров родился в этнически-смешанной семье, т. е. их матери были нелачками. Во-вторых, из 129 мужчин этого поколения только 32 жило и умерло в с. Йенигази. Остальные либо предпочли традиционной сельской жизни городскую, либо обстоятельства вынудили их переехать в город. Так, 10 человек обосновалось в Сарыкамьше, 11 — в Измире, более 30-ти в Стамбуле, примерно столько же в Анкаре, 3-е в Карсе. Четверо нашли приют в Германии, один — в Америке. Остальные оказались рассеянными по всей Анатолии — в городах Сивас, Синоп, Адапазары, Кайсери, Менисе, Ван и др. Селение Йенигази, таким образом, опустело. (В настоящее время там живет только две лакские семьи). В-третьих, урбанизация и дисперсность расселения с одной стороны усилили ностальгические настроения и чувства дагестанской солидарности, (что особенно наблюдается при общении с лакцами, живущими в Стамбуле и Анкаре), а с другой — объективно способствовали ассимиляции, отуречиванию. Показательно в этом отношении то, что из 104-х браков, заключенных внуками мухаджиров, в 25-ти случаях жены были турчанками, в 8-ми — курдянками, в 7-ми — черкешенками, в 3-х татарками. По одному браку было заключено с представительницами аварской и лезгинской национальностей, а также с армянкой, обращенной в Ислам, немкой, американкой.

**РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ТРЕТЬЕГО ПОКОЛЕНИЯ МУХАДЖИРОВ
С. ЙЕНИГАЗИ ПО РОДУ ЗАНЯТИЙ**

ВСЕГО (чел. мужск. пола)	114
в том числе:	
Учителей	2
Юристов	2
Преподавателей ВУЗов	3
Священнослужителей	2
Глав сельской администрации (мухтаров)	3
Хирургов	2
Стоматологов	2
Государственных служащих	6
Банковских служащих	3
Служащих на авиалиниях и железнодорож. трансп.	4
Офицеров вооруженных сил	1
Владельцев частного производства	1
Инженеров-электриков	2
Слесарей	1
Лудильщиков, медников	2
Столярей	3
Сапожников	4
Портных	2
Ювелиров	24
Торговцев	3
Занятых: в сельском хозяйстве	14
Другими видами деятельности **	24

* Таблица составлена на основе анализа сведений из сочинения д-ра Осмапа Йаргынч. (1855-1875 йыллары арасында Газикумукдан гечедерек Йенигази койуне йерлеппен лакларин шежереси. Истамбул., 1992).

** Среди лиц, занятых "другими видами деятельности" — мэр города Карса, судья Сарыкамышского городского суда, начальник полиции в г. Карсе, член Генерального штаба вооруженных сил (в Анкаре), рабочие и торговцы в Германии и т.д.

Если в с. Йенигази возможности сохранения и воспроизводства бытовых традиций "обеспечивались" как моноэтнической средой, так и особым стремлением "дедов" и "отцов" сохранить этнические ценности и самобытность, то за пределами селения эти возможности ограничивались внутрисемейным общением и редкими контактами с соотечественниками. Все это, а также этническое смешение через межнациональные браки, нашло отражение и в языковой сфере.

Как уже отмечалось, от мужской части третьего поколения мухаджиров к настоящему времени в живых осталось менее сорока человек. Со многими из них нам доводилось беседовать во время полевых этнографических экспедиций в Турцию. Большая часть их в той или иной степени знает лакский язык. Однако знание языка не всегда равнозначно его употреблению. Дело в том, что практически каждый второй из них женат на турчанке и поэтому в семьях общаются на турецком. Впрочем, и в тех семьях, где супруги -лакцы, —языковое поведение аналогичное. (Ситуация, в общем то вполне сопоставимая с той, что мы наблюдаем в дагестанских городах: люди одной и той же национальности владеют родным языком, но тем не менее общаются на русском).

Надо сказать, что третье поколение мухаджиров еще застало живыми тех, кто родился и жил в Дагестане, тех, чья жизнь прошла в слезах ностальгической любви, в тоске по Родине, молитвах о Дагестане... Поэтому судьбу своих предков диаспора переживает с большой болью, эмоционально. В известной мере эти психологические мотивы, как и знание и отношение к дагестанской истории, особенно к истории русско-дагестанских отношений, к языку предков, к Дагестану вообще, имеют для потомков наших соотечественников в Турции скорее эмоциональный, этнодемонстративный смысл. В условиях дисперсного расселения для дагестанской диаспоры трансформация этнических характеристик от поколения к поколению была неизбежностью. Соответственно менялся и социально-культурный облик генераций.

Из приведенных в Таблице 2 данных нетрудно заметить, что в социально-профессиональном плане наши соотечественники оказались чрезвычайно мобильными. Сельскохозяйственным производством занималось всего 14 из 114 человек. В основном же они работали в тех сферах, в которых требуется или мастерство, или специальное образование, или и то, и другое (как, например, стоматология, хирургия). Обращает на себя внимание и наличие среди них относительно большого числа лиц, находившихся на государственной службе, преподавателей ВУ-Зов, учителей школ. Нельзя не признать, что для выходцев из небольшого села, основанного практически на пустом месте, это серьезное достижение.

Женщины в Турции, как и в других странах мусульманского Востока, только в последние десятилетия стали заниматься общественным производством, получать образование и т.д. Тем более примечательно, что из среды внучек мухаджиров вышли адвокат, преподаватель стоматологии медицинского факультета Стамбульского университета, деловая женщина (производство и продажа готовой одежды), служащая в пенсионном управлении Стамбула, учительница.

ПРАВНУКИ

Выше мы уже отмечали, что в 104-х семьях, созданных внуками мухаджиров родилось 351 человек. Из них у 140-ка матери были нелачками. Этническое будущее дагестанской диаспоры в Турции представляет сегодня именно это поколение. По его социально-культурным характеристикам, по тому, насколько оно "этнично", можно более или менее определенно судить о том, насколько потомки мухаджиров являются дагестанцами, о перспективах их этнического самосохранения. Оптимистичные и одномерные суждения относительно численности и возможностей наших соотечественников в Турции сохранять этническое своеобразие и самобытность, высказывающиеся в печати, имеют мало общего с реально сложившейся этнической ситуацией. Кстати сказать, взаимовыгодное экономичес-

кое сотрудничество нашей республики с дагестанской диаспорой за рубежом зависит не только от того, какие социальные позиции она занимает и насколько она состоятельна в материальном отношении. Важное значение здесь имеет и то, насколько эта диаспора является "дагестанской".

Из анализа данных, которые содержатся в работе д-ра Османа Йаргьича, следует, что средний возраст поколения правнуков — 43 года. Примерно две трети имеют семьи. Число детей в них, в отличие от предыдущих поколений, — два реже — три. Только в 11 семьях — по четверо детей. Почти все представители четвертого поколения мухаджиров имеют среднее, а каждый пятый и высшее образование. Среди них немало учителей, врачей, экономистов, инженеров, государственных и банковских служащих. Значительную прослойку (19 человек) составляют ювелиры. Более 10-ти человек работает за пределами Турции. Так, Умит, правнук Къади-Нур-Мегьеммета — учитель в Голландии, Орхан, правнук Абубекира (Сунгур) — инженер, живет и работает в Америке, женат на турчанке, имеет сына — Алпер, и дочь — Асли.

Новым явлением следует считать то, что среди рассматриваемого поколения появились интеллигентные (в современном понимании) семьи. Так, например, правнук Ахмет-Хана (Дагъашан) — Ихсан (р. 1932 г.) окончил в Карсе строительный институт, служил в Вооруженных силах Турции, офицер в отставке, жена — Гюльтен (р. 1933 г.) — лачка, правнучка Абубекира (Сунгур), — окончила лицей. Их сын Неджет (р. 1956 г.), окончил факультет экономики и торговли Стамбульского университета, работает финансистом. Женат на Физлиз — дочери дяди по отцу. Другой сын — Бюлент (р. 1957 г.) — преподаватель английского языка. Третий сын — Ахмет (р. 1959 г.) — инженер. Оба женаты на турчанках. Все они живут в Стамбуле.

Мегьмет Тахир (р. 1951 г.), правнук умершего в возрасте 103-х лет ученого-арабиста Къади-Ахмета (Къади Мемме), — специалист по французской, работает в Стамбуле, в Мармара университете на факультете экономики и управления. Жена

Мегьмет Тахира Рабия (р. 1952 г.) преподает в том же университете педагогику. Дочь — Зейнеп (р. 1980 г.) — школьница.

Латиф Карадагъ (р. 1938 г.), правнук Курбана (Карадагъ), -инженер-электронщик. Жена Латифа Карадагъ — Лема (р. 1944 г.), турчанка, взяла фамилию “Дагъистанлы”, имеет высшее гуманитарное образование. Сын — Атиф (р. 1955 г.) работает в Стамбуле инженером-строителем. Дочь — Дервиле (р. 1970 г.) преподает в Стамбульском технологическом университете. Другая дочь — Эврем, студентка. Латиф Карадагъ неплохо изъясняется по-лакски. Бывал в Дагестане. Примеры можно продолжить. Они лишней раз свидетельствует о настойчивом стремлении этнических дагестанцев занять в турецком обществе высокие социальные позиции, быть достойными наследниками своих славных предков, быть подлинными гражданами турецкого государства. Кстати сказать, среди выходцев из с. Йенигази немало не только лиц, находящихся на государственной службе, но и офицеров Вооруженных сил Турции. Один из них — Махмут (р. 1952 г.), правнук Къади-Ахмета (Къади Мемме), военный летчик ВВС Турции, другой — Окан (р. 1969 г.), двоюродный брат Махмута, — тоже офицер, служит в ВМС Турции инженером-механиком.

Обращает на себя внимание то, что среди правнучек первых мухаджиров с. Йенигази весьма высока доля лиц с высшим образованием и обучающихся в ВУЗах — почти каждая четвертая (42 чел. из 186-ти). Среди них есть учительницы, экономистки, четыре врача (из них трое — стоматологи), представительницы других профессий, требующих высшей квалификации. Однако в капиталистическом обществе, каковым является и турецкое, устроиться на работу по специальности не всегда просто. В этой связи обращает на себя внимание то, что пятеро из них -стюардессы и все с высшим образованием. (Впрочем, в Турции профессия эта считается престижной.

Выше мы попытались представить на примере с. Йенигази социальные изменения, происшедшие среди выходцев из Дагестана на протяжении жизни четырех поколений. Проведенный

анализ убеждает нас в том, что процессы культурной интеграции и этнической ассимиляции дагестанской диаспоры в турецком обществе носят необратимый характер. И об этом свидетельствует тот факт, что среди четвертого поколения потомков тех, кто основал с. Йенигази, до 80 % состоят в этнически-смешанных браках. А ведь именно через такие браки и происходит, главным образом, этническая ассимиляция.

1. Д-р Осман Йаргъич. 1855-1875 йыллары арасында Газикумукдан гечедерек Йенигази койуне йерлешен лакларин шежереси. Истамбул., 1992
2. Там же, с. 2
3. Там же, с. 5
4. Там же, с. 3
5. Там же.
6. ЦГА РД, ф. 126, оп. 3, ед. хр. 100, л. 5.
7. Там же, л. 22. 8. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. LXIV. Карсская область., СПб., 1904, С. 111. 9. Д-р Осман Йаргъич. Указ. соч., с. 2

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ЭТНОЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ

Одна из наиболее острых проблем диаспоры — это проблема утраты языка. Многие понимают, что даже в селах, которые год от года становятся бесплодными из-за миграции населения в города, родной язык может быть полностью вытеснен из употребления турецким языком. На нем, даже в селах, уже говорят немногие, а через несколько лет знающих его может вообще не быть. Понимают они и то, что если не все, то многое зависит не от них. Симптоматичен в этой связи пример, как в одной аварской семье в Гёксуне (провинция К. Мараш) родители обращались к детям по-аварски, а дети, несмотря на увещания родителей, отвечали им только по-турецки.

Как уже отчасти отмечалось выше, сама структура расселения в Турции разноязычных выходцев из Дагестана создавала объективные, детерминирующие этноязыковые процессы, условия. В тех случаях, когда мухаджирам удавалось создавать моноэтнические поселения, такие как, например, Междийе (лезгинское), Финдижак (даргинское), Йенигази (лакское), Учтепе (аварское) и др., привычная в Дагестане языковая среда так или иначе воспроизводилась. Правда с той существенной разницей, что основатели этих моноэтнических поселений зачастую представляли разные диалекты и говоры, которыми, как известно, Дагестан очень богат. Однако в Турции есть и такие дагестанские поселения, которые были основаны и в которых живут главным образом носители одного определенного диалекта или говора. Среди таких можно назвать то же селение Финдижак, жители которого до относительно недавнего времени, еще лет двадцать тому назад, общались между собой только на цудахарском диалекте даргинского языка. В селение Учтепе (провинция Токат) жители общаются между собой на чисто хунзахском наречии аварского языка. Что касается

большинства аварских селений в Турции, то в них языком общения был “болмацI”.

Каковы бы не были этноязыковые ориентации наших соотечественников, как бы они не стремились сохранить свой язык, свою самобытность, этнодемографическая ситуация, в которой они находятся, объективные условия функционирования их родной речи, приобретают, в конечном счете, определяющее влияние. Наиболее ярко влияние этих условий демонстрируется на примере лакцев.

Как мы уже отмечали, абсолютное большинство турецких лакцев живет в городах. В селах Йенигази и Гьамамлы (оба в провинции Карс), которые они основали более века тому назад, на сегодняшний день осталось по две-три семьи. Более или менее заметное число лакцев живет в городах Карс и Сарыкамыш. В основном же они обосновались в трех крупнейших городах Турции — Стамбуле, Измире и Анкаре. Хотя многие из них и знают друг друга и имеют связи, сколько-нибудь ощутимого “внутриэтнического” общения между ними нет. Даже в Стамбуле, в котором живут десятки семей лакского происхождения, какие-либо совместные мероприятия, праздники, торжества и т. п., не проводятся. О редких сборах на “гьовккури” (хинкал) говорят как об экстраординарном событии. Этнические лакцы, (абсолютное большинство из которых являются таковыми только по отцовской, а не по материнской линии, и состоят в браке с представителями других этносов), проявляют полнейшую индифферентность к знанию лакского языка. Владееющих лакским языком среди них буквально единицы.

Аналогичная языковая ситуация и у этнических даргинцев. Нигде, кроме селения Финдижак (в провинции Сивас) они не расселены компактно. Здесь лица старшего возраста в той или иной мере знают (точнее помнят) цудахарский диалект даргинского языка. Почти полностью утрачен родной язык и даргинцами (акупинцами, хаджал-махинцами, кадарцами, кайтагцами). Расселены они в основном дисперсно, совместно с аварцами. И это обусловило переход многих из них на аварский язык.

Только в с. Гюней-кой, где даргинцы составляют значительный анклав, еще до недавнего времени сохраняли в семейном быту свой родной язык. В настоящее время среди даргинцев легче найти владеющих аварским языком, чем даргинским. Но есть и такие славные люди, как Мустафа Тавхан,¹ которые владеют и даргинским, и аварским, и немецким, и английским, и немного русским. Что касается возможностей бытования даргинского языка в Турции, то они, можно сказать, исчерпаны.

Из турецких дагестанцев наиболее индифферентно к переходу на турецкий язык относятся лакцы и, естественно, кумыки, которые этнопсихологически не делают особых различий между кумыкским и турецким языками. Тем не менее этническое самосознание у кумыков выражено не меньше, чем у остальной части дагестанской диаспоры, а кумыкский язык сохранился даже в большей степени, чем другие. Но не везде. Абсолютное большинство кумыкских мухаджиров поселилось в провинциях Токат, Сивас, Чанаккале. В настоящее время в этих провинциях живет не менее 5-ти тысяч этнических кумыков. Там они имеют свои поселения — Шенюрт, Кушотурагъи (в Токате), Йаву (совместно с ногайцами) и Йагълидере (в Сивасе), Гейик-кири, Ак-кёпрю, Калафат (в Чанаккале). Кумыкский язык используется в этих селах в качестве бытового. На свадьбах исполняются дагестанские танцы, кумыкские мелодии. Помимо семейных традиций, они сохраняют внутреннюю сплоченность основанную не только на общности исторической Родины и этнического происхождения, но и на взаимопомощи, совместно пережитых за годы эмиграции трудностях за выживание. Как и все турецкие дагестанцы, они тяжело переживали отсутствие связей с завоеванной исторической Родиной.

Несколько иначе развивалась этноязыковая жизнь среди кумыков, живших в указанных выше провинциях дисперсно, т. е. по несколько семей, в селах, где основную часть населения составляют некумыки, как, например, в селах Тандирли (р-н Эрбаа) и Багъларбаши (р-н Турхала) в Токате. В них, как и в городах названных провинций, этнические кумыки подверглись полной языковой ассимиляции. Тоже самое можно сказать об

одельных кумыкских семьях осевших среди аварцев в провинциях Ялова (с. Эсадийе), Муш (Йагъжилар) и др.

Лезгинский язык хотя и вытесняется из употребления турецким, старшее и, отчасти, среднее поколение турецких лезгин все же владеет им в достаточной для бытового общения степени.

Что касается дидойцев, то из сообщений наших соотечественников, живущих в Токате и Сивасе следует, что живут они в селениях Къазува, Замар-кой, Оважик, Решадийе, Дерагъзи (все в Токате) и Чаталхъайа (в Сивасе). Всего, по неуточненным данным, около 300 домов. Называют их “ЦунтIал” и они наряду с цезским владеют и аварским языком.

Таким образом, из дагестанских языков, более или менее употребляемых в быту нашими соотечественниками в Турции, можно назвать аварский, кумыкский и лезгинский.

Не так давно два известных лидера дагестанской общины в Турции М. Расих Саваш и Джафер Барлаш составили и издали в Стамбуле Аварско — Турецкий словарь, в который вошло более 2500 слов.

Анализ сведений, приведенных в указанном словаре и наши полевые наблюдения показывают, что речь авароязычной диаспоры имеет отличительные от аварского литературного языка фонетических и смысловые особенности и формы.

Тот факт, что языковые явления и процессы имеют свои внутренние закономерности развития, детерминируемые не только экстралингвистическими факторами, свидетельствует удивительно устойчивое сохранение в языке диаспоры руссизмом (например, бошкIа (ср. :бочка, пунт (бунт), галосал (галопи), завут (завод), закон, инарал (генарал), истикан (стакан), казарма, камера (только в значении фотокамера, фотоаппарат), капек (копейка), кIапIли (капли (использ. только применительно к лекарству), карват (кровать), катушка (картошка), лампа (в словосоч. “лампа чирахъ”), матIушка (матушка), папирус (папироса, поч (почта), печ (печь), салдат (солдат), самовар, пабрика (фабрика), и др. . Эти и другие руссизмы попали в родные языки диаспоры до переселения в Турцию. Напомним, что

формирование диаспоры в Турции происходило главным образом после завоевания Дагестана Россией. По времени процесс этот растянулся более чем на полвека, т. е. на период, вполне достаточный для усвоения колонией новых, обычных для метрополии понятий, слов.

Дж. Шарашидзе работал “среди аварцев-эмигрантов” в Стамбуле, селах Гюней, Эсадийе и Султанийе, недалеко от Ялова”. Его “друзьями и помощниками” были такие известные среди наших соотечественников люди, как пожизненный сенатор Турции Эмануллагь Челеби; Омер Авархан, заслуживший титул турецкого паши; его брат Осман Авархан, чемпион по борьбе и “Уста” (мастерской человек); Мухеттин Мерт, которого как полонника в Мекку называли Хаджи Мухеттин; Басри, несменный “тамада на кавказских вечерах”; Мемет Акин; чохцы Али Нахабаш и его родственники. По замечанию Дж. Шарашидзе Нахибашевы “двуязычные: говорят на чохском и хунзахском диалектах”. Автор не без удивления отмечает, что в действительности аварский язык в Турции тоже разделяется по некоторым диалектам и говорам, которые иногда охватывают не больше одного тухума. Характеризуя в целом языковую ситуацию в селении Гюней, автор пишет, что “аварцы разговаривают на варианте аварского языка, более близкого к литературному”.

Надо сказать, что население дагестанских селений, расположенные в районе Мраморного моря, формировалось не только из аварских мухаджиров, хотя они и составляли основную массу. Не случайно наши соотечественники в Турции селение Гюней называют “маленьким Дагестаном”. В Гюнее, Эсадийе, Султанийе, Чифтлик, языком межэтнического и “межаварского общения” был “болмацI”, составивший основу аварского литературного языка. Но у себя дома жители названных сел обычно общались на том или ином диалекте или говоре. Известно, например, что в семье сенатора Эмануллагь Челеби “домашним” языком был тиндинский, в семье Нурмегьмега Хазер (генерал в отставке, паша, руководитель образовательно-культурного фонда Шамиля в Стамбуле) -каратинский, и т.д. В Гю-

нее во многих семьях еще недавно говорили на цудахарском и акушинском диалектах, кадарском говоре даргинского языка.

В сельском быту все общались на общепонятном аварском языке “болмацI”. Однако за более чем вековой промежуток изолированного функционирования “болмацI” в том виде, в каком он используется в Дагестане, и существовал в Турции — это, естественно, не одно тоже.

В общение с недагестанцами в основном было включено взрослое мужское население. Еще лет тридцать назад молодое поколение этнических дагестанцев осваивало турецкий язык в основном в школе. Как сказал Абидин Сунгур, уроженец Гюнея: “Я никогда не называл свою мать “анне”, а называл только “эбел”. Лет пятнадцать — двадцать тому назад турецкий язык все активнее стал употребляться во внутрисемейном общении. Однако в сельском быту предпочтении оказывалось аварскому болмацI. Сегодня, за исключением селений Учтепе, и, отчасти, Гексуна в провинции Кахраман Мараш, некоторых аварских семей, живущих в провинции Муш, во всех ситуациях общения употребляется в основном турецкий язык. Для сравнения: многие дагестанцы живя в Дагестане, особенно в городах, зная родной язык, предпочитают не говорить на нем и дома, и за его пределами.

1. Мустафа Тавхан родился в с. Гюней-кой, в семье хаджал-махинцев. Много лет работал тренером по футболу в Германии, имеет там вид на жительство. В настоящее время работает в Ялова, городе-побратиме Махачкалы. Здесь ему принадлежат несколько оборудованных по европейскому образцу спортивных площадок. Он одним из первых, еще с так называемых застойных лет, налаживал связи с Дагестаном, прежде всего с нашими спортсменами. Этому в немалой мере способствовала и его личная дружба с Олимпийским чемпионом по вольной борьбе Загалавом Абдулбековым, другими спортсменами.

instituteofhistory.ru

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эмиграция дагестанцев в Турцию в XIX — нач. XX в. имела негативные для Дагестана этнодемографические последствия. Естественный прирост населения края во второй половине XIX-нач. XX вв. был крайне низким, а в некоторые годы наблюдалась убыль населения. Среди покинувших Родину было много алимов, людей мастеровых. Переселялась обычно наиболее деятельная, активная во всех отношениях, элитная часть народа. Генофонду дагестанских народов был нанесен существенный урон.

Как показывает анализ материалов, малыми семьями в Турцию переселялись редко. Как правило, это были сложные семьи, состоявшие из нескольких поколений. Установить точное число переселившихся из Дагестана в пределы Османской империи из-за несовершенства статистики тех лет сложно. Сведения об общей численности дагестанских мухаджиров, которые приводит турецкий исследователь Б. Хабичоглу на основе анализа архивов османского времени, т. е. 20. 000 человек, занижены.

Дагестанская диаспора пережила многие социально-политические и экономические процессы и потрясения, происходившие на протяжении почти полуторавековой истории Османской империи и турецкого государства.

Расселенные отдельными селениями или анклавами, дисперсно (от провинции Муш до побережья Мраморного моря) дагестанцы имели весьма ограниченные возможности для сохранения на чужбине взаимной солидарности и этнокультурных характеристик. Но вопреки этому малочисленной и полиэтничной дагестанской диаспоре отчасти удавалось сплачиваться вокруг наиболее многочисленной части диаспоры, аварцев, усва-

ивать их язык и идентифицировать себя не по этническим группам, а дагестанцами

Пасионарность самосознания, высокая степень религиозности, ревностное отношение к собственной репутации, основанной на понятиях традиционной морали и происхождения от лично свободных (уздени) или привилегированных (князья, беки, духовенство) сословий, лояльное отношение к существовавшей власти власти, позволяли дагестанцам сохранять свою самобытность и заслужить самое уважительное отношение к себе в турецком обществе.

Однако объективные возможности для воспроизводства этнокультурных свойств в условиях резко изменившейся в Турции за последние три десятилетия социально-культурной среды, государственной и общественно-политической системы, временные и демографические “резервы” этнического меньшинства в противостоянии всеобщим процессам ассимиляции в высшей степени ограничены.

После переселения в Турцию наши соотечественники имели крайне ограниченные возможности для установления связей со своей Родиной. Борьба Российской империи, в состав которой входила большая часть тюркского мира, с призраками пантюркизма и панисламизма, военные успехи и отторжения от Османской империи значительных территорий, с одной стороны, имевшая под собой историческую почву враждебность турок к русским, с другой, отражалась, к сожалению, и на дагестанцах. Социальному престижу, репутации дагестанцев в глазах турок существенный ущерб нанес тот факт, что во время русско-турецкой войны 1877 — 1878 гг. на стороне России воевали и дагестанцы. В то же время, упорное сопротивление царской армии, оказанное в этой войне вооруженными формированиями из северокавказской, в том числе из дагестанской диаспоры, насторожило царскую администрацию настолько, что в любых связях с исторической Родиной, с родственниками, царская охранка упорно искала происки пантюркизма и панисламизма. Для этого широко применялись негласный контроль, (перехват и прочитывание корреспонденций и писем, слежка, вы-

явление и преследование инакомыслия, "политической неблагонадежности" и т.д.).

Борьба с пантюркизмом и панисламизмом в России никогда не прекращалась. Советское государство вовсе лишило диаспору связей с Дагестаном. Редкие визиты в нашу республику представителей диаспоры, как и посещения гражданами Дагестана своих родственников в Турции, Сирии, Иордании и др., контролировались и использовались в идеологических и пропагандистских целях. Объектом пристального внимания советской разведки оставалась и сама диаспора. Первые лица Дагестана внушали народу мысль о том, что между дагестанцами, живущими в советской стране и за рубежом нет ничего общего, что дагестанскую диаспору составляют чуть ли не в большинстве своем лица некогда предавшие Родину и т. п. Искусственное отчуждение дагестанской диаспоры от ее исторической Родины, отсутствие сколько-нибудь существенных, реальных условий для политической и культурной самоорганизации, предопределило перспективы этнической будущности дагестанцев в Турции, лишило их иной альтернативы, кроме интеграции и ассимиляции в турецком обществе. И если дагестанцы как подданные Российской империи, граждане Советского Союза, а ныне — России, имели и имеют те или иные возможности для национально-этнического самоопределения, сохранения и воспроизводства этнокультурных ценностей, то дагестанская диаспора в Турции, в силу причин, о которых мы говорили выше, была лишена таких возможностей. Различия в этнополитической, этнодемографической и этнокультурной среде, мощная "экспансия" русской культуры, в одном случае; турецкой и отчасти арабской, в другом, изменили объективные основания интеграционных и ассимиляционных процессов, их интенсивность и направления. Но по сути процессы эти так или иначе вели к "деэтнизации", ассимиляции дагестанского общества. Именно в наши дни, в связи с урбанизацией и культурной модернизацией, в связи с сужением социальных функций родных языков, эрозией национальных традиций, проблема эта приобрела для дагестанского сообщества народов, в том числе для диаспоры

в ближнем и дальнем зарубежье, глобальный характер. Актуальность сохранения дагестанцами своей этничности усугубляется еще и тем, что абсолютное большинство дагестанского населения живет в условиях этнического смешения, а более трети — за пределами Дагестана, в ближнем и дальнем зарубежье.

Ограничение этнокультурного своеобразия пределами семейного быта, официальная политика, по которой "в Турции живут турки", способствуют процессам натурализации и ассимиляции. Турция — этнически разнородная страна. Межэтнические отношения здесь, в частности с курдами, алеви и т.д., остаются проблемными. При всем этом социальное самочувствие населения определяется не только и не столько этническими корнями, сколько гражданством. Поэтому наши соотечественники в Турции считают себя турками дагестанского происхождения.

Процессы этнической ассимиляции дагестанской диаспоры, т. е. "отуречивания" являются доминирующими. При той социально-политической и этнодемографической ситуации, в которой оказались этнические дагестанцы (дисперсное расселение, высокая степень урбанизации, отсутствие реальных возможностей для воспроизводства этнокультурных ценностей), остановить этот процесс невозможно. Утрата этнических свойств, в особенности родного языка, его почти полное вытеснение из бытовой речи становится существенной этнопсихологической характеристикой дагестанцев, живущих в Турции.

Основные направления этносоциальных процессов, происходивших среди дагестанской диаспоры в Турции на протяжении жизни нескольких поколений прослежены на примере почти 130 летней истории жителей селения Йенигази Карской провинции.

По социальному составу первые переселенцы (мухаджеры) были в большинстве своем мастеровые люди, которые периодически выезжали для работы в другие города Турции в качестве ювелиров, лудильщиков, медников, серебряников, стоя-

рей. Основным занятием как и до переселения, все же было земледелие и скотоводство.

Что касается детей первых мухаджиров, то уже отмечают смешанные браки (в основном с женщинами дагестанского происхождения и, реже, с турчанками). Дочери же первых мухаджиров выходили замуж только внутри с. Йенигази, за лакцев. Женщины второй генерации были в основном домохозяйками. Мужчины помимо сельского хозяйства занимались ювелирным делом и другими промыслами.

На социально-культурный и этнический облик третьего поколения наряду с исторической спецификой эпохи, в которой оно жило, значительное влияние оказали и факторы объективного, этнодемографического характера. Это рождение примерно каждого третьего представителя третьего поколения мухаджиров в этнически-смешанной семье и значительный отток населения в различные города.

За пределами селения возможности сохранить этнические ценности и самобытность ослабевают. В свою очередь этническое смешение через межнациональные браки, нашло отражение в языковой сфере (в 3-ем поколении в семьях общаются исключительно на турецком языке). Тут остро стоит проблема утраты языка.

Таким образом, в условиях дисперсного расселения для дагестанской диаспоры трансформация этнических характеристик от поколения к поколению была неизбежностью. Соответственно менялся и социально-культурный облик генерации. В социально-профессиональном плане третье и четвертое поколения наших соотечественники оказались чрезвычайно мобильными: почти все из них имеют среднее образование, а каждый пятый и высшее. И среди женщин этого поколения весьма высока доля лиц с высшим образованием (почти каждая четвертая).

Из дагестанских языков, более или менее употребляемых в быту нашими соотечественниками в Турции, можно назвать аварский, кумыкский и лезгинский. Более чем вковой промежуток изолированного функционирования "болмацI" в том

виде, в каком он используется в Дагестане, и существовал в Турции — это, естественно, не одно и то же.

Из турецких дагестанцев наиболее индифферентно к переходу на турецкий язык относятся лакцы — число лиц, владеющих лакским исчисляется среди них единицами.

Кумыкская диаспора этнопсихологически не ощущает особых различий между кумыкским и турецким языками, хотя этническое самосознание у кумыков выражено не меньше, чем у остальной части дагестанской диаспоры, а кумыкский язык сохранился даже в большей степени, чем другие. Большинство кумыкских мухаджиров поселилось компактно в провинциях Токат, Сивас, Чанаккале и имеют там свои поселения. (В этих провинциях проживает их не менее 5-ти тысяч, кумыкский язык используется в качестве бытового. На свадьбах исполняются дагестанские танцы, кумыкские мелодии, сохраняются некоторые семейные традиции). Там, где они живут дисперсно (в селах Тандирли (р-н Эрбаа) и Багъларбаши (р-н Турхала) в Токате или одельными семьями (в провинциях Ялова (с. Эсадийе), Муш (Йагъжилар) кумыкский язык не сохраняется.

Среди этнических лезгин родной язык хотя и вытесняется из употребления турецким, старшее и, отчасти, среднее поколение турецки все же владеет им в достаточной для общения степени.

Аналогичная ситуация и среди дидойцев, которые известны в Турции как "ЦунтIал" (примерно 300 домов (в провинциях Токат и Сивас). Многие из них наряду с цезским владеют и аварским языками.

Процессы этнической ассимиляции дагестанской диаспоры в Турции носят необратимый характер. Этому способствовали политические, экономические, культурные факторы, урбанизация, которые постепенно привели к усилению размыва национального самосознания и к ассимиляции. В городах среди многочисленного инонационального окружения наша диаспора подверглась интенсивной ассимиляции.

Искусственное отчуждение дагестанской диаспоры от ее исторической Родины, отсутствие сколько-нибудь существенных,

реальных условий для политической и культурной самоорганизации, предопределило перспективы этнической будущности дагестанцев в Турции, лишило их иной альтернативы, кроме интеграции и ассимиляции в турецком обществе. И если дагестанцы как подданные Российской империи, граждане Советского Союза, а ныне — России, имели и имеют те или иные возможности для национально-этнического самоопределения, сохранения и воспроизводства этнокультурных ценностей, то дагестанская диаспора в Турции была лишена таких возможностей.

Дагестанцы попали в иные, чуждые для них обстоятельства политической, экономической и культурной жизни. Вопреки тому, что Российская империя была “тюрьмой народов”, а сами русские имели громадную культурную дистанцию между просвещенным меньшинством и униженным невежественным большинством, благотворное влияние русской культуры на духовную жизнь дагестанских народов, освоение через эту культуру достижений европейской цивилизации, образованности, т. е. все то, о чем написано в десятках подобострастных монографических изданий, было, при всех издержках и потерях традиционных культурных ценностей, серьезным достижением. То, что железная дорога в Дагестане появилась в конце XIX века, а, например, в Иране только в конце 30-х годов XX века, или то, что дагестанцы по своей социальной структуре, уровню образования, бюрократической организованности вполне готовы интегрироваться и в пределах России, и в Азии, и в Западном мире, не нуждается в комментариях.

Различия в этнополитической, этнодемографической и этнокультурной среде, мощная “экспансия” русской культуры, в одном случае, турецкой и отчасти арабской, в другом, изменили объективные основания интеграционных и ассимиляционных процессов, их интенсивность и направления. Но по сути процессы эти так или иначе вели к “деэтнизации”, ассимиляции дагестанского общества. Именно в наши дни, в связи с урбанизацией и культурной модернизацией, в связи с сужением социальных функций родных языков, эрозией национальных

традиций, проблема эта приобрела для дагестанского сообщества народов, в том числе для диаспоры в ближнем и дальнем зарубежье, глобальный характер. Актуальность сохранения дагестанцами своей этничности усугубляется еще и тем, что абсолютное большинство дагестанского населения живет в условиях этнического смешения, а более трети — за пределами Дагестана, в ближнем и дальнем зарубежье.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	3
ИСТОРИЧЕСКИЕ И ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ДАГЕСТАНСКОЙ ДИАСПОРЫ	11
ВЫСЕЛЕНИЕ. ВЫНУЖДЕННОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ. ПРИЧИНЫ И МОТИВЫ	28
ОТНОШЕНИЕ ПОРТЫ К МУХАДЖИРСТВУ	37
КАК ПЕРЕСЕЛЯЛИСЬ	40
КТО ПЕРЕСЕЛЯЛСЯ	51
СКОЛЬКО ПЕРЕСЕЛИЛОСЬ	58
ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ	64
ДАГЕСТАНЦЫ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ТУРЦИИ	65
СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ ОБЛИК ДАГЕСТАНЦЕВ В ТУРЦИИ	89
СЕЛЕНИЕ ЙЕНИГАЗИ	100
МУХАДЖИРЫ	103
ДЕТИ	107
ВНУКИ	112
ПРАВНУКИ	116
ЭТНОЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ	120
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	126

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

Магомедхан Магомедханов

ДАГЕСТАНЦЫ В ТУРЦИИ

Формат 60x84 1/16. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Тир. 100 экз.

Магомедханов Магомедхан Магомедович, родился 8.08.1951 г. в селении Арчиб Чародинского района РД.

Окончил отделение этнографии исторического факультета Ленинградского университета (1979г. Руководитель — профессор Рудольф Итс) и аспирантуру Института этнографии АН СССР (1983 г., Москва. Руководитель — академик Юлиан Бромлей).

Старший научный сотрудник Института ИАЭ ДНЦ РАН, канд. ист. наук. Работал в Центре исламских исследований Оксфордского (Великобритания) и в Высшей школе государственного управления им. Дж. Кеннеди Гарвардского (США) университетов.

Выступал с докладами на Всероссийских и Международных (США, Великобритания, Нидерланды, Турция, Венгрия и др.) симпозиумах и конгрессах. Автор более 40 научных публикаций по проблемам этнической истории, этносоциологии, культуры и быта народов Дагестана, в том числе на английском, турецком, венгерском и урду языках.

Владеет английским, арабским, турецким и несколькими дагестанскими языками.